

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредитель:
ФГБОУ ВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

2/2014
(№ 87)

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы федерализма

- 5 **Р. Буквич.** Развитие региональной проблемы в Югославии в 1918—1941 гг.: централизм, федерализм и международные проблемы
- 22 **О. В. Бахлова.** Политическое влияние лидера как ресурс региона в системе федеративных отношений постсоветской России

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 31 **Д. В. Доленко, С. А. Мальченков.** Политическая модернизация России и ее геостратегические приоритеты
- 40 **О. В. Цветкова.** Теоретико-методологические основы исследований государственных границ
- 48 **И. Н. Горячев.** Формирование и классификация городского пространства России
- 55 **Л. П. Васильева.** Особенности и проблемы управления сбалансированного развития региональных социально-экономических систем

Экономика региона

- 62 **Н. А. Филиппова, Т. А. Ефремова.** Становление и развитие налоговых органов в регионе
- 69 **Л. А. Кормишкина, Н. Н. Семенова.** Конкурентоспособность агропромышленного комплекса региона в контексте «Ромба» М. Портера: оценка и перспективы
- 84 **С. А. Щанкин, А. Ф. Кузнецов.** Формирование и реализация инновационной стратегии предприятия региона
- 92 **А. В. Панов.** Повышение экономической эффективности систем горячего водоснабжения многоэтажных зданий г. Саранска

Социология региона

- 97 **В. А. Писачкин, В. В. Козин.** «Надгеографическое пространство» социальной реальности

Редколлегия:

С. М. ВДОВИН
(главный редактор)
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
В. П. БАБИНЦЕВ
В. И. ГРИШИН
А. В. ДАХИН
П. В. ДРУЖИНИН
А. Н. ЕРШОВ
В. В. ИЛЬИН
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
А. КЕРЕЖИ
В. А. КОВАЛЕВ
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
В. В. МАРЕСЬЕВ
А. И. СУХАРЕВ
Ж. СИМАНВИЧЕНЕ
Э. К. ХАРАЦИДИС

Экспертный совет:

И. В. БАХЛОВ
О. А. БОГАТОВА
Н. И. ВОРОНИНА
Н. Д. ГУСЬКОВА
Д. В. ДОЛЕНКО
Ю. А. ЕЛИСЕЕВА
Е. А. НЕРЕТИНА
В. А. ПИСАЧКИН
С. В. ПОЛУТИН
И. Л. СИРОТИНА
И. М. ФАДЕЕВА

- 112 **А. И. Тюленев.** Наука как фактор формальной рационализации предпринимательства
- 122 **Н. С. Савкин.** Социальная адаптация: некоторые региональные аспекты
- 134 **А. А. Салатова.** Миграция в регион: региональные проявления глобальных трендов
- 145 **Е. Н. Жарова.** Уровень жизни населения региона в контексте индекса развития человеческого потенциала

Информационное пространство региона

- 152 **Ж. Ю. Бакаева, А. В. Захряпин, А. В. Петухов.** Особенности и тенденции развития современного информационного социума
- 159 **С. Г. Ушкин.** Тональность дискурсов национальной (этнокультурной) политики в средствах массовой информации Приволжского федерального округа

Философия в регионе

- 170 **В. А. Кибенко.** Нравственные императивы в социальной и духовной сфере информационного социума
- 177 **М. А. Елдин.** Диалог духовных традиций регионов Евразии и Руси-России как основа культурного бытия российского социума
- 189 **Н. В. Рябов.** Этнос и самосознание в контексте народной культуры мордовского народа

Провинциальная культура

- 201 **А. А. Беляцкая, Ю. В. Кузнецова.** Развитие национальных лингвокультур и формирование единого лингвокультурного пространства
- 209 **Т. В. Бабочкина, М. А. Юдин** — композитор, педагог и общественный деятель
- 217 **Е. В. Барсукова.** Культуросозидающая роль владений графов Воронцовых в контексте региональной культуры

REGIONOLOGY

Scientific-publicistic journal

Founder:

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education "Ogarev Mordovia State University"

The journal has been published since October 1992

The journal is published quarterly

CONTENTS

Issues of Federalism

- 5 **R. Bukvic.** Development of the Regional Problem in Yugoslavia (1918—1941): Centralism, Federalism and Ethnic Problems
- 22 **O. V. Bakhlova.** Political Influence of the Leader as a Resource of a Region in the System of Federative Relations in the Post-Soviet Russia

Regional Political Space and Territorial Administration

- 31 **D. V. Dolenko, S. A. Malchenkov.** Political Modernization of Russia and Its Geostrategic Priorities
- 40 **O. V. Tsvetkova.** Theoretical and Methodological Bases of Study of State Borders
- 48 **I. N. Goryachev.** Formation and Classification of Urban Space of Russia
- 55 **L. P. Vasilieva.** Features and Issues of Management of Balanced Development of Regional Socio-Economic Systems

Regional Economy

- 62 **N. A. Filippova, T. A. Efremova.** Establishment and Development of Tax Authorities in a Region
- 69 **L. A. Kormishkina, N. N. Semenova.** Competitiveness of the Agro-Industrial Complex of a Region in the Context of the M. Porter's Diamond Model: Assessment and Prospects
- 84 **S. A. Schankin, A. F. Kuznetsov.** Formation and Implementation of the Innovation Strategy of an Enterprise of a Region
- 92 **A. V. Panov.** Ways to Increase Economic Efficiency of Hot Water Supply Systems for Multi-Storey Buildings in the City of Saransk

Regional Sociology

- 97 **V. A. Pisachkin, V. V. Kozin.** «Supra-Geographical Space» of Social Reality

2/2014
(№ 87)

Editorial board:

S. M. VDOVIN
(Editor-in-Chief)
N. M. ARSENTIEV
V. P. BABINTSEV
V. I. GRISHIN
A. V. DAKHIN
P. V. DRUZHININ
A. N. ERSHOV
V. V. ILYIN
L. V. KALACHINA
(Executive Secretary)
B. F. KEVBRIN
A. KEREZHI
V. A. KOVALEV
V. V. KOZIN
(Deputy Editor-in-Chief)
V. V. KONAKOV
V. V. MARESEV
A. I. SUKHAREV
Z. SIMANAVICHENE
E. K. CHARATSIDIS

Expert board:

I. V. BAKHLOV
O. A. BOGATOVA
N. I. VORONINA
N. D. GUSKOVA
D. V. DOLENKO
Yu. A. ELISEEVA
E. A. NERETINA
V. A. PISACHKIN
S. V. POLUTIN
I. L. SIROTINA
I. M. FADEEVA

- 112 **A. I. Tyulenev.** Science as a Factor of Formal Rationalization of Entrepreneurship in a Region
- 122 **N. S. Savkin.** Social Adaptation: Some Regional Aspects
- 134 **A. A. Salatova.** Migration to a Region: Local Manifestations of Regional Trends
- 145 **E. N. Zharova.** Standard of Living of the Population of a Region in the Context of the Index of Human Potential Development

Heading-Information Space of a Region

- 152 **Zh. Yu. Bakaeva, A. V. Zakhryapin, A. V. Petukhov.** Features and Tendencies of Development of Information Society
- 159 **S. G. Ushkin.** Tone of the Discourse of National (Ethno-Cultural) Policy in Mass Media of the Volga Federal District

Philosophy in the Region

- 170 **V. A. Kibenko.** Moral Imperatives in the Social and Spiritual Spheres of the Information Society
- 177 **M. A. Eldin.** Dialogue of Spiritual Traditions of the Eurasian Regions and Rus (Russia) as the Basis of Being of the Russian Society
- 189 **N. V. Ryabov.** Ethnicity and Self-Consciousness in the Context of the Ethnic Culture of the Mordvinian People

Provincial Culture

- 201 **A. A. Belyatskaya, Yu. V. Kuznetsova.** Development of National Linguistic Cultures and Formation of a Common Linguistic and Cultural Space
- 209 **T. V. Babochkina.** M. A. Yudin — a Composer, Teacher and Public Figure
- 217 **E. V. Barsukova.** Culture-Creating Role of the Counts Vorontsovs' Estates in the Context of Regional Culture



P. БУКВИЧ

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ В ЮГОСЛАВИИ В 1918—1941 гг.: ЦЕНТРАЛИЗМ, ФЕДЕРАЛИЗМ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: региональная проблема, Югославия, унитарное государство, области, бановины, федерализм, централизм, национальные интересы

Key words: regional problem, Yugoslavia, unitary state, regions, banovinas, federalism, centralism, national interests

В статье рассматривается генезис и процесс нарастания региональной проблемы в Югославии, в период между мировыми войнами в 1918—1941 гг. в контексте дискуссии о форме государственного устройства.

The paper examines the origins and the process of growing of the regional problem in Yugoslavia in the period between the World Wars (1918—1941) in the context of discussions about the form of statehood.

Югославия в том виде, в каком она просуществовала до 1991 г., была организована как федеративное государство пяти народов и шести республик. Официально основанием для такой ее организации стало Постановление о создании Югославии на федеративном принципе, принятое на Втором заседании АВНОЮ (Антифашистское вече Народного освобождения Югославии), только 29 ноября 1943 г.¹ В соответствии с этим Постановлением Югославия после Второй мировой войны была создана как федеративное государство, что отражало стремление некоторых ее народов и партий к большей самостоятельности, которое проявлялось в брожениях и конфликтах в период между мировыми войнами (когда Югославия была унитарным, централизованным государством). Это было только одним из этапов существования югославского государства. До Второй мировой войны ее устройство было совершенно другим.

БУКВИЧ Райко, географический институт Йован Цвиич САНИ (г. Белград).

В ранних документах устройство будущего государства не было определено, но в них преобладало негативное отношение к федеративному устройству². В начале 1920-х гг., когда готовилась первая (Видовданская) конституция, еще преобладало убеждение, что централизм является единственным способом, позволяющим обеспечить народное и государственное единство. Отсюда и стремление к разделению исторических провинций, которые вошли в Югославию³, чтобы таким путем сделать невозможным возникновение сепаратистских тенденций, основанных на их особенностях⁴. В соответствии с этим территория государства была разделена на меньшие единицы: округа, уезды и общины.



Рис. 1. Формирование Югославии из исторических провинций в 1919 г.⁵

Антифедерализм и антисепаратизм были реализованы в так называемой Видовданской конституции 1921 г.⁶, декларировавшей унитарное (централистское) устройство, исходя из предпосылок национального унитаризма, т. е. единства «трехплеменного народа», и предписавшей, что «управление осуществляется по областям, округам, уездам и общинам» (ст. 95). В отношении к предвоенной, самостоятельной Сербии вводилась новая административная единица высшей степени — область. Это была некоторая уступка тем, кто выступал за самостоятельность исторических провинций, независимо от того, существовали ли они прежде как административ-

ные самостоятельные единицы (Сербия и Черногория) или в составе других государств. В той же статье Конституции подчеркивается: «Разделение на области определяется законом, согласно природным, социальным и экономическим обстоятельствам: область может иметь не более 800 тыс. жителей». Компетенция новых административных единиц была понята как обычное локальное самоуправление: области отличались от самоуправляющихся округов только своей величиной.

Принятие конституции проходило трудно, так как противодействие оппозиции было очень сильным. Предварительно были проведены выборы в Учредительное собрание (28 ноября 1920 г.), но настоящего выбора государственного строя не произошло: монархия была навязана еще до провозглашения конституции. Поэтому Хорватская крестьянская республиканская партия, борющаяся за конфедеративный строй, в котором сохранилась бы «континуальность хорватской государственности», со своими 50 депутатами не участвовала в сессии парламента. Они не признавали объединение от 1 декабря 1918 г. К ним присоединились коммунисты (58 депутатов), не голосовавшие за конституцию, поскольку придерживались мнения, что новое государство является «искусственным версальским построением», которое надо разрушить⁷.



Рис. 2. Территориальное разделение Королевства сербов, хорватов, словенцев (СХС) на области 1921—1929 гг.

Противников нового государственного строя было много, они имели свои варианты решения проблемы, значительно различающиеся между собой. Принятие конституции не разрешило противоречий, столкновения продолжались еще долго. Например, драки в парламенте, одна из которых закончилась убийством оппозиционных (хорватских) депутатов 20 июня 1928 г., что было поводом для отклонения конституции и введения диктатуры короля Александра.

Согласно конституции, разделение страны на области произошло в 1921 г. Король Александр 27 октября 1921 г. одобрил вынесение на обсуждение в Народном собрании закона о разделении государства на области. В связи с тем, что в Собрании этот закон встретил сопротивление хорватов, правительство Н. Пашича 26 апреля 1922 г. приняло Предписание о разделении страны на области. Королевство СХС было разделено на 33 области согласно географическому, социальному, экономическому, этническому и историческому началам (рис. 2). Предвоенная Сербия была разделена на 14 областей (если включить и Македонию, исторически называющуюся Старая Сербия — на 17), Босния и Герцеговина — на 6, Хорватия — на 4, Воеводина — на 4, Словения — на 2, только Черногория осталась в одной области.

20-е гг. XX в., с одной стороны, прошли в попытках преодолеть в стране различия (не только экономические), обусловленные предвоенной громадной дифференциацией в условиях жизни отдельных провинций, с другой — в постоянных попытках некоторых народов решить национальный вопрос. Экономические проблемы часто перерастали в национальные, как это случилось с заменой валют и введением единого средства платежа (динара) на территории всей страны, или с введением единой налоговой и фискальной системы. Даже в современных публикациях можно найти суждения о том, что якобы сербы в процессе этих неизбежных мероприятиях эксплуатировали хорватов (в последнее время — и Воеводину). Хотя такие высказывания уже много раз опровергнуты, они снова появляются⁸.

Особенно активно отстаивали свои национальные интересы хорваты (хотя и не только они), что усиливало противостояние центральным властям и сербскому народу. Ситуация усложнялась свежими воспоминаниями о войне, в которой одни боролись за освобождение не только своей родины, но

и всех южнославянских земель, на которых многие воевали на противоположной стороне. Эти противоречия достигли пика 20 июня 1928 г., когда было совершено трагическое покушение в Скубщине, открывшее новую страницу в жизни страны.

Видовданская конституция была отменена 6 января 1929 г., введением так называемой Диктатуры Короля Александра⁹, которая формально длилась до 3 сентября 1931 г. (когда была принята новая конституция, получившая название Сентябрьская). Государство уже перед принятием новой конституции получило новое название Королевство Югославия. Предыдущее разделение государства на 33 области было заменено новым. Теперь оно делилось на девять бановин (рис. 3)¹⁰, получивших названия по именам больших рек: Дравская, Савская, Врбаская, Приморская, Дринская, Зетская, Дунайская, Моравская, Вардарская¹¹. Белград, как главный город, не принадлежал ни одной из бановин — вместе с городами Панчево и Земун он представлял особую единицу (Управление г. Белграда). Каждая из бановин имела более 800 тыс. жителей, шесть из них имело более одного, а две — свыше двух миллионов жителей. Бановины получили право принимать предписания, имеющие силу локальных законов¹².

Между тем закрепленные новой конституцией, как и Видовданской, административные границы не соответствовали старым историческим провинциям, и интересам некоторых народов, особенно хорватов. Разграничение бановин было сделано на новой основе и учитывало этнические принципы, но интересы всех народов не могли быть реализованными полностью. Так, сербы представляли большинство в пяти бановин. Словения вошла в состав Дравской, сегодняшняя Македония — Вардарской (с частями Сербии и Косова), Черногория Зетской (с частями Далмации, Метохии, Герцеговины, Боснии и Рашкой-Санджака). Хорватия была разделена на Савскую и Приморскую бановину, Воеводина была в составе Дунайской. Сербия была разделена на Моравскую, Дравскую, Дунайскую, Зетскую и Вардарскую, а Босния и Герцеговина на Дринскую, Врбаскую, Приморскую и Зетскую бановины. Первоначальные границы бановин были изменены очень скоро, уже 28 августа 1931 г.¹³

Разделением страны на бановины был реализован план словенца Б. Вошняка от 1917 г., согласно которому (в одном из набросков конституции) государство предлагалось разделить от десяти до двенадцати жупаний¹⁴, которые носили бы, по французской модели, имена больших рек¹⁵.



Рис. 3. Бановины Королевства Югославия 1931—1939 гг.

Хотя в конституции 1931 г. уже прослеживалась определенная децентрализация, федерализм все еще не поддерживался. Даже убийство короля (в Марселье 9 октября 1934 г.), являвшегося самым жестким сторонником централизма, не принесло перемен. Политику национального унитаризма продолжило наместничество, а вскоре была основана и Югославская национальная партия (ЮНС)¹⁶. Выборы 1935 г., вопреки победы ЮНС, показали перемены в настроениях населения и некоторых партий (Демократическая), которые стали обсуждать идею югославской федерации. Наиболее крупные перемены произошли во внешней политике, где усилилась прогерманская ориентация. Ее главными носителями были крупнейшие капиталисты и финансисты, возглавляемые М. Стоядиновичем, покинувшим в 1935 г. ЮНС и ставшим премьер-министром как глава новообразованного Югославского радикального сообщества, на котором оставался до 1939 г. Это не могло не отразиться на интересах и позициях Англии и Франции, доминирующих до тех пор

в югославской экономике¹⁷. Вскоре произошло разделение национальной элиты на два противоборствующих лагеря — с одной стороны Англия и Франция, с другой — Германия.



Рис. 4. Хорватская бановина 1939 г.

В этих условиях наметились перемены по отношению к внутреннему устройству государства. К идее федерализма стали склоняться Демократическая партия, Югославская мусульманская организация, Югославское радикальное сообщество, даже Радикальная партия стала говорить о «соглашении с хорватами». Прообраз федерализма возник формально в результате соглашения Цветкович — Мачек от 26 августа 1939 г. Тогда была создана Хорватская бановина¹⁸ (рис. 4), которая занимала 65 456 км² и имела 4 403 199 жителей, среди них 70,1 % составляли хорваты, 19,1 % сербы, 3,6 % мусульмане и 7,2 % остальные (немцы, венгры и др.)¹⁹. Это сразу актуализировало вопрос о национальном разграничении двух других доминирующих в тогдашнем государстве народов — сербов и словенцев. При этом положение словенцев было благоприятным. Положение сербского народа не было изменено ввиду скорого начала

Второй мировой войны, но есть мнение, что соглашением Цветкович — Мачек было предусмотрено и позднее даже подготовлено устройство сербской бановины («Сербские земли»), которая должна была охватить остальные бановины (Врбаска, Дунавска, Моравска, Зетска и Вардарска), кроме Дравской, со столицей в Скопле²⁰. Следует отметить, что многие в Югославии скептически оценивали перспективы зарождающегося югославского федерализма, который вытекал из-за этого соглашения и его постановлений²¹.

Переустройство югославского королевства и создание Хорватской бановины происходили в условиях подготовки к новой мировой войне, несмотря на попытки разных государств предотвратить военные действия (во многих случаях это были попытки только на словах). В Европе 1930-е гг. прошли в лихорадочных попытках разных стран заключать договоры о дружбе, военных союзах, военной помощи и т. п. В таких соглашениях участвовали Англия, Франция, СССР, Германия, Польша, Чехословакия и т. д. Эти соглашения не предупредили войну, даже можно сказать, что в какой-то степени ее приблизили, вызывая всеобщую подозрительность. Хотя Югославия была слишком слаба в военном и экономическом отношениях, она также пыталась во всей этой игре вести себя активно. Но все попытки не позволить ведущим государствам вовлечь Югославию в войну оказались безуспешными. Даже установление дипломатических отношений Югославии с СССР, последовавшее 10 июня 1940 г., не помогло.

Дипломатическая активность между германскими и югославскими властями, привела к заключению соглашения с Германией о ненападении 25 марта 1941 г., но уже 27 марта в результате государственного переворота власть в Белграде была заменена. Народ Сербии таким образом высказался против Германии, хотя в Европе уже почти два года шла война, в которой, казалось, Германию невозможно было остановить²². Возмездие пришло очень быстро — германское нападение началось 6 апреля и уже через 12 дней Югославия капитулировала. Последовали оккупация и разделение страны между Германией, Италией, Венгрией, Болгарией. Сопротивление было слабым и плохо организованным. В стране повторилась ситуация Первой мировой войны — части югославской армии пытались сопротивляться, но ее

состав был значительно ослаблен дезертирством хорватских офицеров и солдат. Они переезжали в Хорватию, так как там уже 10 апреля было создано Независимое Государство Хорватия (НГХ, или на сербском НДХ, рис. 5), ставшее германским и итальянским союзником. Это было прологом к одной из самых трагических страниц не только Второй мировой войны — в концлагерях в НГХ, созданных сразу после провозглашения НГХ (Ясеновац, Ядовно, Старая Градишка и др.), страдали многие люди, особенно сербы, евреи и цыгане. Точное число погибших никогда не было официально обнародовано (по разным оценкам, в результате геноцида погибло от 197 до 800 тыс. сербов), возможно, и потому, что после войны хорваты новыми властями были переведены в ряды победителей в войне.



Рис. 5. Независимое государство Хорватия 1941—1945 гг.

Югославия в 1918 г. была слабо развитой, преимущественно аграрной страной (почти 80 % населения проживало в сельской местности), объединившей разные провинции, до мировой войны существовавших в различных условиях и в

различных государствах. Народы этих государств принадлежали к трем конфессиям (православию, католицизму и исламу), и в войне находились на противоположных сторонах, что существенно мешало объединению и вызывало большие политические проблемы. Последнее особенно важно ввиду того, что Сербия в войне понесла самые большие потери²³. В новое государство²⁴ размером 247 542 км² вошли исторические провинции: Сербия — 87 303 км², Босния и Герцеговина — 51 199 км², Хорватия со Славонией и Сремом — 43 308 км², Воеводина без Срема (Бачка, Банат и Баранья) — 19 702 км², Словения без Междумурья — 16 197 км², Черногория — 14 180 км², Далмация — 12 732 км², Междумурье — 775 км². Население составило свыше 12 млн чел. и было этнически смешанным: 84,4 % — славянского и 15,6 % — неславянского происхождения (немцы — 4,3 %, венгры — 3,9 %, албанцы — 3,7 %, румыны — 1,9 %). Сербь и хорваты составляли большинство населения: 45 % и 25 % от общего числа, причем бытовавшее тогда понимание национальной принадлежности не совпадает с современным. Новое королевство унаследовало 6 пошлинных зон, 5 валют, 4 железнодорожных и 3 банковских системы.

Первые годы существования государства прошли в борьбе за признание²⁵ и налаживание отношений с соседними государствами, восстановление разрушенной страны, подготовку ее модернизации и индустриализации. Это подразумевало проведение аграрной реформы, поскольку в отличие от территорий, освобожденных от Турции, в провинциях принадлежащих Австро-Венгрии сохранились феодальные отношения. Аграрная реформа заняла 12 лет (1919—1931 гг.), и хотя осталась недовершенной, принесла существенные положительные перемены в землевладении (было перераспределено около 1 700 тыс. га) и демографической структуре.

Экономические проблемы долгое время были в тени борьбы за репарации от сил Оси. В 1921 г. Германии и ее союзникам были определены репарации в сумме 132 млрд золотых марок (самой Германии — 123,3), из них 6,5 % принадлежало Королевству СХС (5 % от германских репараций), причем Сербия получила право на репарации, а остальные части нового государства как провинции бывшей Австро-Венгрии должны были платить за военный ущерб. Кроме того, Сербия должна была получить 1,2 млрд франков

от Австрии, Венгрии и Болгарии. В течение 1921—1931 гг. Королевство СХС получило 670 млн золотых марок (от Германии 479 135 580 натурой и 2 317 285 деньгами). Конференция в Лозанне, в конце 1931 г., ввела мораторий на репарации — Германия заплатила всего 23 млрд марок.

Результаты экономического развития страны между войнами были более чем скромными. Национальный доход рос в период 1923—1939 гг. в среднем на 1,9 %, на душу населения 0,15 % в год, его общий объем был всего на 48 % выше уровня 1923 г.²⁶ Модернизация и индустриализация страны реализовывались медленно, причем промышленность развивалась преимущественно на основе иностранного капитала, а он вкладывался там, где мог занять монопольное положение, и в первую очередь в горное дело. Доля сельского хозяйства в национальном доходе в 1939 г. была сопоставима с 1923 г. (немногим больше 46 %), доля промышленности немного возросла. В целом структура экономики почти не изменилась, произошло небольшое увеличение доли промышленности (около 4 %) и транспорта (около 2,5 %) при уменьшении долей лесоводства (около 3 %) и ремесла (около 2,5 %). Инвестиции в промышленность шли преимущественно в развитые регионы, поэтому территориальное развитие страны менялось медленно.

Последнее подтверждается поведением иностранного капитала. Он преимущественно искал возможности своего приложения в более развитых областях (таблица). Это были исторические провинции северо-запада страны.

Таблица
Доля иностранного капитала в исторических провинциях в 1938 г.²⁷

Область	Доля иностранного капитала, в %		
	количество заводов	капитал	рабочие места
Словения	32,5	57,9	55,7
Хорватия и Славония	28,8	50,5	49,9
Далмация	19,4	76,4	54,8
Босния и Герцеговина	26,4	48,1	36,7
Воеводина (без Срема)	14,7	47,2	30,3
Сербия (в границах до 1912 г.)	20,2	37,4	30,6
Часть Южной Сербии и Македония	11,8	25,9	13,7
Черногория	22,7	1,5	5,1

В 1918 г. новое государство создали народы, проживающие ранее в различных странах, исторических и культурных условиях. Они привнесли в него различные культуры, традиции, обычаи, вероисповедания, юридические, собственные системы и др. В межвоенный период страна пробовала преодолеть эти различия унитарным устройством, считая его более подходящим, чем федеративное. Страна не смогла обеспечить быстрый экономический рост, что вызывало обострение межнациональных противоречий. Под влиянием преимущественно хорватских национальных претензий политическая система двигалась в направлении федерализации. Государственная региональная политика была малоэффективной, а экономическое развитие было направлено на пользу иностранного капитала. В таких условиях отношения между историческими провинциями менялись медленно, чем многие были недовольны. К началу Второй мировой войны страна не была готова. Вскоре после начала войны было создано Независимое Государство Хорватия, ставшее союзником фашистских сил. На сторону фашистов перешли и некоторые части других народов, что способствовало дальнейшему развалу страны.

Попытки преодолеть межрегиональные и межнациональные различия и противоречия централизованным устройством страны потерпели полное крушение. Страна распалась, противостояния переросли в межнациональные столкновения, иногда и военные действия. За страдания гражданского населения в концлагерях ответственность несут не только оккупационные силы. Как и в Первой мировой войне, южнославянские народы (преимущественно сербы) во Второй мировой войне имели самые большие жертвы. Но их ожидала еще одна попытка наладить добрососедские отношения и создать совместное с соседними народами государство, чтобы еще раз попытаться преодолеть межрегиональные и межнациональные различия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Predsjedništvo Antifašističkog vijeća Narodnog oslobođenja Jugoslavije, Drugo zasjedanje Antifašističkog vijeća narodnog oslobođenja Jugoslavije, izdanje AVNOJ-a, 1943, reprint izdanje, С. 36—37.

² См.: Павловић М. Југословенска Краљевина прва европска регионална држава // Зборник Матице српске за друштвене науке. 2012. № 4. С. 504.

³ В новое государство вошли Сербия и Черногория, имеющие самостоятельность перед войной, и территории, принадлежащие Австро-Венгрии, но освобожденные войсками Сербии и Черногории. В действительности, после окончания войны и перед созданием Королевства (СХС) к Сербии присоединились 25 ноября 1918 г. Банат, Бачка, Срем и Бараня, как части Сербской Воеводины в бывшей Австро-Венгрии, 26 ноября, — Черногория, а также многие города и округа Боснии и Герцеговины — Баялука, Би-хач, Зворник, Приедор, Биелина, Гацко, Яйце... Объединение страны произошло 1 декабря 1918 г., но уже односторонним актом сербского регента А. Карагеоргиевича, ставшего королем нового государства.

⁴ Исторически сложившиеся провинции, вошедшие в состав нового государства: Словения, Хорватия и Славония, Далмация, Босния и Герцеговина, Воеводина (без Срема), Сербия (в границах до Балканских войн 1912), Южная Сербия и Черногория.

⁵ Источник этого и других рисунков, если иначе не приведено, — Википедия.

⁶ Ustav Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca, Beograd, 1926. Конституция получила название Видовданская, по дате когда была принята (28 июня).

⁷ См.: Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. Uzroci i posledice poraza, Beograd — Ljubljana — Titograd, 1982. С. 9—10.

⁸ «Классическим» трудом такого направления надо считать знаменитую книгу Рудольфа Бичанича «Экономическое основание хорватского вопроса» из 1938 года (Bićanić R., Ekonomska podloga hrvatskog pitanja, Zagreb, 1938), ставшую образцом всех последующих попыток доказать эксплуатацию других народов, осуществляемую сербами.

⁹ Королевская диктатура, опиравшаяся на армию, была введена Законом о королевской власти и верховном государственным управлении, которому последовали дополнения Закона о защите государства, запретившие политические группировки на основе вероисповедания или племени и введшие перемену названия государства (3 октября 1929). Всем этим подчеркивалось усиление централистского устройства страны.

¹⁰ Бановина — административно-территориальная единица Королевства Югославии в период 1929—1941 гг., соответствовавшая русской губернии.

¹¹ Это разделение ввел король Александр Карагеоргиевич, а подтвердила Конституция 1931 года.

¹² Сравнение компетенций бановин с компетенциями регионов из конституции Испании 1978 г. показывает почти полное совпадение, и это позволяет сделать вывод о том, что Королевство Югославия является первым европейским региональным государством (Павловић М. Југословенска Краљевина прва...).

¹³ Уезды Вуковар, Винковцы и Жупаня были изъяты из Дринской, а Чабар из Дравской и присоединены к Савской бановине, Чрномель из Савской «переброшен» в Дравскую, Столац из Зетской в Приморскую, Травник из Приморской и Ивица из Зетской в Дринскую, Джаковица и Ораховац из Вардарской и Србица из Моравской в Зетскую бановину.

¹⁴ Жупания (жупа), административная единица в средневековых южно-славянских землях, территория находившаяся под властью дворянина, феодала.

¹⁵ Свое предложение Вошняк обосновал, под влиянием англичанина Л. Кертиса (Lionel Curtis) и Ф. Кера (Philip Carr), основываясь на модели конституции Южно-африканского Союза от 1909 г.

¹⁶ Югославская национальная партия возникла в 1933 г. из Югославской радикальной крестьянской демократии, основанной в 1932 г. Партия делегировала премьер-министров Югославии с 1932 по 1935 г.

¹⁷ См.: Dimitrijević S. Strani kapital u privredi bivše Jugoslavije. Beograd, 1958. С. 161.

¹⁸ Предписание о Бановине Хорватской, от 26 августа 1939 года, в ст. 1 определяет: «Савская и Приморская бановины, а также уезды Дубровник, Шид, Илок, Брчко, Градацац, Дервента, Травник и Фойница соединяются в одну бановину имени Бановина Хорватская».

¹⁹ Согласно данным атласа опубликованного в издательстве хорватского сообщества Крестьянское согласие (Seljačka sloga) в 1939 г.

²⁰ См.: Valenta A. Podjela Bosne i borba za cjelovitost. URL: <http://www.hic.hr/dom/288/dom19.htm> (дата обращения: 15.10.2013).

²¹ См.: Уставно питање, Српски глас, № 24, 25 апреля 1940 г.

²² Официальная историография считает началом Второй мировой войны 1 сентября 1939 г., когда Германия напала на Польшу. Но, военные действия в Европе начались раньше: 13 марта 1938 г. Германия аннексировала Австрию; Германия, Польша и Венгрия 15 марта 1939 г. оккупировали и разделили Чехословакию, 22 марта 1939 г. Германия после ультиматума Литве вошла в Клайпедскую область.

²³ См.: Недок А., Секулић М. Епилог Првог светског рата у бројкама // Војносанитетски преглед, год. 65. 2008. Supplement. С. 98.

²⁴ См.: Петровић Љ. Југословенско друштво између два светска рата // Историја 20 века, год. 26. 2008. № 2. С. 24; Димитријевић Б., Сретеновић С., Спољна политика Краљевине СХС/Југославије 1918—1941 // Ibid. С. 46—47.

²⁵ Югославию признали Норвегия 26 января, США тоже почти непосредственно после начала конференции мира в Париже (18 января 1919), т. е. 7 февраля, а Великобритания только 1 июня и Франция 5 июня 1919 г. На самой конференции как представителей Сербии встретили не только официальных ее членов (премьер-министр Пашич), но и представителей Югославского веча (Анте Трумбич), представлявшего сербов, хорватов и словенцев из бывшей Австро-Венгрии.

²⁶ Stajić S. Nacionalni dohodak Jugoslavije 1923—1939 u stalnim i tekućim cenama. Beograd, 1959. С. 6, 17, 22.

²⁷ Dimitrijević S. Strani kapital u privredi bivše Jugoslavije. Beograd, 1958. С. 168.

Поступила 16.12.2013.

REFERENCES

¹ Predsjedništvo Antifašističkog vijeća Narodnog oslobođenja Jugoslavije, Drugo zasjedanje Antifašističkog vijeća narodnog oslobođenja Jugoslavije, izdanje AVNOJ-a, 1943, reprint izdanje, S. 36—37.

² Sm.: Pavlović M. Jugoslovenska Краљевина прва европска регионална држава // Zbornik Matice srpske za drushtvene nauke. 2012. № 4. С. 504.

³ V novoe gosudarstvo voshli Serbija i Chernogorija, imejushhie samostojatel'nost' pered vojnoj, i territorii, prinadlezhashhie Avstro-Vengrii, no osvobozhdennye vojskami Serbii i Chernogorii. V dejstvitel'nosti, posle okonchaniya vojny i pered sozdaniem Korolevstva (SHS) k Serbii prisooedinilis' 25 nojabrja 1918 g. Banat, Bachka, Srem i Baranja, kak chasti Serbskoj Voevodiny v byvshej Avstro-Vengrii, 26 nojabrja, — Chernogorija, a takzhe mnogie goroda i okrugi Bosni i Gercegoviny — Banjaluka, Bihach, Zvornik, Priedor, Bielina, Gacko, Jajce... Obedinenie strany proizoshlo 1 dekabrja 1918 g., no uzhe odnostoronnim aktom serbskogo regenta A. Karageorgievicha, stavshego korolem novogo gosudarstva.

⁴ Istoricheski slozhivshiesja provincii, voshedshie v sostav novogo gosudarstva: Slovenija, Horvatija i Slavonija, Dalmacija, Bosnija i Gercegovina, Voevodina (bez Srema), Serbija (v granicah do Balkanskih vojn 1912), Juzhnaja Serbija i Chernogorija.

⁵ Istochnik jetogo i drugih risunkov, esli inache ne privedeno, — Vikipedija.

⁶ Ustav Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca, Beograd, 1926. Konstitucija poluchila nazvanie Vidovdanskaja, po date kogda byla prinjata (28 ijunja).

⁷ Sm.: Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. Uzroci i posledice poraza, Beograd — Ljubljana — Titograd, 1982. С. 9—10.

⁸ «Klassicheskim» trudom takogo napravlenija nado schitat' znamenituju knigu Rudol'fa Bichanicha «Jekonomicheskoe osnovanie horvatskogo voprosa» iz 1938 goda (Bićanić R., Ekonomika podloga hrvatskog pitanja, Zagreb, 1938), stavshuju obrazcom vseh posledujushhij popytok dokazat' jekspluataciju drugih narodov, osushhestvljuemuju serbami.

⁹ Korolevskaja diktatura, opiravshajasja na armiju, byla vvedena Zakonom o korolevskoj vlasti i verhovnom gosudarstvennom upravljenii, ktoromu posledovali dopolnenija Zakona o zashhite gosudarstva, zapretivshie politicheskie gruppirovki na osnove veroispovedanija ili plemeni i vvedshie peremenu nazvanija gosudarstva (3 oktjabrja 1929). Vsem jetim podcherkivalos' usilenie centralistskogo ustrojstva strany.

¹⁰ Banovina — administrativno-territorial'naja edinica Korolevstva Jugoslavii v period 1929—1941 gg., sootvetstvovavshaja russskoj gubernii.

¹¹ Jeto razdelenie vvel korol' Aleksandr Karageorgievich, a podtverdila Konstitucija 1931 goda.

¹² Sravnenie kompetencij banovin s kompetencijami regionov iz konstitucii Ispanii 1978 g. pokazyvayet pochno polnoe sovpadenie, i jeto pozvoljaet sdelat' vyvod o tom, chto Korolevstvo Jugoslavija javljaetsja pervym evropejskim regional'nym gosudarstvom (Pavlović M. Jugoslovenska Краљевина прва...).

¹³ Uezdy Vukovar, Vinkovcy i Zhupanja byli iz'jaty iz Drinskoj, a Chabar iz Dravskoj i prisoedineny k Savskoj banovine, Chrnomel' iz Savskoj «perebroshen» v Dravskuju, Stolac iz Zetskoj v Primorskiju, Travnik iz Primorskoj i Ivanica iz Zetskoj v Drinskuju, Dzhakovica i Orahovac iz Vardarskoj i Srbica iz Moravskoj v Zetskuju banovinu.

¹⁴ Zhupanija (zhupa), administrativnaja edinica v srednevekovyh juzhno-slavjanskih zemljah, territorija nahodivshajasja pod vlast'ju dvorjanina, feodala.

¹⁵ Svoe predlozhenie Voshnjak obosnoval, pod vlijaniem anglichanina L. Kertisa (Lionel Curtis) i F. Kera (Philip Carr), osnovyvajas' na modeli konstitucii Juzhno-afrikanskogo Sojuza ot 1909 g.

¹⁶ Jugoslavskaja nacional'naja partija vznikla v 1933 g. iz Jugoslavskoj radikal'noj krest'janskoj demokratii, osnovannoj v 1932 g. Partija delegirovala prem'er-ministrov Jugoslavii s 1932 po 1935 g.

¹⁷ Sm.: Dimitrijević S. Strani kapital u privredi bivše Jugoslavije. Beograd, 1958. S. 161.

¹⁸ Predpisanie o Banovine Horvatskoj, ot 26 avgusta 1939 goda, v st. 1 opredeljaet: «Savskaja i Primorskaja banoviny, a takzhe uezdy Dubrovnik, Shid, Ilok, Brčko, Gradacac, Derventa, Travnik i Foynica soedinajutsja v odnu banovinu imeni Banovina Horvatskaja».

¹⁹ Soglasno dannym atlasa opublikovannogo v izdatel'stve horvatskogo soobshhestva Krest'janskoe soglasie (Seljačka sloga) v 1939 g.

²⁰ Sm.: Valenta A. Podjela Bosne i borba za cjelovitost. URL: <http://www.hic.hr/dom/288/dom19.htm> (data obrashhenija: 15.10.2013).

²¹ Sm.: Ustavno pitanje, Srpski glas, № 24, 25 aprolja 1940 g.

²² Oficial'naja istoriografija schitaet nachalom Vtoroj mirovoj vojny 1 sentjabrja 1939 g., kogda Germanija napala na Pol'shu. No, voennye dejstvija v Evrope nachalis' ran'she: 13 marta 1938 g. Germanija anneksirovala Avstriju; Germanija, Pol'sha i Vengrija 15 marta 1939 g. okkupirovali i razdelili Chehoslovakiju, 22 marta 1939 g. Germanija posle ul'timatuma Litve voshla v Klajpedskuju oblast'.

²³ Sm.: Nedok A., Sekulih M. Epilog Prvog svetskog rata u brojkama // Vojnosanitetski pregled, god. 65. 2008. Supplement. S. 98.

²⁴ Sm.: Petrovih Љ. Jugoslovensko drushtvo između dva svetska rata // Istorija 20 veka, god. 26. 2008. № 2. S. 24; Dimitrijević B., Sretenović S., Spoljna politika Kraljevine SHS/Jugoslavije 1918—1941 // Ibid. S. 46—47.

²⁵ Jugoslaviju priznali Norvegija 26 janvarja, SSHA tozhe pohti neposredstvenno posle nachala konferencii mira v Parizhe (18 janvarja 1919), t. e. 7 fevralja, a Velikobritanija tol'ko 1 ijunja i Francija 5 ijunja 1919 g. Na samoj konferencii kak predstavitelej Serbii vstretili ne tol'ko oficial'nyh ee chlenov (prem'er-ministr Pashich), no i predstavitelej Jugoslavskogo vecha (Ante Trumbich), predstavljavshego serbov, horvatov i slovencev iz byvshej Avstro-Vengrii.

²⁶ Stajić S. Nacionalni dohodak Jugoslavije 1923—1939 u stalnim i tekućim cenama. Beograd, 1959. S. 6, 17, 22.

²⁷ Dimitrijević S. Strani kapital u privredi bivše Jugoslavije. Beograd, 1958. S. 168.

R. Bukvic. Development of the Regional Problem in Yugoslavia (1918—1941): Centralism, Federalism and Ethnic Problems

The paper examines the origins and growth of the regional problem in Yugoslavia in the period between the World Wars (1918—1941). Founded as a unitary state (Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes), Yugoslavia started its way as a centralist country with elements of self-government, having 33 constituent regions (1921—1931), later having the regional setup made of 9 banovinas (similar to Russian provinces) (1931—1939). With the appearance of the Banovina of Croatia, on the eve of the Second World War, federalization of the country started. During the occupation, it was divided, when the Independent State of Croatia was founded in its territory to become an ally of the fascist powers. This evolution was the result of the desire of some of the Yugoslav peoples to secure a single territory, but it has not led to territorial ordering of interregional and interethnic relations, but made them worse. It is the regional problem that ultimately became one of the most critical and contributed to the collapse and division of the country in 1941.

BUKVIC Raiko, Geographical Institute “Jovan Cvijic” SASA (Belgrade, Serbia).



О. В. БАХЛОВА

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ
ЛИДЕРА КАК РЕСУРС
РЕГИОНА В СИСТЕМЕ
ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹**

Ключевые слова: лоббирование, политический лидер, политическое влияние, регион, статусно-ролевые характеристики, Федерация, элита

Key words: lobbying, political leader, political influence, region, status-role characteristics, Federation, elite

В статье рассматриваются значение и компоненты политического влияния лидеров субъектов РФ в постсоветский период с учетом последствий реструктуризации системы центрально-региональных отношений. Выявляются основные факторы, определяющие дифференциацию статусно-ролевых характеристик в этой сфере.

The paper considers the importance and components of political influence of the leaders of the constituent regions of the Russian Federation in the post-Soviet period with account of the consequences of the restructuring of the center-region relations. The main factors determining differentiation of the status-role characteristics in this area are identified.

Повышение политико-правового статуса российских регионов путем их преобразования в субъекты Федерации, происходившее в рамках реорганизации модели и формы государства в постсоветский период, привело к складыванию структурно и символически диверсифицированной системы власти и управления. Декларированная федерализация страны в условиях ослабления центра и общей дестабилизации позволили регионам и их лидерам претендовать на более значимую политическую роль в общегосударственных масштабах, способствуя их конституированию как важных субъектов российского и регионального политического процесса. Однако в реальной действительности в этой сфере

БАХЛОВА Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор политических наук.

наблюдалась существенная асимметрия статусно-ролевых характеристик, обусловленная неравенством потенциалов. В обобщенном виде здесь сказывались: возможности региона, его место в системе бюджетного федерализма (дотационный регион или регион-донор); геополитическое (стратегическое) положение региона — его пограничность, периферийность или, наоборот, приближенность к центру; специфика политико-правового статуса субъекта РФ — его принадлежность к группе национально-государственных, национально-территориальных или территориальных образований.

Во многом указанные факторы определяли и статус представителей региональных элит («регионалов», в первую очередь региональных лидеров) в пространстве Федерации, их способность конвертировать его в политическую активность и участие в общегосударственных событиях, создавать региональную модель (программу) развития и актуализировать ее на конкурсе общенациональных проектов. В итоге они серьезно повлияли на перспективы образования в регионах политико-идеологических центров федерального значения. Были заданы базовые параметры системы федеративных отношений по вертикали и горизонтали.

В потенциале региональных лидеров как представителей верхнего уровня «регионалов» несомненную важность, помимо властно-символического капитала (представительства во властных структурах, «капитализации административной ренты» и пр.), имеет так называемый интеграционный потенциал — способность к самоорганизации на основе корпоративного интереса и консолидации внутрирегиональных элитных групп². Конвертация ресурсного потенциала в политическую активность происходит в ходе имплементации — включения в политический процесс посредством процедур селекции, легализации и легитимации. На уровне региона селектором могут выступать определенные властные или партийные структуры и электорат, поэтому процедура селекции связана с процедурами легализации и легитимации. Последняя представляет собой конституционно-правовое закрепление статуса, когда юридически фиксируется выбор политического актора путем узаконенного делегирования полномочий. В системе федеративных отношений постсоветского периода эта процедура с формальной точки зрения базировалась на положениях Основного закона и соглашениях

между участниками политического управления — практике заключения договоров между органами государственной власти РФ и ее субъектов. Легализация нередко дополнялась «приватизацией» полномочий Федерации отдельными субъектами, «правовым нигилизмом» и пр.

Легитимация в рассматриваемом ракурсе означает признание лидера / элиты населением региона. Она реализуется и подтверждается через механизмы публичной политики, особое значение среди которых в период середины 1990-х — начала 2000-х гг. приобрели выборы (главы исполнительной власти региона, региональных парламентов, опосредованно — членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ). В эпоху «суверенизации» значительное место в этом процессе заняло создание «регионалами» «великих текстов» — символов локализма и программ регионального развития³. В их основе находилась идея, использовавшаяся как формула легитимации, должна представлять собой сплав ожиданий большинства населения и потребностей самой региональной элиты (например, идея согласия в Республике Мордовия и др.). Выбор идеи был обоснован ментальными установками, культурными и политическими архетипами, традициями, составом населения субъекта РФ, состоянием центрально-региональных взаимоотношений.

Успешная реализация статуса политического актора в системе внутрирегиональных и федеративных отношений предполагает установление им эффективного контроля над территорией (регионом), входящей в сферу интересов и властной компетенции данного субъекта (группы), а потом — расширение поля деятельности, увеличение масштабов политического влияния. Его параметры задаются наличием/отсутствием правовых гарантий участия в политике; степенью децентрализации государства/автономии составляющих его единиц; стабильностью/переходностью политической ситуации в регионе и стране; формальной и неформальной институционализацией регионального представительства на центральном уровне; типом политического господства региональных группировок; соответствием их деятельности цивилизационной специфике и др.

Ролевые характеристики «регионалов» в системе федеративных отношений опосредованы их деятельностью в качестве управляющих субъектов. В этом смысле они

призваны осуществить функции региональной стабилизации, инновационного управления (модернизации региона), сохранения региональных традиций и согласования региональных интересов с общегосударственными. Их реализация возможна путем применения разных стратегий управления. Наиболее предпочтительными с точки зрения потребностей поступательного развития являются, во-первых, «стратегическое планирование» с элементами протекционизма и инкрементализма, основывающееся на принципах согласования интересов в том числе элитных группировок, альтернативности (мультипликационности), социальной адресности; региональная властная элита выступает здесь «патроном» по отношению к другим социально-политическим общностям. Во-вторых, «инновационная стратегия», направленная на стимулирование «точек роста» и «зон развития» с использованием методов координации, контроля и индикации, когда властная элита региона выполняет роль «арбитра»⁴. Вместе с тем такая стратегия подходит в большей степени регионам-«донорам», тогда как «реципиенты» ввиду ограниченности финансовых ресурсов могут более тяготеть к применению первой стратегии. В любом случае требуется значительное содействие со стороны федерального центра, поскольку необходима коррекция механизмов бюджетной и налоговой политики.

Наличие особых возможностей ряда «регионалов» способствовало их интеграции в федеральную элиту. В постсоветский период сложилось несколько политических алгоритмов пути «хождения во власть».

Должностной, связанный с совмещением или чередованием работы в центральных и региональных органах власти (например, Председатель Совета Федерации Е. С. Строев являлся одновременно губернатором Орловской области; через «кадровый лифт» — переход в федеральные структуры (губернатор Нижегородской области Б. Е. Немцов). *Профессиональный*, основанный на успешной работе региональных лидеров в субъектах Федерации (Президент Башкортостана М. Г. Рахимов, Президент Татарстана М. Ш. Шаймиев), обладавших высоким и стабильным рейтингом влияния на общероссийский политический процесс. *Конфронтационный*, характерный для зон военных конфликтов (Президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия А. А. Масхадов,

Президент Республики Ингушетия Р. С. Аушев, Президент Республики Северная Осетия — Алания А. С. Дзасохов), очагов политического противостояния между центром и регионами (губернатор Приморского края Е. И. Наздратенко, губернатор Свердловской области Э. Э. Россель) — путь «мятежной» элиты⁵.

Проиллюстрируем процесс интеграции «регионалов» в федеральную элиту, для которого была характерна вертикальная мобильность — прямая (Б. Е. Немцов) и обратная (губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев, губернатор Курской области А. В. Руцкой), данными о рейтинге политического влияния региональных лидеров. «Двадцатка» наиболее влиятельных политиков России за 1993—1998 гг. представлена в таблице.

Таблица

Рейтинг влияния региональных лидеров (1993—1998 гг.)

Фамилия, имя, отчество	Должность	Средний балл	Место в годовых рейтингах (1993—1998 гг.)					
			1993	1994	1995	1996	1997	1998
Лужков Ю. М.	Мэр Москвы (1992—2010)	6,55	11	3	3	3	4	2
Немцов Б. Е.	Губернатор Нижегородской области (1991—1997), заместитель Председателя Правительства РФ, 1-й заместитель Председателя Правительства РФ (1997—1998)	4,20	71	37	25	21	5	24
Шаймиев М. Ш.	Президент Республики Татарстан (1991—2010)	4,16	33	25	29	18	23	27
Строев Е. С.	Глава администрации Орловской области (1993—1996), губернатор Орловской области (1996—2009), 2-й председатель Совета Федерации (1996—2001)	4,07	—	65	74—75	8	8	6
Лебедь А. И.	Губернатор Красноярского края (1998—2002)	3,75	—	—	17—18	6	24	18

Для сравнения: у Президента РФ Б. Н. Ельцина, занимавшего первое место, средний балл за указанный период составлял 8,19. Кроме названных региональных лидеров,

традиционно высокие места занимали А. А. Масхадов (3,53 балла), Р. С. Аушев (2,91), А. Г. Тулеев (2,91), губернатор Самарской области К. А. Титов (2,85), Е. И. Наздратенко (2,83), Э. Э. Россель (2,79), М. Г. Рахимов (2,56), губернатор Санкт-Петербурга В. А. Яковлев (2,45)⁶. Десятка наиболее влиятельных региональных лидеров за 1997 — середину 1999 гг. выглядела следующим образом: Ю. М. Лужков, Е. С. Строев, М. Ш. Шаймиев, А. А. Масхадов, Р. С. Аушев, К. А. Титов и А. Г. Тулеев, Е. И. Наздратенко. Э. Э. Россель, М. Г. Рахимов и В. А. Яковлев⁷.

Важным инструментом формирования благоприятных статусно-ролевых характеристик «регионалов» и соответствующих регионов в системе федеративных отношений выступает лоббирование региональных интересов перед федеральным центром. Эта способность рассматривается как соответствовавшая «новой формуле правления» региональных элит, в отношении которой является одним из ведущих показателей политической эффективности⁸. В начале 1999 г. рейтинг влияния региональных лидеров был следующим: Ю. М. Лужков (5-й в федеральном рейтинге) — 6,005—6,12 балла; Е. С. Строев (9) — 5,2; М. Ш. Шаймиев (19) — 3,99; К. А. Титов (44—45) — 3,06; А. Г. Тулеев (44—45) — 3,06; губернатор Саратовской области Д. Ф. Аяцков (46) — 3,03; А. И. Лебедь (47) — 2,98; А. А. Масхадов (49) — 2,9; В. А. Яковлев (52) — 2,73; Р. С. Аушев (53—54) — 2,68; А. С. Дзасохов (53—54) — 2,68⁹. Деятельность этих лидеров определялась показателями «очень сильная» и «сильная эффективность», других (Президента Башкортостана М. Г. Рахимова, Президента Республики Саха (Якутия) М. Е. Николаева, Президента Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинова) — «средняя эффективность»¹⁰.

Помимо инкорпорации в федеральную политическую элиту, для региональных элит не менее важным было подержание связей с отдельными ее представителями (не только властной элиты, но и публичной). Их основным каналом для конца 1990-х гг. являлось участие в общероссийских политических партиях и движениях и вхождение в их политсоветы. Так, М. М. Прусак являлся членом политсовета Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия» (НДР). Яркий пример политической мобильности в этом отношении — губернатор Ярославской

области А. И. Лисицын, который сначала выдвигался в Совет Федерации от блока «Выбор России» (соответственно, ориентировался на Е. Т. Гайдара), потом вошел в политсовет НДР В. С. Черномырдина, а позже отмечалась «многовекторность» его политических симпатий — от Г. А. Явлинского, Ю. М. Лужкова до В. В. Жириновского и А. И. Лебеда¹¹. Происходило также формирование неформальных вертикальных элитных групп вокруг «референтных фигур» — влиятельных представителей федеральной политической элиты (В. С. Черномырдина, «молодых реформаторов») по принципу клиентелы¹².

В целом в постсоветский период значимость статусно-ролевых характеристик «регионалов» и регионов в системе федеративных отношений определялась децентрализацией государства и процесса принятия властных решений, а их формальные рамки — легальными возможностями, предоставленными им в процессе новой конституционализации, законодательной и политической институционализации. В системе вертикальных связей в идеале они подразумевали ориентацию на гармонизацию центрально-региональных отношений, сохранение целостности общего коммуникативного и политико-правового пространства Федерации. На практике же преобладало стремление региональных лидеров к реализации политической субъектности в масштабах Федерации, лоббированию региональных и собственных корпоративных интересов (воздействию на федеральный центр и федеральную элиту), к стабилизации (или повышению) собственных позиций и политико-правового статуса региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках госзадания. Проект 6.3306.2011 «Трансформация статусно-ролевых характеристик национальных образований финно-угорских народов России в процессе модернизации политико-территориальной системы».

² Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Полис. 1994. № 6. С. 62.

³ Магомедов А.К. Общество регионов // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 2. С. 52.

⁴ См.: Лубский А.В. Политико-административная элита, управление регионом и легитимность власти // Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений. Вып. 2. Ростов н/Д: СКАГС, 1996. С. 8—13.

⁵ Петрачев М. Формула политического успеха региональных лидеров // НГ — регионы. 1998. № 3. С. 2.

⁶ Его же. 30 ведущих руководителей регионов России в марте — апреле // Там же. № 7. С. 2.

⁷ Рейтинг региональных лидеров (Фонд «Общественное мнение»). URL: <http://www.fom.ru/region/0458.htm> (дата обращения: 13.01.1999).

⁸ Лапина Н.Ю. Региональные элиты России: кто правит на местах // Россия и современный мир. 1998. № 1. С. 98—120.

⁹ Туранов С. Лучшие лоббисты России // Независимая газета. 1999. 4 февр. С. 8.

¹⁰ Его же. Рейтинг отечественных «толкачей» // Там же. 1998. 14 мая. С. 8.

¹¹ Проблемы консолидации российской политики (круглый стол) // Полис. 1997. № 1. С. 109—128.

¹² Проблема субъектности российской политики // НГ — сценарии. 1998. 19 февр. С. 8.

Поступила 28.10.2013.

REFERENCES

¹ Izdanie stat'i osushhestvleno pri finansovoj podderzhke Minobrnauki RF v ramkah goszadaniya. Proekt 6.3306.2011 «Transformacija statusno-rolevykh harakteristik nacional'nyh obrazovaniy finno-ugorskih narodov Rossii v processe modernizacii politiko-territorial'noj sistemy».

² Afanas'ev M.N. Izmeneniya v mehanizme funkcionirovaniya pravjashhih regional'nyh elit // Polis. 1994. № 6. S. 62.

³ Magomedov A.K. Obshestvo regionov // Pro et Contra. 1997. T. 2. № 2. S. 52.

⁴ Sm.: Lubskij A.V. Politiko-administrativnaja jelita, upravlenie regionom i legitimnost' vlasti // Politiko-administrativnaja jelita i gosudarstvennaja sluzhba v sisteme vlastnyh otnoshenij. Vyp. 2. Rostov n/D: SKAGS, 1996. S. 8—13.

⁵ Petrachev M. Formula politicheskogo uspeha regional'nyh liderov // NG — regiony. 1998. № 3. S. 2.

⁶ Ego zhe. 30 vedushhih rukovoditelej regionov Rossii v marte — aprele // Tam zhe. № 7. S. 2.

⁷ Rejting regional'nyh liderov (Fond «Obshestvennoe mnenie»). URL: <http://www.fom.ru/region/0458.htm> (data obrashhenija: 13.01.1999).

⁸ Lapina N.Ju. Regional'nye jelity Rossii: kto pravit na mestah // Rossija i sovremennij mir. 1998. № 1. S. 98—120.

⁹ Turanov S. Luchshie lobbisty Rossii // Nezavisimaja gazeta. 1999. 4 fevr. S. 8.

¹⁰ Ego zhe. Rejting otechestvennyh «tolkachej» // Tam zhe. 1998. 14 maja. S. 8.

¹¹ Problemy konsolidacii rossijskoj politiki (kruglyj stol) // Polis. 1997. № 1. S. 109—128.

¹² Problema subektnosti rossijskoj politiki // NG — scenarii. 1998. 19 fevr. S. 8.

O. V. Bakhlova. Political Influence of the Leader as a Resource of a Region in the System of Federative Relations in the Post-Soviet Russia

In the post-Soviet period, the political and legal status of the Russian regions changed within the framework of the process of reorganization of the model and form of the state. This contributed to lowering of structural and symbolically diversified system of power and administration. However, inequality of powers has led to a significant asymmetry of their status-role characteristics in the system of federative relations. The actual abilities of the regions, the place in the system of fiscal federalism, geopolitical position, belonging to a certain group of national-state, national-territorial or territorial formations had their impact. In many ways, they influenced the status of representatives of regional elites within the space of the Federation. Their role characteristics were mediated by their activity as control subjects in the system of federative relations, where harmonization of regional and corporate interests with national ones gained in particular importance.

In general, in the post-Soviet period, the importance of the status-role characteristics of the regional leaders and regions in the system of federative relations was determined by decentralization of the state and the process of authoritative decision-making, and their formal framework — by legal opportunities provided to them in the process of new constitutionalization, legislative and political institutionalization. In the system of vertical relations, ideally they primarily meant focusing on harmonization of the center-region relations, on maintenance of integrity of the common communicative, political and legal space of the Federation. In practice, however, the desire of regional leaders to exercise political powers as constituent regions in the scope of the Federation was dominant, as well as efforts to lobby regional and their personal corporate interests (to impact the Federal Center and the Federal elite), to stabilize (or raise) their own positions, political and legal status of the region.

BAKHLOVA Olga Vladimirovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of the World History and the World Political Process, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



Д. В. ДОЛЕНКО С. А. МАЛЬЧЕНКОВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ
И ЕЕ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ**

Ключевые слова: политическая модернизация, Россия, геополитический феномен, геостратегия, геостратегические приоритеты, национальная безопасность

Key words: political modernization, Russia, geopolitical phenomenon, geostrategy, geostrategic priorities, national security

В статье рассматриваются геополитические аспекты постсоветской политической модернизации. Показаны уникальные особенности ее геополитической трансформации. Анализируется реализация геостратегических приоритетов России.

The paper examines geopolitical aspects of the post-Soviet political modernization. The unique characteristics of its geopolitical transformation are exposed. Implementation of the geostrategic priorities of Russia is analyzed.

Современная политическая модернизация России, содержанием которой является становление демократии и гражданского общества, является во многом уникальным геополитическим феноменом по сравнению с другими странами,

ДОЛЕНКО Дмитрий Владимирович, заведующий кафедрой регионоведения и политологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор политических наук, профессор.

МАЛЬЧЕНКОВ Станислав Александрович, доцент кафедры регионоведения и политологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

осуществлявшими постсоциалистическую модернизацию. Эта уникальность связана с особенностями ее геополитической трансформации и ее геостратегическими приоритетами. В самой геополитической специфике российской модернизации можно выделить три основных аспекта.

Первый связан с трансформацией ее внутреннего политико-территориального устройства. В отличие от других социалистических федераций (Чехословакии и Югославии), которые, как СССР и РСФСР, были построены по национальному принципу и имели в значительной мере формально-юридический характер, России удалось не только избежать дезинтеграции и распада, но и трансформировать декоративную советскую национальную в реальную федерацию нового типа с разнотипными (национальными и территориальными) и разностатусными (республики, автономные округа, автономная область, области, края, два города федерального значения) субъектами федерации. Другими словами, в результате трансформации политико-территориального устройства страны был создан уникальный феномен российского федерализма, позволивший сохранить территориальную целостность и единство страны¹. Дальнейшее совершенствование федеративного устройства и региональной политики приобрели для России геостратегическое значение, а связанные с этим задачи стали ее геостратегическими приоритетами.

Второй аспект уникальной геополитической трансформации и геостратегии связан с возникновением и развитием такого уникального геополитического региона как постсоветское пространство. В этом регионе Россия является ведущей региональной державой, а сам он выступает главным региональным приоритетом ее внешней политики².

Следующая уникальная особенность российской геостратегии связана с ее статусом и ролью в мировой политике. В отличие от других постсоциалистических государств Европы и Азии Россия является евразийской державой, принадлежащей к Европе и Азиатско-Тихоокеанскому региону, соседями которой являются западные и азиатские региональные державы, а также проблемные государства, зоны конфликтов и нестабильности. Уже одно это предопределяет специфику ее геополитических интересов и приоритетов.

Кроме того, Россия единственная из постсоциалистических государств имеет, несмотря на социально-экономическое отставание от ведущих стран мира, атрибуты великой мировой державы, позволяющие ей играть глобальную роль в международной политике и иметь интересы и геостратегические приоритеты во всех основных регионах мира. Не вызывает сомнения, что процесс и результаты модернизации России в значительной степени будут зависеть от выбора приоритетов, адекватных геополитическому положению страны.

Геостратегические приоритеты современной России можно рассматривать в двух измерениях: внутривнутриполитическом и внешнеполитическом. Традиционно в геополитике и геостратегии приоритет отдавался внешней составляющей, но в последнее время усиливается роль внутривнутриполитических факторов. При этом нельзя забывать о том, что обе составляющие геополитики тесно связаны между собой и одна из них может оказывать определяющее влияние на другую³.

Внутриполитическая составляющая современной геостратегии России имеет первостепенное значение, поскольку именно отсюда исходят главные угрозы ее национальной безопасности. Именно здесь находятся проблемы, от решения которых зависит положение России в мире. Во внутренней геополитике Российской Федерации можно выделить достаточно много элементов, но с начала 90-х гг. доминировал компонент, связанный с обеспечением территориальной целостности и укреплением единства страны. В начале 90-х гг. XX в. активные сепаратистские устремления в ряде регионов (Чечня, Татарстан, Башкортостан, Саха-Якутия, Тыва) поставили недавно появившуюся страну на грань развала. Сложившаяся ситуация была вызвана рядом причин, важнейшей из которых оказалась слабость центральной власти. Кроме того, опасность зарождения сепаратистских процессов была заложена уже в самом асимметричном построении России.

К настоящему времени наиболее заметные проявления этносепаратизма в России остались в прошлом. Этому способствовало приведение законодательства субъектов РФ в соответствие с федеральным законодательством, а также продолжающаяся административная реформа, вехами которой стали введение института полномочных представителей Президента РФ, старт кампании по укрупнению регионов

и изменение системы избрания губернаторов. Итогом этих преобразований стала трансформация России в управляемую федерацию, некоторые черты которой характерны скорее для унитарного государства.

С этим связано то, что в ближайшее время на первый план во внутренней геополитике страны актуализируются другие региональные проблемы. Самой острой среди них является не сокращающийся разрыв между богатыми и бедными регионами, приводящий к оттоку населения из Сибири и Дальнего Востока, остающихся стратегически важными в российской геополитике.

Серьезнейшую проблему представляет неравномерная плотность населения. Отсюда вытекает очаговый характер экономических зон, их контраст в использовании людских ресурсов и энергии, уязвимость транспортных коммуникаций, АЭС и предприятий с потенциальной экологической опасностью, которые усложняют подготовку и осуществление мероприятий стратегического характера⁴. Результатом является также демографический прессинг и экспансия со стороны приграничных государств и, как следствие, массовый исход оттуда русскоязычного населения.

Помимо этого, необходимо решать и частные проблемы. Важным условием безопасности России является грамотное обеспечение пограничного контроля. Совершенно очевидно, что его осуществление на современных российских границах по советской схеме (т. е. с помощью войсковых формирований) невозможно и нецелесообразно. Поэтому не вызывает сомнений необходимость перехода к современному оперативно-войсковому контролю.

Давно назрела необходимость решения проблемы Калининградской области. Очевидно, что возможное ограничение сообщения с этим регионом станет серьезным нарушением суверенитета РФ. Потенциал этого региона огромен: начиная от выгодного географического положения и заканчивая плодородной почвой. Наконец, Калининград, по сути, остался «последним форпостом» России непосредственно в Балтийском море (не считая Санкт-Петербурга, который расположен на берегу Финского залива).

Проблемной становится и роль России в качестве транзитного узла. Действующие международные коммуникации сейчас минуют Россию. Связи между Европой и АТР в

основном осуществляются по морю в обход ее территории. Не действуют и российские сухопутные коммуникации.

В будущем значение внутренней составляющей национальной геостратегии будет постоянно возрастать, причем упор должен делаться на социально-экономические аспекты развития.

Внешнеполитическое измерение геостратегических приоритетов можно проследить, проанализировав Концепцию внешней политики 2013 г. В этом документе приоритеты разделены на глобальные и региональные.

Согласно Главе III Концепции, основными задачами России в сфере решения глобальных проблем являются формирование нового мироустройства, верховенство права в международных отношениях, укрепление международной безопасности, международное экономическое и экологическое сотрудничество, международное гуманитарное сотрудничество и права человека, информационное сопровождение внешнеполитической деятельности.

Первые два из перечисленных приоритетов являются традиционными для нашей страны. Задача построения нового справедливого мироустройства встала перед Россией сразу после распада bipolarной системы мира. С точки зрения России, новое устройство мира должно быть основано на принципах «равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств»⁵. В Концепции внешней политики Российской Федерации подчеркивается также ключевая роль ООН в регулировании международных отношений в XXI в. и решительный настрой России противодействовать попыткам принизить эту роль.

Не вызывает сомнения необходимость продолжения работы над формированием концепции такого миропорядка, в основу которого положен ряд принципов. Во-первых, новое мироустройство должно быть многополярным, отражая реальное существование в мире различных центров влияния. Во-вторых, новое мироустройство должно основываться на самом широком многостороннем сотрудничестве.

Проблемы безопасности также имеют огромное значение, несмотря на снижение угрозы прямого военного конфликта в современных международных отношениях. В этой сфере Россия стремится к дальнейшему снижению роли фактора силы в международных отношениях при одновременном

укреплении стратегической и региональной стабильности. Национальная оборона России должна соответствовать ее задачам и месту, роли и возможностям в современном мире, одновременно оставаясь способной осуществлять защиту национальных интересов. Уже сейчас очевидно, что традиционная трактовка национальной безопасности, включавшая исключительно военную составляющую, отходит на второй план. В современной России следует создавать систему безопасности, способную предотвратить угрозы в экономической, экологической и информационной сферах.

Несмотря на снижение угрозы прямого военного конфликта в современных международных отношениях, проблемы безопасности также сохранили огромное значение, поскольку для России они являлись ключевыми во все исторические периоды. В XXI в. Россия столкнулась с новыми вызовами и угрозами, среди которых международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность, нелегальная иммиграция. Эти проблемы решались в основном в рамках двусторонних контактов, хотя для их полноценного преодоления требуется объединение усилий всего мирового сообщества.

В области внешней экономики у России больше нерешенных проблем, чем достижений. Хотя экономический вес страны повысился, сотрудничество с ключевыми игроками мирового рынка развивалось недостаточно. Еще одной застарелой проблемой является почти исключительно сырьевая направленность российского экспорта.

Важное значение для России имеют ее новые глобальные приоритеты, впервые провозглашенные в 2000 г.: защита прав человека и информационное сопровождение внешней политики. Если в сфере повышения собственного авторитета России уже создаются конкретные программы действий, то задача бороться за соблюдение прав человека во всем мире пока остается лишь на бумаге. Можно сделать вывод, что реализация приоритетов России в глобальной политике происходит с запозданием. В первое десятилетие XX в., наконец, был достигнут тот международный статус, который был заявлен в качестве целевого еще в начале 90-х гг.⁶

Региональные внешнеполитические приоритеты отражены в Главе IV Концепции внешней политики РФ. Среди

них важнейшее значение имеют СНГ, Европа, США, Азия, Ближний Восток, Африка, Центральная и Южная Америка.

Главенствующая роль СНГ среди региональных приоритетов по-прежнему не подвергается сомнению, хотя в XXI в. отношения с государствами постсоветского пространства стали строиться на новой основе: учитываются прагматические интересы. В этом отношении показательно воплощение в жизнь концепции разносторонней и разноуровневой интеграции, логичным итогом действия которой стало развитие на постсоветском пространстве системы организаций более узкого состава и специализации (Союзное государство России и Белоруссии, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз и др.). В то же время отношения с отдельными государствами (Грузия, Украина) в эти годы существенно ухудшились вследствие прихода к власти в этих странах прозападных сил.

Европейское направление геополитики также переживает подъем, но в этом направлении многое зависит от отношений России с региональными организациями. Если партнерство с ЕС (в основном экономическое) следует признать успешным, то взаимодействие России с НАТО и ОБСЕ было практически провалено из-за принципиального расхождения взглядов на проблемы безопасности в Европе.

Российско-американское взаимодействие остается необходимым условием улучшения международной обстановки и обеспечения глобальной стратегической стабильности. Страны заметно сблизились в своем однозначном неприятии международного терроризма, однако 2006—2008 гг. характеризуются очередным витком «охлаждения» отношений, что, несомненно, является большим минусом на пути решения многочисленных совместных задач.

Весьма интенсивными становятся в первое десятилетие XXI в. контакты России с государствами Азии (прежде всего, с Китаем, Индией, Японией), несмотря на имеющиеся противоречия в двусторонних отношениях, некоторые из них связаны с нерешенностью территориальных проблем. Самой важной задачей для России в этот период являлась максимальная интеграция в такие перспективные международные организации, как АТЭС и АСЕАН. На Ближнем Востоке Россия стремится играть значительную роль, используя свой статус конспонсора мирного процесса в палестино-израильском конфликте.

В 2000-е гг. активизировались отношения России со странами Латинской Америки. Налицо расширение контактов России с государствами Африки, однако они, видимо, в течение определенного времени останутся на периферии внешнеполитических интересов России ввиду ограниченности ее экономических и организационных ресурсов.

Важной задачей российской геостратегии во внешней политике остается минимизация воздействия отрицательного исторического опыта в отношениях с другими странами на современные международные отношения.

В целом можно констатировать, что первые десятилетия XXI в. характеризуются заметным прорывом во внутренней территориальной политике России, в то время как международная деятельность (особенно внешнеэкономическая) по-прежнему требует более грамотного и точного определения приоритетов. Развитие и трансформация геостратегии страны продолжат оставаться одними из главных факторов, определяющих темпы ее модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Доленко Д.В. Политика и территория. Саранск, 2000. С. 98—120.

² См.: Его же. Современная мировая политика. Саранск, 2010. С. 76—90.

³ См.: Мальченков С.А. Категория «геостратегический приоритет» в современной политической науке // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. Вып. 3. 2010. Т. 10. С. 92—94.

⁴ Ивашов Л.Г. Геополитическое противоборство: место и роль России. URL: <http://www.ibci.ru/AGP/conferencia/statya01.htm> (дата обращения: 25.12.2013).

⁵ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236 (дата обращения: 25.12.2013).

⁶ См.: Мальченков С.А. Геостратегия России: внутренние и внешние приоритеты // Изв. Рос. пед. ун-та имени А.И. Герцена. № 26 (60): аспирантские тетради: науч. журн. СПб., 2008. С. 176—181.

Поступила 23.01.2014.

REFERENCES

¹ Sm.: Dolenko D.V. Politika i territorija. Saransk, 2000. S. 98—120.

² Sm.: Ego zhe. Sovremennaja mirovaja politika. Saransk, 2010. S. 76—90.

³ Sm.: Mal'chenkov S.A. Kategorija «geostrategičeskij prioritet» v sovremennoj političeskoj nauke // Izv. Saratov. un-ta. Ser.: Sociologija. Politologija. Vyp. 3. 2010. T. 10. S. 92—94.

⁴ Ivashov L.G. Geopoliticheskoe protivoborstvo: mesto i rol' Rossii. URL: <http://www.ibci.ru/AGP/conferencia/statya01.htm> (data obrashhenija: 25.12.2013).

⁵ Sm.: Konceptija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 12.02.2013). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236 (data obrashhenija: 25.12.2013).

⁶ Sm.: Mal'chenkov S.A. Geostrategija Rossii: vnutrennie i vneshnie prioritety // Izv. Ros. ped. un-ta imeni A.I. Gercena. № 26 (60): aspirantskie tetradi: nauch. zhurn. SPb., 2008. S. 176—181.

D. V. Dolenko, S. A. Malchenkov. Political Modernization of Russia and Its Geostrategic Priorities

Contemporary political modernization of Russia is a unique geopolitical phenomenon in comparison with other countries. This uniqueness is connected with the peculiarities of the geopolitical transformation and its geostrategic priorities. The process and results of modernization of Russia will largely depend on the choice of priorities adequate to the geopolitical position of the country. Geostrategic priorities of contemporary Russia can be considered in two dimensions: those dealing with the domestic and foreign policies.

The domestic component of the contemporary geostrategy of Russia is of paramount importance, because this is the origin of the main threats to its national security. Since the early 1990's, the component associated with the ensuring of territorial integrity and the strengthening of unity of the country dominated the internal geopolitics of the Russian Federation.

Foreign policy priorities are divided into global and regional ones. The main objectives of Russia in the solution of global problems are: the formation of a new world order, the rule of law in international relations, strengthening of the international security, international economic and environmental cooperation, international humanitarian cooperation and human rights, information support of foreign policy. CIS, Europe, USA, Asia, Middle East, Africa, Central and South America are among the regional foreign policy priorities of the utmost importance.

In general, it can be stated that the development and transformation of Russia's geostrategy will remain among the main factors that determine the pace of modernization.

DOLENKO Dmitry Vladimirovich, Doctor of Political Sciences, Full Professor, Head of the Department of Regional Studies and Political Science, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

MALCHENKOV Stanislav Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Regional Studies and Political Science, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



О. В. ЦВЕТКОВА

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

Ключевые слова: границы, государственные границы, функции границ, международные конфликты, территориальные изменения

Key words: boundaries, state borders, functions of borders, international conflicts, territorial changes

Рассматриваются некоторые теоретические подходы в изучении границ в географических и политических исследованиях. Особое внимание уделено обзору политологической части в лимологии и основным теориям в изучении государственных границ, опыту трансформации границ и приграничных территорий.

The paper discusses some theoretical approaches in the study of borders in geographical and political research. Special attention is paid to the review of the political aspects in Limology and the basic theories in the study of state borders, to the experience of transformation of borders and border areas.

Границы представляют собой сложное общественное явление, связанное с фундаментальными основами политико-территориальной организации общества. Границы по-разному интерпретируются в различных сферах общества. Основы теории государственных границ следует искать в географии. Первыми государственные границы начали изучать географы, так как проблема границ и их делимитация — одна из фундаментальных проблем географии. Граница, по мнению многих географов, не только разделяет, но и соединяет разграничиваемые ею пространства.

По мнению Б. Б. Родомана, «граница есть нечто, расположенное между двумя предметами и разделяющее их, или нечто, лежащее непосредственно вокруг одного предмета или отделяющее его от всего остального, но само это «нечто» обычно пренебрежимо мало по сравнению с разделяемыми явлениями, предметами, сущностями»¹. Границы — результат

ЦВЕТКОВА Ольга Викторовна, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета, кандидат политических наук.

дискретности мира или действие представления о реальности, которая сама по себе может быть дискретной или континуальной в различной степени. Главная причина дискретизации мира в процессе его познания — использование словесного языка. Границами обладает или может обладать все, что может быть названо. У разграничиваемых явлений имеются имена (собственные и нарицательные) или заменяющие их знаки, в итоге расшифровываемые словами, граница же в большинстве случаев не имеет названия, она опознается через имена тех предметов, которые она разграничивает. Граница лежит между частями объекта, явления, но сама не считается такой же частью.

В основном государственные границы ориентированы на те или иные функции в различной степени. По существу, благодаря работам физико-географов, выявилась объективность существования географической оболочки особого рода граничных пространственных систем и комплексов — барьеров, фильтров, порогов, линий контактов различных сред и повышенного контраста. Эти линейные объекты повсеместно пронизывают окружающую среду, часто используются для разграничения районов, поэтому различные границы в большей или меньшей степени ориентированы на те или иные функции. Изучение границ как фактора районообразования сводится к исследованию их влияния на взаимодействие разграничиваемых объектов. Граница не только разделяет смежные районы, но и служит местом их контакта. Первая, разделительная, функция границы района обуславливается замыканием на конкретной территории районообразующего процесса и сама способствует этому замыканию, усиливая интеграционные процессы в пределах оконтуриваемой ею территории. При этом она является барьером для взаимопроникновения территориально смежных процессов. Эту функцию границы можно назвать барьерной (по терминологии В. Л. Каганского). Вторая, объединительная, функция границы района обусловлена созданием на границе контраста, который усиливается проявлением ее барьерной функции и служит предпосылкой для возникновения различного рода обменных процессов через линию раздела. Эту функцию границы можно назвать контактной².

Таким образом, с динамической точки зрения, границы могут гасить взаимодействие между смежными районами

и способствовать ему. Эти процессы проявляются с определенной последовательностью во времени и пространстве. Преобладание одной из функций границы, скажем — барьерной, служит предпосылкой последующего изменения функций границы на противоположную, т. е. контактную. В сфере интересов экономической географии барьерная функция приводит к усилению контраста между экономическими районами, например, в их специализации, что служит одновременно следствием и причиной территориального разделения труда. С политической точки зрения барьерная функция неразрывно связана с национальной безопасностью, которая обеспечивает стабильную обстановку в государстве. Восприятие безопасности конкретной границы зависит от ее символической роли и исторических традиций.

В исследованиях Ф. Ратцеля о международных границах сформулировано семь законов. Их набор предсказывал поведение государств относительно границы. Один из законов гласил, что граница есть периферийный орган государства, граница показывает силу или слабость государства, изменение его организма. Ф. Ратцель понимал под государством «живой организм, укорененный в почве». Важным политико-географическим фактором в становлении государства было пространство. Ф. Ратцель полагал, что каждое государство имеет идею относительно возможного передела его территориальной структуры. Он полагал, что граница и смежная территория формирует эпидерму этого организма и обеспечивает защиту и обмена. У Ф. Ратцеля граница носит динамический характер. Он излагает два закона территориального роста: закон развития границ может быть определен как стремление к упрощению и в этом упрощении содержится сокращение границ. По второму закону в соответствии с общим законом роста исторические пространственные явления границы больших областей охватывают границы меньших (например, в соответствии с соглашением, датированным 14 апреля 1816 г., Австрия и Бавария обменяли территории в их пограничных областях). Ф. Ратцель нашел бы поддержку его законов в процедурах Великобритании, Бельгии, Германии и Франции, когда эти страны приобретали колонии в Африке. Он сформулировал утверждения о характере границ. Политический баланс между странами в большей степени, зависит от характеристики границы между ними³.

Характер границ изучался и классификационным подходом. Известный британский политик лорд Керзон утверждал, что границы представляют линию физического контакта между государствами и предоставляют возможности для сотрудничества и разногласий. «Границы — действительно край бритвы, на котором висят современные проблемы войны и мира»⁴. Керзон рассматривал морфологию границ, разделяя их на астрономические (проведенные по параллелям и меридианам), математические (по радиусу окружности с центром в каком-либо городе) и референтные (проведенные на определенном расстоянии от географического объекта). Керзон упоминал, что пустыни — это лучшие защитные границы (например, пустыня Сахара).

В рамках политологического подхода границы изучаются на разных взаимосвязанных уровнях в зависимости от эволюции территориальных идентичностей в целом. Политологический подход основан на изучении взаимоотношений между главными парадигмами международных отношений и функциями государственных границ. Этот подход развивался Г. Гёртцом и П. Дилем в 1970-х г.⁵ При этом подходе изучается роль государственных границ в международных конфликтах, установление и поддержание мира. При этом государства воспринимаются как важнейшие субъекты международной деятельности, а границы между ними как жесткие разделительные линии, защищающие государственный суверенитет и национальную безопасность. Согласно «либеральным» взглядам, государства — не единственные, а иногда даже и не главные политические акторы, и основная функция государственных границ состоит в том, чтобы обеспечивать контакты между соседними странами и способствовать их взаимодействию. Отсюда вытекает необходимость скорейшего разрешения пограничных конфликтов и развития трансграничной инфраструктуры.

Г. Гёртц и П. Диль утверждали, что региональные различия очевидны в будущем конфликте. Регионы с самой плотной совокупностью государств имеют высокую вероятность конфликтов в будущем. Наиболее подвержена конфликтам территория в Европе и на Ближнем Востоке. Пограничные споры и установление границ, также выступают основанием продолжения споров (например, конфликт между США и Великобританией по американо-канадской границе).

Г. Гёртц и П. Диль полагают, что существует значительный риск в возникновении военного конфликта после обмена территориями между двумя государствами, особенно если территория выполняла важную функцию для государства. Это развивает попытки повторно приобрести территорию (например, нападение Египта на Израиль по поводу возвращения Синайского полуострова). Таким образом, важность, распределения власти и законность формируют компоненты модели возвращающегося конфликта.

Г. Гёртц и П. Диль утверждают, что территория, переданная неправомерно также увеличивает готовность государства угрожать или использовать военную силу. Исследователи при изучении территориальных изменений выявили условия, при которых существует вероятность возникновения военного конфликта между государствами. При изучении вероятности конфликта по территориальным спорам они применяют модель измерения, которая состоит из таких элементов, как важность территории, законность территориального обмена и относительные способности. В первом элементе учитывается размер области и численность населения территории во время обмена, чтобы определить ее важность. Также имеет значение ее географическая близость к выигравшей или проигравшей стороне⁶. Территория более существенна, если это географически ближайший регион государства. Исследователи также рассматривают, была ли территория прежде территорией проигравшего государства, была ли это колониальная или зависимая территория.

Законность территориального обмена — явление неоднозначное. В социальной теории контракта, люди присоединяются к обществу по добровольному согласию. Порядок, установленный иначе, расценен как незаконный. Применяя это к территориальным изменениям, Г. Гёртц и П. Диль считают, что для того, чтобы было все законно общество должно выразить свое одобрение в форме плебисцита. Одобрения территориальное изменение, Плебисцит предполагает, что местные группы менее вероятно будут искать поощрения от их прежнего правительства и, таким образом, будут появляться новые требования, обусловленные этническими или политическими факторами. Одобрение жителями присоединения территории может быть измерением законности, все же территориальные сделки чаще всего происходят между

государствами, а не в соответствии с желанием жителей присоединяемой территории. Часто соглашение заключается формальным способом, как передача юрисдикции⁷.

Формальные соглашения представляют готовность государства согласиться с условиями контракта. Таким образом, территориальное изменение, формализованное в соответствии с соглашением будет расценено как законное и соответствующее нормам международного права. Однако большое количество соглашений заключаются по доброй воле проигравшей стороны. Кроме того, государства могут приобрести землю в соответствии с предписанием в длительное пользование. При определении законности территориального изменения важное значение имеет, влиял ли военный конфликт на территориальные изменения. В модели измерения такой элемент, как относительные способности двух сторон измеряются ресурсами — военные расходы государства при территориальных спорах.

Изучая степень, при которой территориальные изменения создают условия для вероятности и степени будущего военного конфликта между государствами, Г. Гёртц и П. Диль пришли к выводу, что важность территории всегда влияет на вероятность будущего конфликта. Стороны при территориальном изменении приходят к конфликту в течение 30 лет после обмена, а некоторые государства ведут территориальный спор, используя военную силу сразу после обмена территорией (Израиль, Индия, Пакистан). Отсутствие законного соглашения по поводу территориального изменения повышает вероятность конфликта, так как важно соблюдать главное условие при территориальных изменениях — это передача территории по закону, тогда будущий территориальный конфликт станет менее вероятным между государствами⁸.

В центре функционального подхода лежат политические и территориальные факторы, определяющие функции границ. Этот подход разрабатывался в работах Дж. Р. В Прескотта. Он утверждал, что политические географы используют термин «граница» в двух смыслах: во-первых, граница относится к политическому разделению между двумя странами или разделению между освоенными и необитаемыми частями одной страны. В каждом смысле граница является зоной⁹. Дж. Р. В Прескотт рассматривает те аспекты

границ, которые относятся к политической географии. Он выделяет два вида урегулирования границ — первичное и вторичное. Первичное урегулирование границы существует, когда государство овладевает своей территорией изначально, вторичное — когда повторно.

Вторичные границы имеют место во всех странах, которые включают в себя области неблагоприятной окружающей среды (тропическая или умеренная пустыня, тяжело расчлененная нагорье или тропический лес). Политико-административная граница является примером формальной политической границы. Она проводится политическими субъектами для более удобного управления территорией. При проведении такой границы ставится задача создания эффективного для управления деления территорий государства, т. е. проведение административных границ.

Таким образом, изучение границ и трансграничных взаимодействий на разном территориальном уровне помогут в решении десятков территориальных (пограничных) конфликтов на международном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Географические границы / под ред. Б.Б. Родомана, Б.М. Эккеля. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 20.

² Каганский В.Л. О территориальных границах. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 56.

³ См.: Ratzel F. Politische Geographie. Munchen, 1897. P. 584.

⁴ Cur zon of Kedleston, Lord. Frontiers. The Romanes Lecture. Oxf., 1907. P. 7.

⁵ См.: Goertz G., Diehl P.F. Territorial Changes and International Conflicts. N.Y.: Routledge, 1992. P. 123.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Prescott J. The maritime political boundaries of the world. Boston: Martinus Nijhoff, 2005. P. 32.

Поступила 20.11.2013.

REFERENCES

¹ Geograficheskie granicy / pod red. B.B. Rodomana, B.M. Jekkelja. M.: Izd-vo MGU, 1982. S. 20.

² Kaganskij V.L. O territorial'nyh granicah. M.: Izd-vo MGU, 1975. S. 56.

³ См.: Ratzel F. Politische Geographie. Munchen, 1897. P. 584.

⁴ Cur zon of Kedleston, Lord. Frontiers. The Romanes Lecture. Oxf., 1907. P. 7.

⁵ См.: Goertz G., Diehl P.F. Territorial Changes and International Conflicts. N.Y.: Routledge, 1992. P. 123.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Prescott J. The maritime political boundaries of the world. Boston: Martinus Nijhoff, 2005. P. 32.

O. V. Tsvetkova. Theoretical and Methodological Bases of Study of State Borders

Currently, borders continue to play a leading role in formation, division, and unification of a society in the world. Under the influence of globalization and international integration functions of borders and border areas are changing rapidly, which requires thorough scientific analysis. Geographers were the first to begin studying state borders, because the problem of borders and their delimitation is one of the fundamental problems of Geography. A border not only divides, but also connects the areas it delimits. The state borders are mainly focused on certain functions in various degrees. According to the V. L. Kagansky theory, the first dividing function of an area boundary due to the lock-in of a region-creating process in a specific territory is the barrier function. The second one is the unifying contact function, where exchange processes cross the dividing line. In the core of the functional approach are the political and territorial factors determining functions of borders. This approach was developed in the works by J. R. V. Prescott.

In studies of international borders by F. Ratzel, seven laws were formulated. This set of laws predicted behavior of states as far as borders were concerned. One of the laws reads that the border is a peripheral organ of a state: it shows the strength or weakness of a state, a change in its organism. In terms of the political approach, borders are studied at various interrelated levels depending on the evolution of territorial identity in general. The political approach is based on the study of the relationship between the major paradigms of international relations and the functions of state borders. This approach was developed by G. Gertz and P. Dil in the 1970's. This approach examines the role of state borders in international conflicts, in attainment and maintenance of peace.

TSVETKOVA Olga Viktorovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).



И. Н. ГОРЯЧЕВ

ФОРМИРОВАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Ключевые слова: город, качество городской среды, миграция, пространство, расселение, урбанизация
Key words: city, quality of urban environment, migration, space, settlement, urbanization

На основе статистических данных о количестве городов и населения, проживающего в них, раскрываются особенности расселения в России, приводится классификация городского пространства страны.

The specific features of settlement in Russia are exposed on the basis of statistical data on the number of cities and their inhabitants; a classification of the urban space of the country is presented.

В раннее средневековье Русь называли «Гордарека», из-за большого количества городов. Они выступали в качестве естественных центров малозаселенных территорий и объединяли вокруг себя небольшие поселения. Возникали они как рыночное поселение, либо удобный перевалочный пункт, а чаще всего как «княжеский двор»¹.

В XVII—XIX вв. и в первые полтора десятилетия XX в. города создавались на периферии как опорные центры на новых территориях. В XX в. приоритет сменился на развитие центров в глубинных районах страны². В результате был сформирован опорный каркас, обеспечивавший «сжатие» территории, формировал единое экономическое, культурное, научное и информационное пространство. В современных условиях города имеют стратегическое значение, так как именно в городах проживает большинство россиян и в них сконцентрирован основной потенциал развития страны.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в России на 1 января 2012 г. насчитывалось 1 100 городов³. Многие из них получили свой статус в

ГОРЯЧЕВ Игорь Николаевич, заместитель начальника производственно-технического отдела Муниципального казенного предприятия «Тепло-снабжение г. Пензы», кандидат социологических наук.

XX в. (в том числе посредством преобразования поселков городского типа), а некоторые имеют его несколько столетий благодаря историческим особенностям.

В 20-х гг. XX в. страна приступила к осуществлению программ индустриализации и коллективизации. Вектор индустриализации определил развитие промышленности, строительство заводов. Их размещение определялось наличием ресурсов (природных, трудовых и пр.). Население близлежащих поселений работало на этих предприятиях. Завод давал работу с высокой заработной платой, а формировавшийся при нем город привлекал условиями проживания. В результате население мигрировало из села в город, где можно заработать и потратить заработанное, ощутить себя свободным. Так, за счет новой рабочей силы из деревень росли и развивались города как рабочие поселки при заводах⁴.

Города, формировавшиеся вокруг крупных предприятий, становились моногородами. В постсоветской России это привело к тому, что при банкротстве градообразующего предприятия основная масса горожан осталась без работы, источника дохода, а следовательно без средств к существованию.

Динамика развития городских поселений за период с 1926 по 2010 г. отчетливо показывает рост количества городов⁵. Наибольший рост городов наблюдается в 40—50-е гг. XX в.

Этот рост характерен и для поселков городского типа (ПГТ). Их принадлежность к совхозам и колхозам определила сферу занятости их населения. Развитие ПГТ проходило вплоть до 90-х гг. Отметим, значительное сокращение ПГТ в 90-е и 2000-е гг. С 1991 по 1997 г. преобразованы в села 240 поселков городского типа с общим числом жителей почти 1 млн чел.⁶

Трансформация ПГТ в города и в села является характерной особенностью процесса урбанизации в России в XX в. Г. М. Лаппо, П. М. Полян выделяют три особенности процесса советской урбанизации. Во-первых, процесс был стремительным. Основная масса городов получила свой статус в XX в. и их возраст составил меньше 40 лет. Они нужны были для рациональной территориальной организации страны. Во-вторых, главным фактором урбанизации выступала промышленность. В-третьих, в города преобразо-

вывались центры административных районов (образовывались так называемые сельские города, формировались они из сельских жителей и сохраняли соответствующий образ жизни)⁷. В конце 60-х гг. XX в. А. С. Ахиезер с коллегами выдвинули концепцию урбанизации «как всемирно-исторического процесса развития концентрации и интенсификации общения, как процесса интеграции все более разнообразных форм практической жизнедеятельности»⁸.

Развитие городов в России за период с 1897 по 2012 г. показывает, что преобладают города с населением 20—50 и 10—20 тыс. чел. Эти города сохраняют свой численный состав на постоянном уровне с 70-х гг. XX в. по 2012 г. (350 и 250 соответственно). С 80-х гг. XX в. относительно постоянный характер носит численность городов с 100—500 тыс. чел. (130), с 90-х гг. для городов с 500—1 000 тыс. чел. (21) и больше 1 000 тыс. чел. (12)⁹. Это, на наш взгляд, подтверждает факт устоявшегося потока миграции населения в более крупные города.

Анализ изменения количества городов за первое десятилетие XXI в. показывает существенное сокращение городов с населением 10—20 тыс. чел. и 50—100 тыс. чел. В то же время наблюдается положительная динамика для городов с населением 20—50 тыс. чел. и более 500 тыс. чел. Население стремится в крупные города (более 500 тыс.), а города с населением 10—20 тыс. чел. являются «транзитными» или элементом «первичной урбанизации».

В 20-е гг. XX в. значительно снизилась численность населения в городах, в которых проживало меньше 50 тыс. чел., но в то же время возросло количество горожан в поселениях с числом жителей 50—100 тыс. чел. В 30-е гг. значительно увеличилось количество городов с населением 100—500 тыс. чел. В 40—50-е гг. возрос количественный состав населения городов 500—1 000 тыс. чел. за счет переселения из больших и меньших по размеру городов. Анализ динамики изменений численности городского населения России по типам населенных мест с 1897 по 2001 г. показывает, что в конце XIX в. горожане проживали в основном в городах меньше 50 тыс. чел. В 20-е гг. XX в. произошел рост в городах — 50—100 тыс. чел. (в 30-е гг. — в городах с 100—500 тыс. чел., в 40—50-х — в городах с 500 тыс. до 1 млн чел., а в 60-х гг. — в городах миллионниках). Наблюдается устойчи-

вая миграция в более крупные города¹⁰. Следует отметить, что с 1930-х по 2000-е гг. основная масса городского населения проживала в городах с населением 100—500 тыс. чел. и в 2001 г. ее численность составила 27,1 % от всего городского населения страны, а города с населением более 1 млн. чел. составила 22 %.

Рост городов Э. Гидденс охарактеризовал как «пространственно-временное» сжатие. Город притягивает возможность получения образования, труда и отдыха, разнообразием услуг и товаров, комфорта и удобств. В каждом регионе можно выделить 2—3 города с развитым рынком труда, которые обеспечены работой. Города развиваются, а в регионе в целом происходит обезлюднение пространства.

В 2012—2013 гг. в 164 городах России Министерством регионального развития совместно с органами государственной власти и научным сообществом регионов было проведено исследование качества городской среды проживания. Оно оценивалось по 13 индексам (демографическая составляющая; благосостояние граждан, экономика города; транспорт; инженерная инфраструктура; кадровый потенциал и др.). Отметим, что эти индексы не учитывают мнение самих жителей. Методику планируется скорректировать с учетом общественных организаций, предпринимательского сообщества городов и др.

Первые 50 мест рейтинга занимают «города-миллионники» (их количество в России на 1 января 2012 г. было равно 13 ед.), а также города с населением более 500 тыс. чел. жителей (на 1 января 2012 г. — 23 ед.). Исключение из сказанного составляют города Московской области, а также Якутск (торговый город), Сургут (добыча нефти и газа), Сочи (курортный центр) и др. Относительно Приволжского федерального округа отметим, что в первые 50 мест рейтинга попали все столицы его субъектов, за исключением Оренбурга (556 тыс. чел.), Кирова (483 тыс. чел.), Саранска (298 тыс. чел.), Йошкар-Олы (257 тыс. чел.).

Таким образом, первые 50 строчек рейтинга занимают города с населением более 500 тыс. чел. Это означает, что возможна взаимосвязь численности проживающих и качества среды проживания.

Вторичный анализ статистических данных показывает, что население последовательно мигрирует в большие города, где

качество городской среды выше. Положительная динамика за последние 20 лет роста городов и их количества, подтверждает эту тенденцию¹¹. Сейчас население меньше привязано к территории и ориентируется на работу, городские удобства и образ жизни. При этом транспортная инфраструктура, сотовая связь, Интернет обеспечивают хорошую коммуникацию с родными, находящимися на большом расстоянии.

На основе данных, полученных в ходе исследования динамики количества городов и их населения, качества городской среды, нами предложена классификация городского пространства России.

Мегагорода — города ≥ 1 млн жителей, с развитой экономикой, культурным и научным потенциалом, системой коммуникаций.

Равновесные. Основная масса россиян проживает в городах с населением 100—500 тыс. чел., а благоприятная среда проживания преимущественно характерна для городов с населением более 500 тыс. чел. и специализированных. Предположим, что город с населением около 500 тыс. чел. является оптимумом в городском пространстве России и отклонение от этой цифры отдаляет поселение от оптимального уровня качества жизни¹². Этот город имеет значительный потенциал. Такая численность населения характерна для столицы среднего субъекта РФ.

Город вторичной урбанизации — провинциальный город, из числа «вторых» и «третьих» городов субъекта Федерации. Его население составляет около 100 тыс. чел. В нем располагаются филиалы университетов, развит средний бизнес.

Город первичной урбанизации — город с населением более 20 тыс. чел. Является центром сельских территорий, в котором их жители получают профессиональное образование.

Поселки городского типа построены в 50—80-х гг. XX в. как автономные микрорайоны на 6—20 тыс. чел. жителей, имеющие необходимую инфраструктуру (магазины, детские сады, школы и пр.)¹³. Возникает вопрос «Стоит ли города с населением менее 20 тыс. чел. рассматривать как города?». В заключение добавим, что предложенная классификация городского пространства России позволяет не только по-новому его анализировать, но и использовать в процессе планирования комплексного развития территории и реализации различных государственных программ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Вебер М. Образ общества // М. Вебер. Избранное. М.: Юрист, 1994. С. 309—311.

² Лаппо Г.М., Полян П.М. Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. 1999. Т. 8. № 4. С. 39—40.

³ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2012 года. URL: <http://www.webcitation.org/6ByztGipb> (дата обращения: 20.02.2014).

⁴ См.: Социология в России / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. 696 с.

⁵ См.: Щербакова Е. На начало 2010 года в России насчитывалось 1099 городов и 1295 поселков городского типа; Было 7 городов, имеющих более ста тысяч жителей, сейчас — 163. URL: <http://demoscope.ru> (дата обращения: 23.02.2014).

⁶ Лаппо Г.М., Полян П.М. Результаты урбанизации в России к концу XX века. С. 41.

⁷ Там же. С. 35—36.

⁸ См.: Социология в России ...

⁹ См.: Щербакова Е. На начало 2010 года ...

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² См.: Глазычев В.Л. Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов (дата обращения: 14.01.2014); Его же. Россия: принципы пространственного развития. URL: <http://www.glazuchev.ru> (дата обращения: 14.01.2014).

¹³ См.: Рютерс М. История города: модернизация, глобализация, «социалистический город» // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 7—208.

Поступила 26.02.2014.

REFERENCES

¹ Sm.: Veber M. Obraz obshhestva // M. Veber. Izbrannoe. M.: Jurist, 1994. S. 309—311.

² Lappo G.M., Poljan P.M. Rezul'taty urbanizacii v Rossii k koncu XX veka // Mir Rossii. 1999. T. 8. № 4. S. 39—40.

³ Chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii po municipal'nym obrazovanijam na 1 janvarja 2012 goda. URL: <http://www.webcitation.org/6ByztGipb> (data obrashhenija: 20.02.2014).

⁴ Sm.: Sociologija v Rossii / pod red. V.A. Jadova. 2-e izd., pererab. i dopoln. M.: Izd-vo In-ta sociologii RAN, 1998. 696 s.

⁵ Sm.: Shherbakova E. Na nachalo 2010 goda v Rossii naschityvalos' 1099 gorodov i 1295 poselkov gorodskogo tipa; Bylo 7 gorodov, imejushih bolee sta tysjach zhitelej, sejchas — 163. URL: <http://demoscope.ru> (data obrashhenija: 23.02.2014).

⁶ Lappo G.M., Poljan P.M. Rezul'taty urbanizacii v Rossii k koncu XX veka. S. 41.

⁷ Tam zhe. S. 35—36.

⁸ Sm.: Sociologija v Rossii ...

⁹ Sm.: Shherbakova E. Na nachalo 2010 goda ...

¹⁰ Tam zhe.

¹¹ Tam zhe.

¹² Sm.: Glazychev V.L. Predstavlenie o gorode i tehnologii upravlenija sredovym razvitiem. Tipologija gorodov (data obrashhenija: 14.01.2014); Ego zhe. Rossija: principy prostranstvennogo razvitija. URL: <http://www.glazychev.ru> (data obrashhenija: 14.01.2014).

¹³ Sm.: Rjuters M. Istorija goroda: modernizacija, globalizacija, «socialisticheskij gorod» // Antropologicheskij forum. 2010. № 12. S. 7—208.

I. N. Goryachev. Formation and Classification of Urban Space of Russia

The analysis of statistical data on the number of cities in Russia and their population for the period from 1926 to 2010 identified a growing number of cities all over the considered time interval. Predominance of cities with population of 20—50 thousand people is emphasized as well as the tendency to the increase in the number of cities with a population of over 500 thousand people. The analysis of the results of quality research of the urban environment carried out by the Ministry of Regional Development of the Russian Federation in 2012—2013 shows that the first 13 of the 50 lines of the rating are the “megacities” with over one million inhabitants. The bulk of the population live in cities with population less than 500 thousand inhabitants, and favorable quality of the urban environment is in the cities with population over 500 thousand people.

The conclusion is made that the population consistently migrate to big cities. In modern conditions the Russians are less tied to a specific territory and are more oriented to their work, urban convenience and lifestyle. In the regions, in general, «depopulation of rural space» goes on due to the concentration of population in large cities.

An original classification of urban space is proposed which includes: «megacities» (with over one million inhabitants); «equilibrium cities» (about 500 thousand inhabitants); «secondary urbanized towns» (about 100 thousand inhabitants); «primary urbanized towns» (over 20 thousand inhabitants); «urban-type settlements» (towns with less than 20 thousand inhabitants).

GORYACHEV Igor Nikolayevich, Candidate of Sociological Sciences, Deputy Head of the Production and Technical Department of the Municipal Public Enterprise “Penza Heat Supply” (Penza, Russian Federation).

Л. П. ВАСИЛЬЕВА

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова: управление регионом, проблемы, задачи государственного регулирования, концепция региональной политики

Key words: administration of a region, problems, tasks of state regulation, concept of regional policy

В статье рассмотрены некоторые вопросы управления региональной социально-экономической системой. Осуществлена попытка анализа системных проблем регионального управления.

The paper considers some issues of management of a regional socio-economic system. An attempt to analyze the system problems in regional administration was undertaken.

Российской Федерации всегда была характерна дифференциация в развитии ее регионов. В последние годы увеличились различия в уровне благосостояния большей части населения, дезинтеграция экономического пространства и реакции на кризисные явления. Различия среднедушевого ВРП в регионах страны составляют 24 раза. Этим в основном определяется отличие социального и политического положения благополучных и проблемных территорий.

В середине текущего десятилетия российская экономика оказалась перед долговременными системными вызовами, отражающими мировые тенденции и внутренние барьеры развития¹. Первый вызов — усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций, развития человеческого потенциала. Вторым вызовом — ожидаемая новая волна технологических изменений, существенно усиливающая роль инноваций в социально-экономическом развитии и обесценивающая традиционные факторы роста. Третий

ВАСИЛЬЕВА Людмила Петровна, профессор кафедры экономики и управления Вологодского института бизнеса, кандидат экономических наук, доцент.

вызов — возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Четвертый вызов, порожденный преимущественно внутренними, а не глобальными факторами — это исчерпание источников экспортно-сырьевого развития, базирующихся на форсированном наращивании топливного и сырьевого экспорта, выпуске товаров для внутреннего потребления за счет дозагрузки производственных мощностей в условиях заниженного обменного курса рубля, низкой стоимости производственных факторов (рабочей силы, топлива, электроэнергии).

Социально-экономическое развитие региона — основная функция органов государственной власти региона. Особенно актуальной она становится во время кризиса и структурных изменений. К сожалению, региональные органы управления чаще действуют, как «пожарная команда». Стратегические вопросы социально-экономического развития регионов отодвигаются на задний план².

Регион является социально-экономической системой, обладающей свойствами открытости, сложности, динамичности, многоуровневости. Его сбалансированное территориальное и ресурсное развитие предполагает способность противостоять внешним возмущениям общественной системы, повышать уровень и качество жизни населения, а также территориальную конкурентоспособность. Поэтому понимание сути и условий сбалансированности является ключевым и жизненно необходимым для развития территории³.

Проблемы регионального развития являются сейчас одним из ведущих направлений, так как формирование государственной региональной политики во многом определяет курс развития страны в целом. Дифференциация регионов требует различных подходов к анализу функционирования и управления. Россия имеет сравнительно небольшой опыт градации регионального развития отдельных территорий, так как на протяжении 70 лет навязывание плановой экономики влекло за собой подавление региональной самостоятельности, деградацию инновационности и новаторства, так как существование плановой экономики полностью отрицало необходимость самостоятельного развития и совершенствования.

Мировая и российская экономики переживают один из сложнейших периодов в новейшей истории. Экономическое пространство и его региональные сегменты находятся в

деформационном состоянии, вызванном условиями посткризисного развития, политической нестабильностью, низкой эффективностью развития предпринимательского сектора и т. д. Поэтому комплексное изучение социально-экономических проблем региона должно проводиться как изучение целостной природно-хозяйственной системы, являющейся частью глобальной экономической системы.

Строение региональной социально-экономической системы базируется на организационных связях (институтах регулирования, управления, контроля и др.), которые представляют собой институциональную инфраструктуру, где основное место занимает управление.

Выполнение управленческой функции может осуществляться двумя методами: институциональным и директивным. Как показывает практика экономически развитых стран, наиболее эффективными являются плавные меры политики регионального развития, включающие формирование и поддержку региональных институтов, межрегионального партнерства, государственно-частных ассоциаций. Именно такие формы поддержки позволяют в большей степени задействовать неформальные институты и опираться на них. Кроме того, они создают условия для того, чтобы региональные группы интересов оказались вовлечены в процесс принятия и исполнения решений.

Проблемы трансформации государственной региональной политики и ее адаптации к современным реалиям стоят весьма остро, так как в отличие от других эта проблема не локализована в экономической, социальной или политической сфере, она охватывает все сферы системы и осложняет институциональные процессы⁴.

Региональная система функционирует как единый механизм. Каждый его элемент выполняет определенную функцию для того, чтобы система обеспечила свое целевое назначение. Соответственно и управление такой системой должно быть целостным. Однако на практике территория функционирует целостно, а ее управление осуществляется по частям. За функционирование и развитие системы, как правило, отвечает один человек, на уровне региона — это губернатор. Он не может один осуществлять управление территориальным развитием, поэтому назначает ответственных и делегирует им полномочия по управлению

определенными видами деятельности, процессами, территориями. Создается определенная организационная структура управления. Осуществляя управление одного структурного подразделения, руководитель старается обеспечить ему эффективное развитие, не заботясь при этом об общем результате. Это ведет к локальной эффективности. Известно, что сумма локальных эффективностей элементов системы не равна общей эффективности всей системы. Управление организацией «по частям» приводит к появлению системных ограничений, что влияет на обеспечение стабильности функционирования и непрерывности развития организации. Появляется субоптимизация системы, когда улучшение одного элемента осуществляется за счет другого или всей системы, что приводит к нарушению системной логики и появлению системных ограничений.

На основе вышеизложенного становится очевидной проблема целостности управления регионом и отсутствие такой возможности из-за сложившихся подходов к управлению. Поэтому при обеспечении сбалансированного и устойчивого развития устранение системных ограничений за счет целостного управления является актуальной задачей.

Не менее важной проблемой является адекватность управления. Она заключается в том, что при достижении региональной системой основных целей (функционирование, самосохранение и развитие) возникает необходимость обеспечения стабильности ее функционирования, минимизации рисков, которые могут возникнуть при внедрении инновационных управленческих методов, и адаптации к изменяющимся условиям и факторам, вынуждающим субъект управления искать эффективные управленческие решения.

Также системной проблемой управления является проблема организационного развития управления. В соответствии с теорией жизненного цикла любая организация развивается поэтапно. Организационное развитие — это концепция инициирования, планирование реализации долгосрочных процессов, направленных на развитие. Любая организация функционирует и развивается по определенным законам и в каждый момент времени отличается набором отличительных признаков. Так как организация не может существовать без системы управления, то с созданием организации создается система управления, также имеющая набор отличительных

особенностей, характерных для любой организации находящейся на таком же уровне развития. Организационное управление является одним из элементов организационного развития и представляет для нас особый интерес, так как оно является ключевой составляющей и влияет на остальные аспекты организационного развития (развитие материальных активов, трудовых ресурсов и т. д.).

По сравнению с другими социально-экономическими системами регион региональная система развивается более медленно. Сегодня она находится на этапе самоорганизации и саморазвития. Завершение каждого этапа организационного развития соответствует завершению этапа управления, характеризующимся кризисным состоянием.

Управление регионом подчинено определенным закономерностям. При принятии управленческих решений органами региональной власти на различных уровнях управления может возникнуть проблема внедрения управленческих подходов, методов и технологий, которые не соответствуют существующему в организации уровню организационного развития.

Важной системной проблемой является осуществление эффективного внутреннего мониторинга. Цель его проведения — выявление системных несоответствий в управлении регионом и причин их появления. Мониторинг региона осуществляется по разным сферам деятельности. Инвестиции, инновации, трудовые ресурсы региона и др. не дают целостной оценки функционирования и развития региона.

Повышение эффективности мониторинга предполагает интеграцию анализа всех аспектов деятельности, влияющих на устойчивость развития территории. Разработка методики проведения комплексного мониторинга региона и эффективности его управления является одной из актуальных задач.

Основной задачей регионального развития является сглаживание межрегиональной дифференциации и повышение уровня жизни населения. Огромное значение в этом процессе имеет политика региональных и федеральных властей. Анализ периода активных экономических преобразований последних лет свидетельствует о том, что социальные потери России достигли значительного уровня.

Также затрудняет эффективное развитие региональных социально-экономических систем несовершенство эконо-

мической инфраструктуры. В современных условиях она рассматривается как общественно-рыночный институт, формирующий единое экономическое пространство страны. Глобальный экономический кризис диагностировал слабые стороны региональной экономической инфраструктуры в части обеспечения экономики необходимыми ресурсами. Это проявилось в деформации банковского сектора, но больше всего пострадал самый перспективный экономический кластер — предпринимательский, лишенный финансового и законодательного обеспечения.

Точное представление о проблемах развития региона облегчает принятие стратегических и тактических управленческих решений. Экспертиза и ранжирование проблем по степени важности позволяет определить проблемную область сбалансированного развития исследуемого объекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020—2030 годов. Приложение к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_monitoring/documents/document8371.shtml (дата обращения: 15.12.2013).

² См.: Дмитриев Ю.А. Васильева Л.П., Толоконникова Н.С. Принципы и инструменты формирования социально-экономической политики региона — 2013 / под общ. ред. Дмитриева Ю.А. Владимир: «Собор», 2013. 201 с.

³ См.: Герасимов А.Н. Проблемы функционирования и развития региональных социально-экономических систем // Экономика и предпринимательство. 2012. № 2. С. 27—31.

⁴ См.: Сыров А.Н. Методологические аспекты территориальной политики в регионе // Экономика региона. 2008. № 2. С. 241—247.

Поступила 13.01.2014.

REFERENCES

¹ Prognoz social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020—2030 godov. Prilozhenie k Konceptcii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_monitoring/documents/document8371.shtml (data obrashhenija: 15.12.2013).

² Sm.: Dmitriev Ju.A. Vasil'eva L.P., Tolokonnikova N.S. Principy i instrumenty formirovaniya social'no-jekonomicheskoy politiki regiona — 2013 / pod obshh. red. Dmitrieva Ju.A. Vladimir: «Sobor», 2013. 201 s.

³ Sm.: Gerasimov A.N. Problemy funkcionirovaniya i razvitija regional'nyh social'no-jekonomicheskikh sistem // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2012. № 2. S. 27—31.

⁴ Sm.: Syrov A.N. Metodologicheskie aspekty territorial'noj politiki v regione // Jekonomika regiona. 2008. № 2. S. 241—247.

L. P. Vasilieva. Features and Issues of Management of Balanced Development of Regional Socio-Economic Systems

Intensification of processes of globalization of the economic space, the ongoing manifestations of the global economic crisis, and the growing regional differentiation are accompanied by system features and problems that suggest the need for increasing the efficiency of management systems at the federal and regional levels.

The paper focuses on the problems in the administration system of a region: lack of integrity and adequacy of control; external and internal factors are not taken into account; there is no goal of organizational development of administration; lack of effectiveness in the internal monitoring of the management system.

Ignoring the solution of the above mentioned problems has led to high social and territorial asymmetry, imperfection of economic infrastructure, resistance to external influences. Identification and systematization of the problems of development and management of the regional socio-economic system increases the efficiency of the management process through strategic and tactical decisions that will affect the balanced and sustainable development of the territory.

VASILIEVA Lyudmila Petrovna, Candidate of Economic Sciences, Docent, Professor at the Department of Economics and Administration, Vologda Business Institute (Vologda, Russian Federation).



Н. А. ФИЛИПОВА Т. А. ЕФРЕМОВА

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: налоговые органы, налоговая инспекция, модернизация, функциональная структура, аппарат управления

Key words: tax authorities, tax inspectorate, modernization, functional structure, management personnel

В статье анализируются вопросы становления и развития налоговых органов Республики Мордовия, исследуется их современная структура, аппарат управления, состав персонала. Приведены перспективы комплексной модернизации налоговых органов, предполагающей переход к новому качеству взаимоотношений с налогоплательщиками.

The paper considers the issues of formation and development of the tax authorities in the Republic of Mordovia, their contemporary structure is examined, as well as their administration and personnel. Prospects of complex modernization of the tax authorities involving transition to a new quality of relations with taxpayers are outlined.

Управление Федеральной налоговой службы по Республике Мордовия (УФНС России по РМ) является частью структуры Федеральной налоговой службы России. Датой

ФИЛИПОВА Наталья Алексеевна, профессор кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

ЕФРЕМОВА Татьяна Александровна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

образования налоговых органов Республики Мордовия считается 1 июля 1990 г. Определяющее значение в их формировании сыграло Постановление Совета Министров СССР от 24 января 1990 г. № 76 «О государственной налоговой службе». В год своего создания в налоговой инспекции по Мордовии работали всего 13 чел.

Первоначально (1991—1996 гг.) налоговые органы представляли собой организационную систему с вертикальной подчиненностью и специализированным разделением по основным видам налогов. Такое построение налоговых органов было обусловлено началом разработки основополагающих направлений налогового законодательства, воплощением в жизнь его методологических аспектов и формированием механизма исчисления и взыскания налогов и сборов.

В то время структура организации труда налоговых органов региона могла подразделяться по видам налогов, типам налогоплательщиков, разновидностям налоговых функций и т. д. Но чаще встречались смешанные типы построения организационных структур, основанные на сочетании различных специализаций. Практически в каждой налоговой инспекции была своя организационная структура, не было единства построения, налоговому администрированию для эффективной деятельности не хватало целостности и единобразия¹.

С течением времени организационные принципы системы территориальных налоговых органов региона не раз подвергались кардинальным изменениям. С 1992 г. в инспекциях начала проводиться работа по созданию автоматизированной информационной системы, обеспечивающей сбор и формирование базы данных для переработки информации, которая уже тогда достигала значительных объемов. Одновременно с выполнением задач, возложенных на налоговую службу, шло формирование коллективов, обустройство рабочих мест, компьютеризация.

К концу 1993 г. в системе Госналогслужбы России возникла потребность в модернизации налоговых органов, главной причиной которой послужило существенное увеличение количества налогоплательщиков, встававших на учет, что создавало обстановку взаимной напряженности между инспекторами и посетителями. Концепция модернизации налоговых органов разработана специалистами Госналогслужбы

России, налоговых органов Волгоградской и Нижегородской областей и экспертами МВФ в 1995 г. и в феврале 1996 г. утверждена руководителем Госналогслужбы России². Одним из концептуальных принципов модернизации налоговых органов стало внедрение элементов системы «полного самоначисления», которая позволила изменить сложившуюся практику взаимоотношений между налогоплательщиками и налоговыми органами.

Модернизация налоговых органов страны сказалась и на изменении принципов функционирования налоговых органов Мордовии. При этом развитие территориальных налоговых органов основывалось на активном использовании накопленного на местах опыта в этой области и творческого потенциала специалистов. 22 октября 1999 г. Государственная налоговая инспекция по Республике Мордовия была переименована в Управление МНС России по РМ.

К 2001 г. Правительством РФ принято решение о необходимости дальнейшего развития налоговых органов, в исполнение которого руководство налоговыми органами республики произвело укрупнение территориальных налоговых органов, избирая в качестве основного организационного звена межрайонные налоговые инспекции.

Начало второму этапу модернизации налоговых органов было положено Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», в который были внесены существенные изменения и дополнения Указом Президента РФ от 20 мая 2004 г. № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти». Во исполнение этого Указа Министерство Российской Федерации по налогам и сборам было преобразовано в Федеральную налоговую службу России. 1 января 2005 г. Управление МНС России по Республике Мордовия было преобразовано в Управление Федеральной налоговой службы по Республике Мордовия.

Основной задачей модернизации налоговых органов являлся переход от доминировавшей ранее структуры инспекции с ярко выраженной специализацией отделов по видам налогов к преимущественно функционально-ориентированным структурам инспекций. Суть функционального подхода состоит в обеспечении рационального использования кадрового состава инспекций за счет углубленной специализации по выполняемым функциям³.

Функциональная модель деятельности налоговых органов характеризуется специализацией труда налоговых инспекторов в разрезе четко прописанных функций; стандартизацией рабочих процессов определенных функций; единой программой подготовки, переподготовки и аттестации налоговых инспекторов; типизацией программно-технического обеспечения рабочих мест; единым стилем управления конфигурацией программных и информационных компонентов автоматизации труда налоговых инспекторов; высвобождением трудовых ресурсов для контрольно-аналитической работы; контролируемостью рабочих процессов с точки зрения защиты, производительности, достоверности и восстановления в случае сбоев⁴.

Переход к унифицированной функциональной типовой организационной структуре территориальной инспекции сопровождался в Республике Мордовия кардинальной перестройкой и перераспределением работы внутри отдельных инспекций, организацией типовых рабочих мест, созданием соответствующих инструкций на эти места, повышением требовательности к образовательной подготовке и переподготовке персонала. В созданной унифицированной структуре выделены четыре функциональных блока, в каждый из которых входят по несколько отделов инспекции. Они представлены на рисунке.

Современная система налоговых органов Республики Мордовия представлена Управлением ФНС России по Республике Мордовия, 2 инспекциями ФНС России по Ленинскому и Октябрьскому районам г. Саранска и 7 межрайонными инспекциями ФНС России по Республике Мордовия. Кроме того, в структуре последних выделяются 16 территориально-обособленных структурных подразделений (ТОСПов), которые расположены в подконтрольных налоговым инспекциям районах республики. Все ТОСПы подключены к региональной системе телекоммуникаций, обеспечивающей стабильный удаленный доступ к информационным ресурсам межрайонных инспекций в режиме реального времени. Также немаловажно, что в республиканских налоговых инспекциях оборудовано 8 операционных залов.

Аппарат Управления ФНС России по Республике Мордовия состоит из 12 профильных отделов: общий отдел; отдел налогообложения № 1; отдел налогообложения № 2; отдел регистрации и учета налогоплательщиков; отдел урегулиро-

вания задолженности и обеспечения процедуры банкротства; аналитический отдел; отдел контрольной работы; правовой отдел; отдел обеспечения; отдел кадров и безопасности; отдел работы с налогоплательщиками; отдел информатизации.



Рисунок. Унифицированная структура территориальной инспекции ФНС России по Республике Мордовия

В налоговом ведомстве работают высококвалифицированные специалисты, имеющие статус государственных служащих. Численность налоговиков по РМ составляет 965 чел., младшего обслуживающего персонала — 145 чел. (79 % — женщины, 21 % — мужчины). Средний возраст работников — 40 лет, работников в возрасте до 30 лет — 25 %. Высшее профессиональное образование имеют 93 % руководителей и специалистов налоговых органов РМ, среднее профессиональное образование — 7 %⁵.

Развитие новых технологий администрирования налогов влечет изменение структуры налоговых органов. В ближайшее время, согласно Президентской концепции развития

государственной гражданской службы, Управление будет проходить процедуру оптимизации, итогом которой должно стать улучшение реализации его функций и создание более комфортных условий для налогоплательщиков. В будущем предстоит работа по комплексной модернизации налоговых органов: от оптимизации рабочих процессов, совершенствования информационных технологий до оптимизации структуры налоговых органов, технического оснащения инспекций, повышения профессионального уровня специалистов и создания условий для качественного обслуживания налогоплательщиков. В целом следует отметить, что все поставленные программой развития налоговых органов задачи модернизации достаточно успешно решаются в республике, что позволяет говорить о формировании новой технологической основы налогового администрирования и переходе на этой основе к новому качеству взаимоотношений с налогоплательщиками.

Таким образом, модернизация налоговых органов региона — это сложный непрерывный процесс, направленный на проведение структурных и функциональных преобразований их деятельности. В современных условиях модернизация налоговых органов предполагает переход от фискального органа, главной задачей которого является обеспечение максимальных поступлений налоговых платежей в бюджет, к становлению их как сервисного ведомства, осуществляющего от имени государства формирование цивилизованных отношений с налогоплательщиками в процессе исполнения ими конституционной обязанности по уплате налогов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бакланова Н.Е. Совершенствование функционирования территориальных налоговых инспекций с использованием современных информационных технологий: дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. С. 25.

² См.: Поляков Н.Ф. Проект модернизации территориальных налоговых органов // Вестн. Нижегород. ун-та имени Н.И. Лобачевского. 2002. № 1. С. 205—206.

³ См.: Налоги и налогообложение / под ред. И.А. Майбурова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 112.

⁴ См.: Мишустин М.В. Эффективная система — это управляемая система // Корпоративные системы. 2002. № 15. С. 33.

⁵ История УФНС России. 13 Республика Мордовия. URL: <http://www.nalog.ru/rn13> (дата обращения: 23.12.2013).

Поступила 16.01.2014.

REFERENCES

¹ Sm.: Baklanova N.E. Sovershenstvovanie funkcionirovaniya territorial'nyh nalogovyh inspekcij s ispol'zovaniem sovremennyh informacionnyh tehnologij: dis. ... kand. jekon. nauk. M., 2008. S. 25.

² Sm.: Poljakov N.F. Proekt modernizacii territorial'nyh nalogovyh organov // Vestn. Nizhegorod. un-ta imeni N.I. Lobachevskogo. 2002. № 1. S. 205—206.

³ Sm.: Nalogi i nalogooblozhenie / pod red. I.A. Majburova. M.: JuNITI-DANA, 2010. S. 112.

⁴ Sm.: Mishustin M.V. Jeffektivnaja sistema — jeto upravljaemaja sistema // Korporativnye sistemy. 2002. № 15. S. 33.

⁵ Istoriya UFNS Rossii. 13 Respublika Mordovija. URL: <http://www.nalog.ru/rn13> (data obrashhenija: 23.12.2013).

N. A. Filippova, T. A. Efremova. Establishment and Development of Tax Authorities in a Region

The paper considers the evolution of the tax authorities in the Republic of Mordovia. It also examines the organizational development of the regional tax authorities and the exchange of information between their sections, redistribution of work within individual inspectorates, organization of typical workplaces, etc. Description of the unified structure of territorial inspectorate of the Federal Tax Service of Russia in the Republic of Mordovia is given with indication of the advantages of the functional model of its structure. A study of the management staff was conducted, as well as that of the structure and number of employees of tax authorities of the Republic.

The paper emphasizes the need for improvement of the activities of the tax authorities, the result of which should be the improvement of the implementation of their functions and creation of more comfortable conditions for taxpayers. The authors substantiate the prospects of complex modernization of the tax authorities of the region involving a transition from fiscal authority to a service company, engaged in the formation of civilized relationships with taxpayers on behalf of the state in the process of fulfillment of their constitutional duties on payment of taxes.

FILIPPOVA Natalia Alekseyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Finance and Credit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

EFREMOVA Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance and Credit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



Л. А. КОРМИШКИНА Н. Н. СЕМЕНОВА

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ «РОМБА» М. ПОРТЕРА: ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Ключевые слова: конкурентоспособность, агропромышленный комплекс, Республика Мордовия, модернизация, структурная кластерная политика

Key words: competitiveness, agro-industrial complex, Republic of Mordovia, modernization, structural cluster policy

В статье представлены результаты анализа конкурентоспособности агропромышленного комплекса Республики Мордовия, проведенного на основе методологии «конкурентного ромба» М. Портера (факторные условия; условия внутреннего спроса; родственные и поддерживающие отрасли; структура и стратегия фирм, внутриотраслевая конкуренция). Содержатся рекомендации по повышению конкурентоспособности регионального АПК.

The paper presents the results of the analysis of competitiveness of agro-industrial complex of the Republic of Mordovia conducted on the basis of methodology of the M. Porter's competitive diamond model (factor conditions, demand conditions, related and supporting industries, firm strategy, structure and rivalry). The paper provides recommendations to improve competitiveness of the regional agro-industrial complex.

КОРМИШКИНА Людмила Александровна, заведующий кафедрой экономической теории Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

СЕМЕНОВА Надежда Николаевна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

Сегодня не требует доказательств тот факт, что неотъемлемым и важнейшим компонентом рыночной среды является конкуренция. Объективно присущая рыночным связям и отношениям, она «ведет к лучшему использованию способностей и знаний, ...требует рационального поведения»² хозяйствующих субъектов, а потому становится необходимым условием развития национальной экономики, ее конкретных сфер, отраслей и производств. В этом смысле следует говорить не столько о внешнем управлении конкуренцией, сколько о развитии возможностей субъектов хозяйственной деятельности участвовать в конкуренции, усиливать свое конкурентное положение на рынке.

В научной литературе можно встретить разные дефиниции понятия «конкурентоспособность», хотя понятно, что во всех случаях речь может идти о потенциальном или фактическом свойстве какого-либо явления (лица или предмета), непосредственно связанного с конкуренцией. В наиболее общем виде конкурентоспособность, как справедливо замечает Е. И. Кузнецова, характеризует «потенциал или уровень возможности субъекта конкурентных рыночных отношений к соперничеству со своими контрагентами»³. Аналогичной точки зрения придерживается М. И. Гельвановский, утверждая, что «применительно к экономической сфере под конкурентоспособностью в самом общем виде можно понимать обладание свойствами, создающими преимущества для субъекта экономического соревнования (конкурентной борьбы)»⁴. По мнению В. К. Сенчагова, конкурентоспособность — это понятие, которое не только более полно отражает требования рынка, но и, что особенно важно, ориентирует хозяйствующие субъекты на активные действия по завоевыванию рыночных позиций, их удержанию, укреплению и расширению»⁵.

Необходимо отметить, что в научном обороте, помимо обобщающей категории «конкурентоспособность», используются ее частные понятия («конкурентоспособность страны», «конкурентоспособность региона», «конкурентоспособность отрасли», «конкурентоспособность предприятия», «конкурентоспособность продукции») в зависимости от того, применительно к какому объекту (предмету) или субъекту она относится. В связи с этим С. С. Чернов справедливо замечает, что конкурентоспособность представляет собой сложное многоуровневое понятие, анализ и оценку которого

необходимо увязывать с конкретным конкурентным полем, особенно с его уровнем»⁶.

Не сомневаясь в правомерности вышеизложенных взглядов на конкурентоспособность, ее, по нашему мнению, следует рассматривать как определяющее свойство субъекта конкурентных отношений, характеризующее уровень реального или потенциального удовлетворения им конкретной потребности по сравнению с аналогичным объектом, представленным на рынке. Заметим, что конкурентоспособность, с точки зрения управления, образует своего рода иерархию, в которой способность конкурировать на уровне системы в целом предопределяется конкурентоспособностью входящих в нее подсистем, а категория «конкурентоспособность» оказывается теснейшим образом связанной с конкурентными преимуществами. В соответствии с таким подходом перспективы устойчивого развития национальной экономики в условиях нарастающей глобализации и сопутствующей гиперконкуренции в значительной степени определяются конкурентоспособностью конкретных ее отраслей и производств.

Напомним, что в начале 1990-х гг. М. Портер в своих работах обосновал специальный методологический подход (так называемый конкурентный ромб) для оценки конкурентных преимуществ национальной экономики⁷. Такой подход базируется на системе четырех групп показателей (факторные условия; условия внутреннего спроса; родственные и поддерживающие отрасли; структура и стратегия фирм, внутриотраслевая конкуренция) и, вполне применим для оценки конкурентоспособности конкретного региона, той или иной отрасли, компании или фирмы.

Опираясь на «конкурентный ромб» М. Портера, мы предприняли попытку оценить конкурентоспособность агропромышленного комплекса Республики Мордовия — субъекта Российской Федерации с экономической специализацией индустриально-аграрного типа. Закрепление за республикой такой специализации выражается, во-первых, в преобладании доли обрабатывающих производств и сельского хозяйства в структуре ВРП и инвестиций в основной капитал. Следует отметить, что в настоящее время сектор переработки в АПК региона диверсифицирован, а его основными подсекторами являются мясное и яичное птицеводство, про-

изводство молока и молочных продуктов, сыра и масла, овощей и консервов, сахара, кондитерских изделий, спирта и алкогольных напитков⁸.

Республика Мордовия активно наращивает свой агропромышленный потенциал, который в условиях признания мировым сообществом (начиная с 2002 г.) глобального характера продовольственной проблемы является ее конкурентным преимуществом и дальнейшее развитие которого имеет федеральное значение для обеспечения продовольственной безопасности страны. К сказанному считаем принципиальным добавить, что наличие значительной аграрной составляющей в экономической специализации региона позволила ему в определенной степени «смягчить» негативное влияние финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. на социально-экономическую ситуацию, а величина падения ВРП РМ (-3,4 %) оказалась меньше по сравнению с аналогичным показателем по РФ в целом (-6,0 %)⁹.

Что же касается результатов исследований конкурентных детерминант «ромба» М. Портера, влияющих на конкурентоспособность агропромышленного комплекса республики, то главной формирующейся здесь негативной тенденцией, на наш взгляд, является наметившееся снижение удельного веса сельского хозяйства (центрального сектора АПК) в экономике Мордовии. Такая ситуация стала в значительной мере следствием снижения прямой бюджетной поддержки отрасли, сокращения инвестиционных возможностей ее производственного потенциала и мотивации, занятых в аграрном производстве людей, к высокопроизводительному труду. Реформирование и приватизация перерабатывающих производств также не дали заметного укрепления их интеграционной связи с сельским хозяйством, напротив, привели к перекачке прибыли из этой отрасли в перерабатывающую промышленность. Все это ухудшает состояние сельского хозяйства.

Напомним, что, согласно «ромбу» М. Портера, главная идея при анализе *факторных условий* состоит в том, что основные для конкурентоспособности факторы не наследуются, а создаются. Наибольшее значение при этом имеет эффективность использования факторов, темпы их создания и механизмы их совершенствования. В связи с этим недостаток отдельных базисных факторов может быть не слабой,

а сильной стороной в конкурентной борьбе, побуждая производителей осуществлять нововведения и усовершенствования для повышения специализации базисных факторов.

В этом контексте развитие внутреннего сельскохозяйственного производства должно осуществляться с использованием мелиорации, механизации, биотехнологии, интеграции и кооперации и др. На необходимость такого подхода к развитию сельскохозяйственного производства в Мордовии указывают состояние и динамика базисных ресурсов анализируемой отрасли регионального АПК (табл. 1).

Таблица 1
Динамика базисных ресурсов сельского хозяйства РМ¹⁰

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2007 г., %
Численность сельского населения	343,8	337,8	331,1	325,1	328,6	322,3	93,7
Численность занятых в сельском хозяйстве, тыс. чел.	76,0	75,1	76,7	76,9	75,9	75,2	98,9
Удельный вес в экономически активном населении, %	19,2	19,1	16,7	16,6	16,5	16,5	85,9
Сельскохозяйственные угодья, тыс. га	1658,1	1658,0	1658,0	1657,6	1657,3	1656,7	99,9
Основные фонды, млн руб.	13167	15148	10704	11604	21757	22696	172,4

Как видно из табл. 1, в регионе за 2007—2012 гг. наблюдалось снижение численности занятых в сельском хозяйстве на 1,1 % при общем сокращении численности сельского населения на 6,3 %. Сложившаяся ситуация обусловлена как естественной убылью, так и миграционным оттоком сельского населения (трудовая и образовательная миграция). Сохранение в будущем подобной тенденции может привести к возникновению проблем с трудовыми ресурсами отрасли АПК. Кроме того, анализируя трудовой потенциал АПК РМ, необходимо отметить, что в настоящее время среди работников его организаций доля специалистов разных профилей с высшим образованием составляет лишь 20 %, что сдерживает рост конкурентоспособности АПК.

Базисным фактором сельскохозяйственного производства выступают земельные ресурсы. В РМ земли сельскохозяй-

ственного назначения составляют 63,5 %, из них пашня занимает 65,5 % сельскохозяйственных угодий. Однако использование имеющихся земельных ресурсов в регионе нельзя признать эффективным, поскольку площадь сельскохозяйственных угодий в республике за исследуемый период уменьшилась на 1 400 га. В то же время в РМ на начало 2012 г. на душу населения в Мордовии приходилось 2 га сельхозугодий (при этом на 1 чел., занятого в сельском хозяйстве, — 22 га), что превышает значение аналогичного показателя (1,4 га) по РФ. Сказанное обуславливает необходимость повышения внимания к эффективному использованию этого базисного фактора сельскохозяйственного производства.

За период рыночных преобразований в регионе ухудшилась обеспеченность сельскохозяйственных организаций тракторами и комбайнами, вызванная снижением объемов производства продукции сельскохозяйственного машиностроения в стране. Только за последние шесть лет количество тракторов в сельскохозяйственных организациях республики сократилось на 20,1 %, а зерноуборочных комбайнов — на 9,3 %. При этом количество вновь приобретаемых тракторов уменьшилось на 69 ед., зерноуборочных комбайнов — почти в 7 раз, доильных агрегатов и установок — почти в 4 раза. Это свидетельствует о спаде воспроизводства (суженном воспроизводстве) в сельском хозяйстве республики. В результате этого нагрузка пашни на 1 трактор возросла за 2007—2012 гг. с 212 до 223 га, посевов на 1 зерноуборочный комбайн — с 300 до 341 га (табл. 2).

В то же время следует отметить как положительный факт то, что в ходе реализации национального проекта «Развитие АПК» и Государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг.» в сельском хозяйстве региона существенно улучшилась возрастная структура действующего материально-технического парка.

Увеличилась доля сельскохозяйственных машин со сроком эксплуатации до 3 лет. Применительно к парку тракторов она составила 12,5 %, по зерноуборочным комбайнам — 17,3 %, по кормоуборочным комбайнам — 14,5 %. Это позволило снизить степень физического износа основных фондов. Так, в

2012 г. степень износа зерноуборочных комбайнов составила 15 %, кормоуборочных комбайнов — 28 %, а по тракторам она осталась все же еще на критическом уровне — 40 %.

Таблица 2

Обеспеченность сельскохозяйственных организаций РМ тракторами и комбайнами¹¹

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Тракторов на 1 000 га пашни, шт.	5,0	5,0	5,0	5,0	4,7	4,5
Нагрузка пашни на 1 трактор, га	212	197	199	209	212	223
Комбайнов на 1 000 га посевов (посадки), шт.:						
— зерноуборочных;	3,3	3,2	3,0	3,2	2,9	2,9
— картофелеуборочных;	34,4	37,7	37,5	32,6	31,1	15,8
— свеклоуборочных	9,7	7,1	6,1	4,6	3,4	3,9
Посевов соответствующих культур на 1 комбайн, га:						
— зерноуборочных;	300	317	324	316	341	341
— картофелеуборочных	26	27	28	31	32	63

Такое состояние материально-технической базы сельского хозяйства РМ негативно сказывается на конкурентоспособности продукции отрасли и обуславливает необходимость ее дальнейшей форсированной технологической модернизации.

При исследовании второй детерминанты «конкурентного ромба» М. Портера — *состояние внутреннего спроса* — необходимо руководствоваться правилом: в конкурентной борьбе выигрывают те производители, которые большее внимание уделяют развитию рынка в связи с особыми внутренними условиями; «качество» потребителей (требовательность, квалифицированность) более значимы, чем сегментный состав спроса.

Бесспорно, что на внутреннем рынке спрос на продукцию сельского хозяйства зависит от уровня реальных денежных доходов населения. Необходимо отметить, что в 2012 г. реальные располагаемые денежные доходы населения в РМ по сравнению с 2010 г. сократились на 4,2 % (в 2007 г. их рост был равен 13,7 %), а уровень бедности в регионе составил 21,3 %. В настоящее время по уровню заработной платы РМ занимает 75-е место среди 83 регионов РФ¹². Мордовия по номинальным доходам населения, так и по соотношению душевых денежных доходов и прожиточ-

ного минимума находится в числе регионов-аутсайдеров Приволжского федерального округа (ПФО). Номинальная среднемесячная заработная плата в республике в 2012 г. была самой низкой в ПФО (14 129 руб.) и на 55,5 % ниже средней по РФ. При этом среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве РМ на 16,3 % ниже среднероссийского уровня и на 22,1 % — среднереспубликанского.

В связи с этим в качестве своеобразного парадокса состояния агропромышленного производства республики можно отметить, что потребление основных продуктов питания на душу населения в регионе значительно ниже рекомендуемых норм (табл. 3), хотя в регионе выдерживается критерий достаточности производства мяса, молока, картофеля. Так, в 2012 г. потребление основных продуктов питания населением по отношению к рекомендуемым нормам в регионе составляло по молоку и молокопродуктам 90,3 %, овощам и бахчевым — 71,6 %.

Рацион питания населения является дефицитным по животному белку (его дефицит отчетливо проявился в последние 20 лет), а соотношение белков, жиров и углеводов не соответствует нормам питания. Увеличился разрыв по сравнению с рациональными нормами потребления продуктов животного происхождения, овощей и фруктов. Между тем, согласно принятым в мировой практике критериям, абсолютный размер потребления этих продуктов и их удельный вес в рационе питания являются важными показателями качества питания и уровня жизни населения в целом.

Внутренний спрос в республике недостаточен для реализации продукции АПК на внутреннем рынке, что является одной из причин вывоза сельскохозяйственной продукции за пределы региона. Так, республика вывозит в различные субъекты РФ яйца, мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты. За 2007—2012 гг. вывоз яиц и овощей увеличился более чем в 2 раза, мяса и мясопродуктов — в 1,9 раза, молока и молокопродуктов — в 1,2 раза.

Важнейшей составляющей внутреннего спроса являются инвестиции. Так, большой внутренний рынок способен повышать инновационно-инвестиционную активность сельскохозяйственных товаропроизводителей. Отличительной чертой инвестиционной деятельности сельскохозяйственных производителей региона является неустойчивость ее динамики.

Так, в период 2008—2010 гг. инвестиции в основной капитал сельского хозяйства РМ снизились на 1 756,3 млн руб. или 32,9 %. Но уже в последующие два года (2011—2012 гг.) они увеличились на 24 % по сравнению с 2010 г. В то же время доля инвестиций в сельское хозяйство в общем объеме инвестиций в основной капитал в экономике РМ составляет лишь 10,2 %. Основными причинами низкой инвестиционной активности сельскохозяйственных товаропроизводителей являются сокращение бюджетного субсидирования, недостатков собственных финансовых ресурсов, недоступность кредитов из-за высокой процентной ставки.

Таблица 3

Потребление основных видов сельскохозяйственной продукции на душу населения, кг/год¹³

Вид продукта	Рациональная норма потребления	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Мясо и мясопродукты	70—75	61	66	68	70	72	73
Молоко и молокопродукты	320—340	293	288	291	293	294	289
Яйца, шт.	260	301	290	295	296	297	298
Хлебные продукты	95—105	127	127	125	124	125	123
Овощи и бахчевые	120—140	91	91	83	84	84	86
Картофель	95—100	168	168	166	102	103	103

Таким образом, в связи со сложившимися в регионе особыми внутренними условиями для дальнейшего развития АПК и повышения его конкурентоспособности наибольшее значение имеет не просто объем внутреннего спроса, а его качество и соответствие тенденциям развития современного рынка.

Третьей детерминантой, влияющей на конкурентоспособность АПК региона, согласно методологии М. Портера, является взаимодействие с родственными и поддерживающими отраслями. Следует отметить, что в настоящее время в АПК страны задействовано около 80 отраслей, среди которых можно выделить родственные и поддерживающие.

Поддерживающие отрасли — сельскохозяйственное машиностроение, ремонт сельскохозяйственной техники, семеноводство, ветеринария, топливно-энергетический комплекс, финансово-кредитные учреждения, страховые организации, транспорт, образование и др. Родственные отрасли — перерабатывающая; пищевая; легкая; ремонт оборудования для

легкой и пищевой промышленности; торгово-посреднические организации и др.

В современных условиях повышение конкурентоспособности АПК возможно за счет проведения структурной кластерной политики. Агропромышленные кластеры, в основе развития которых лежит вертикальная и горизонтальная интеграция, обладают рядом преимуществ: более высокие стандарты качества; ориентация продукции на экспорт; снижение трансакционных издержек, синергетический эффект для каждого участника за счет более широкой и всесторонней интеграции. Основной целью формирования агрокластеров является удержание и увеличение своей доли на продовольственном рынке, освоение рыночных ниш на соседних с конкурентом территориях. Интегрированные структуры должны обеспечивать высокий уровень конкурентоспособности и тем самым сдерживать рост цен на социально значимые продовольственные товары.

Экономическая специализация Мордовии, ее значительный инновационный, сельскохозяйственный и транспортный потенциалы позволяет создавать в регионе агропромышленные кластеры. Основными секторами специализации регионального агропромышленного кластера являются, во-первых, производство молока, сыров и молочных продуктов, демонстрирующее высокие темпы роста. Ядро этого сегмента кластера в республике составляют крупный холдинг «Юнимилк» (ОАО «Молочный комбинат «Саранский», ОАО «Надежда»), ОАО «Сыродельный комбинат «Ичалковский»», ООО «Сыроваренный завод «Сармич», ОАО «Маслодельный завод «Атяшевский»», ООО «Агрофирма «Темниковская»», ОАО «Молоко», ОАО «Мечта». Во-вторых, производство мяса и мясных продуктов (пять мясоперерабатывающих предприятий, в том числе ЗАО «Талина», ГУП «Мясокомбинат «Оброченский»»). В-третьих, производство яиц. Необходимо отметить, что по производству яиц в расчете на одного жителя республика занимает 1-е место в ПФО, в 2012 г. этот показатель составил 1 603 яйца на 1 чел., что более чем в 5 раз превышает показатель по России (294 яйца на 1 чел.). В регионе функционирует несколько крупных предприятий сектора производства мяса птицы и яиц, среди них ОАО «Птицефабрика «Атемарская»», ОАО «Агрофирма «Октябрьская»», ОАО «Птицефабрика «Чамзинская»».

В-четвертых, другие сектора: производство овощей, овощных консервов, замороженных овощей (ГУП «Тепличное», ОАО «Саранский консервный завод»); спирта и алкогольных напитков (ОАО «Мордовспирт», ООО «Веда», ОАО «СанИнБев»); зерна (преимущественно для нужд других секторов: производство муки, комбикормов, спирта); сахарная промышленность (ООО «Ромодановосахар»); производство семян сельскохозяйственных культур.

Вместе с тем существуют проблемы, ограничивающие дальнейшее ускоренное развитие территориально-производственного агропромышленного кластера в РМ: износ основных фондов многих сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, который негативно сказывается на качестве производимой продукции и оказываемых услуг; недостаточно развитая институциональная и производственная инфраструктура поддержки развития кластера; неразвитость практики стратегического и организационного планирования развития кластера; недостаточно развитый уровень корпоративных связей и информационно-коммуникативного обмена между предприятиями; недостаточный уровень конкурентоспособности внешних для предприятий кластера поставщиков; проблемный доступ предприятий к финансовым ресурсам; неразвитость рынка специализированных услуг во многих отраслевых секторах.

Согласно «ромбу» М. Портера, главным катализатором конкурентоспособности является детерминанта, характеризующая состояние *внутриотраслевой конкуренции*. Поскольку «конкурентный ромб» функционирует как система, то отсутствие этого условия может парализовать ее функционирование. Наличие «внутренних» конкурентов является более стимулирующим фактором, чем внешняя конкуренция. По состоянию на 1 января 2013 г. в республике действовали 243 сельскохозяйственных предприятия различных форм собственности, 920 крестьянских (фермерских) хозяйств и более 160 тыс. личных подсобных хозяйств граждан.

За годы рыночных преобразований изменился удельный вес форм хозяйствования в общем объеме продукции сельского хозяйства России и Мордовии. Реформирование аграрного сектора привело к спаду сельскохозяйственного производства в крупных хозяйствах, поскольку организованные как товарные хозяйства, работающие на покупных

средствах производства и реализующие свою продукцию на рынке, они понесли наибольшие убытки от диспаритета цен и существенного сокращения государственной поддержки отрасли. В то же время возросла доля хозяйств населения и крестьянских (фермерских) хозяйств. Так, в 2012 г. малыми формами хозяйствования произведено около 44 % от общего объема продукции сельского хозяйства в республике.

Крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства, индивидуальные предприниматели являются неотъемлемой частью многоукладной сельской экономики региона, поэтому развитие сектора малых форм хозяйствования в АПК признано одним из приоритетных направлений развития аграрного сектора в регионе. Для поддержки малых форм хозяйствования в республике с 2012 г. реализуются целевые программы «Развитие семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств» и «Поддержка начинающих фермеров», в рамках которых предусмотрено предоставление фермерам грантов. В 2012 г. за счет средств федерального и республиканского бюджетов были выделены гранты (385 млн руб.) 26 крестьянским (фермерским) хозяйствам на развитие семейных животноводческих ферм и 122 начинающим крестьянским (фермерским) хозяйствам на их обустройство. Также крестьянским (фермерским) хозяйствам оказывается поддержка при оформлении в собственность земельных участков. В 2013 г. на эти цели было выделено 3,1 млн руб., что позволило оформить им в собственность 3,6 тыс. га сельхозугодий.

Проведенный анализ состояния АПК Мордовии и ее сельского хозяйства позволил выявить не только факторы, снижающие его конкурентоспособность, но и определить меры, способствующие повышению последней. Основными направлениями, стимулирующими повышение конкурентоспособности АПК РМ, на наш взгляд, должны стать, во-первых, *проведение форсированной технологической* (повышение производительности труда, обновление основных фондов, рост энергоэффективности производства) и *управленческой модернизации* предприятий АПК (внедрение современных механизмов управления и мотивации высокопроизводительного труда). При этом основная задача региональных властей состоит в формировании необходимых финансовых и институциональных условий для проведения технологи-

ческой модернизации (льготные кредиты, субсидирование процентной ставки, государственные гарантии т. д.). Приоритетными направлениями технологической модернизации отраслей и сфер АПК республики должны стать: развитие скотоводства (производство мяса и молока) как системообразующей отрасли и комбикормового производства; создание инновационного агропарка, основной функцией которого будет развитие современных технологий в сельском хозяйстве и пищевой промышленности.

Во-вторых, *стимулирование внутреннего потребления* продукции агропромышленного комплекса. Для этого целесообразны: реализация региональных программ по обеспечению школьников «полезными завтраками», содержащими молоко и молочные продукты; реализация программ по обеспечению малоимущих слоев населения продуктами, содержащими белок; проведение информационных акций о полезных продуктах питания. В-третьих, *расширение и более эффективное применение кластерных технологий* и на этой основе наращивание экспортного потенциала сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия за счет консолидации усилий предприятий регионального АПК. В-четвертых, *повышение миграционной привлекательности сельских территорий* на основе формирования новых стандартов среды проживания в сельской местности, сохранения ее уникальности и социокультурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 134-02-00046а «Развитие теории и методологии исследования и обеспечения посткризисного экономического роста в контексте парадигмы неиндустриального развития».

² Хейне П. Экономический образ мышления. М.: Вильямс, 2005. С. 178.

³ Кузнецова Е.И. Экономическая безопасность и конкурентоспособность. Формирование экономической стратегии государства: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 119—120.

⁴ Гельвановский М.И., Рожков К.Л., Скрябина Н.И. Конкурентоспособность национальной экономики. Проблемы статистического сопровождения. Поиск методологической адекватности. М.: Статистика России, 2009. С. 17.

⁵ См.: Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. М.: Бином. Лаборатория Знаний, 2010. С. 181.

⁶ См.: Грани конкурентоспособности: государство, регион, предприятие, товар / под ред. С.С. Чернова. Новоси.: СИБПРИНТ, 2008. 186 с.

⁷ См.: Портер М. Конкуренция. М.: Издат. дом «Вильямс», 2006. 608 с.; Его же. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Алытина Бизнес Букс, 2006. 464 с.

⁸ Кормишкин Е.Д., Крутова И.Н. и др. Агропромышленный комплекс Республики Мордовия: состояние и перспективы развития. URL: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/2578-2013-11-30-09-20-32?pop=1&tmpl=component&print=1> (дата обращения: 28.03.2014).

⁹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики РФ по РМ. URL: <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 28.03.2014); Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 31.03.2014).

¹⁰ Таблица составлена по данным интернет-сайта <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 25.03.2014).

¹¹ Таблица составлена по данным интернет-сайта <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 30.03.2014).

¹² Средняя заработная плата в 2013 г. в России и мире. URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2013.html> (дата обращения: 28.03.2014).

¹³ Таблица составлена по данным интернет-сайта: <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 28.03.2014).

Поступила 06.03.2014.

REFERENCES

¹ Stat'ja podgotovlena pri finansovoj podderzhke RGNF, proekt № 134-02-00046a «Razvitie teorii i metodologii issledovanija i obespechenija postkrizisnogo jekonomicheskogo rosta v kontekste paradigmy neindustrial'nogo razvitija».

² Hejne P. Jekonomicheskij obraz myshlenija. M.: Vil'jams, 2005. S. 178.

³ Kuznecova E.I. Jekonomicheskaja bezopasnost' i konkurentosposobnost'. Formirovanie jekonomicheskoi strategii gosudarstva: monogr. M.: JuNITI-DANA, 2012. S. 119—120.

⁴ Gel'vanovskij M.I., Rozhkov K.L., Skrjabina N.I. Konkurentosposobnost' nacional'noj jekonomiki. Problemy statisticheskogo soprovozhdenija. Poisk metodologicheskoi adekvatnosti. M.: Statistika Rossii, 2009. S. 17.

⁵ См.: Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii: obshhij kurs: uchebnik / pod red. V.K. Senchagova. M.: Binom. Laboratorija Znaniy, 2010. S. 181.

⁶ См.: Grani konkurentosposobnosti: gosudarstvo, region, predpriyatje, tovar / pod red. S.S. Chernova. Novosib.: SIBPRINT, 2008. 186 s.

⁷ См.: Портер М. Конкуренция. М.: Издат. дом «Вильямс», 2006. 608 с.; Его же. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Алытина Бизнес Букс, 2006. 464 с.

⁸ Кормишкин Е.Д., Крутова И.Н. и др. Агропромышленный комплекс Республики Мордовия: состояние и перспективы развития. URL: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/2578-2013-11-30-09-20-32?pop=1&tmpl=component&print=1> (дата обращения: 28.03.2014).

⁹ Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki RF po RM. URL: <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 28.03.2014); Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 31.03.2014).

¹⁰ Tablica sostavlena po dannym internet-sajta <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 25.03.2014).

¹¹ Tablica sostavlena po dannym internet-sajta <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 30.03.2014).

¹² Srednjaja zarabotnaja plata v 2013 g. v Rossii i mire. URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2013.html> (дата обращения: 28.03.2014).

¹³ Tablica sostavlena po dannym internet-sajta: <http://mrd.gks.ru> (дата обращения: 28.03.2014).

L. A. Kormishkina, N. N. Semenova. Competitiveness of the Agro-Industrial Complex of a Region in the Context of the M. Porter's Diamond Model: Assessment and Prospects

The Republic of Mordovia is actively expanding its agro-industrial potential, which is its competitive advantage, the further development of which is of federal importance for ensuring the country's food security. In the conditions of joining of the Russian Federation to the WTO, there are new risks and threats for the national economy. In these conditions, the sustainable development of agriculture of Mordovia is impossible without increasing the efficiency of its functioning. In order to develop mechanisms to ensure the effective functioning of the agro-industrial complex, analysis and evaluation of the competitiveness of the agricultural sector are necessary. Thus, it is expedient to use the M. Porter's "competitive diamond" based on factor conditions, demand conditions, related and supporting industries, firm strategy, structure and rivalry.

Analysis of the state of agriculture of Mordovia based on the methodology of the M. Porter's "diamond" helped to identify not only the positive trends, but also the factors that reduce the competitiveness of the industry. In this regard, the main directions stimulating the growth of competitiveness of agriculture of Mordovia are: implementation of technological and managerial modernization, boosting domestic consumption, efficient use of cluster technologies, increasing migration potential of rural areas.

KORMISHKINA Lyudmila Aleksandrovna, Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Head of the Department of Economic Theory, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

SEMENOVA Nadezhda Nikolayevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance and Credit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



С. А. ЩАНКИН



А. Ф. КУЗНЕЦОВ

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: инновационные стратегии в строительстве, инновационный бизнес, строительный комплекс республики, регион-лидер инновационного развития

Key words: innovative strategies in construction, innovative business, construction complex of a republic, region leading in innovative development

Исследуется механизм реализации инновационных технологий на предприятии региона. Рассматриваются региональные особенности формирования и развития инновационного производства. Определяется приоритетное значение процесса становления инновационных технологий в развитии инновационного бизнеса в Мордовии.

The authors consider the mechanism of implementation of innovative technologies at an enterprise of a region. Regional peculiarities of formation and development of innovative production are examined; the priority importance of the process of formation of innovative technologies in the development of innovative business in Mordovia is emphasized.

ЩАНКИН Сергей Алексеевич, доцент кафедры экономики управления строительством Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

КУЗНЕЦОВ Андрей Федорович, доцент кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ОАО «Лато» является одним из ведущих отраслевых предприятий в сфере промышленности строительных материалов РФ и специализируется на выпуске асбоцементных изделий. В условиях ограниченных материальных, финансовых и человеческих ресурсов для развития строительного комплекса Мордовии важно решение задачи, связанной с формированием и освоением приоритетных для региона инновационных технологий.

Инновационная стратегия — важное средство достижения основных целей предприятия, отличающееся собственной новизной для данной организации, отрасли или потребителя. Стратегия направлена на развитие и эффективное использование инновационного потенциала и рассматривается как ответная реакция организации на изменения внешней среды. Существующее в бизнесе разнообразие инновационных стратегий определяется содержанием внутренней среды предприятия. Инновационными стратегиями являются инновационная деятельность предприятия, направленная на получение новых продуктов, технологий и услуг; применение современных методологий в НИОКР, маркетинге и управлении; внедрение передовых организационных систем управления; применение новых видов сырья и материалов, взамен традиционных¹.

В качестве приоритетных целей инновационной стратегии необходимо выделить расширение ассортимента продукции, улучшение ее качества, повышение гибкости производства, замена традиционной продукции на инновационную. Для выбора наиболее рациональной инновационной стратегии на предприятии был осуществлен отбор на основе оценки используемых форм инновационной деятельности, проявляющихся в нововведениях различных типов. Формирование инновационной стратегии предприятия предполагает выбор и обоснование основных направлений инновационной деятельности, объемов и структуры инновационных проектов, сроков их выполнения и условий передачи заказчику, оценку состояния организационной структуры управления нововведениями.

Основные положения инновационной стратегии отражаются в целевой программе. Она включает в себя цели, задачи, а также этапы ее реализации, взаимоувязанные по срокам, ресурсам и исполнителям².

Реализация инновационной стратегии обеспечивает поддержку конкурентоспособности хозяйствующего субъекта и предоставляет ему конкурентоспособные преимущества. Например, используя технологические, организационные и маркетинговые преимущества предприятие выходит на новые рынки с инновационной продукцией. В связи с изменением спроса на строительные материалы предприятие планирует увеличить производство плоского шифера, труб напорных и безнапорных диаметром от 100 до 500 мм для удовлетворения спроса потребителей.

Потенциал российского рынка использования асбо- и фиброцементной продукции достаточно высок. Основными потребителями фиброцементных плит являются строительные организации (75 %) и корпоративные (25 %) клиенты. Для успешного развития инновационного производства важное значение имеет географическое положение Мордовии. Республика имеет выгодное географическое положение и характеризуется стабильным климатом. Ее социально-экономическую ситуацию можно охарактеризовать как стабильную, а региональные риски — как минимальные.

Российский рынок вентилируемых фасадов (фиброцементных плит) развивается динамично: рост объемов рынка фасадных систем составляет 48 %. Ежегодно прирост рынка вентилируемых фасадов — 40 %, планируемый объем выпуска продукции — 6 млн м², доля фиброцементных листов, планируемых к выпуску ОАО «Лато» на рынке строительных материалов в 2013 г. составила 23—26 % от общего объема рынка навесных вентилируемых фасадов в России.

Решение о разработке и реализации инновационной стратегии по созданию производства фиброцементных плит, руководством предприятия было принято на основе двух прогнозов. Прежде всего, это был анализ рынка строительных материалов в стране и за рубежом, который показал стабильную тенденцию снижения спроса на кровельные и облицовочные материалы в результате применения альтернативных (мягкая кровля, металлочерепица) изделий. Во-вторых, в контексте вступления РФ в ВТО, что значительно увеличит конкуренцию на национальном рынке.

Приоритетными направлениями инновационной стратегии ОАО «Лато» являются разработка и освоение инновационных продуктов в сфере производства строительных материалов;

освоение новых рынков сбыта продукции; улучшение качества выпускаемой продукции; повышение гибкости производства; соответствие выпускаемой продукции современным стандартам и санитарным требованиям.

В последние годы в ОАО «Лато» были разработаны и реализованы несколько прогрессивных нововведений: передовая в республике технология изготовления акриловых красок используется для окраски шифера, зданий и сооружений из дерева и бетона; разработана и эксплуатируется линия по производству тротуарной плитки, бордюрного камня; началась эксплуатация новейшей технологической линии СМА — 256 по производству труб малого диаметра (100—150 мм) длиной 4 м; приобретена и успешно функционирует технологическая линия по производству водно-дисперсионных красок для окраски шифера; закуплен и смонтирован первый в России волнировочно-стопирующий агрегат или вакуумволнировщик; разработана и эксплуатируется высокопроизводительная двухручьева линия СМА — 170 по производству семиволнового шифера; закуплена и установлена технологическая линия СМА — 229 по производству плоских крупно и мелкогабаритных конструкционных листов для оросителей градиент; внедрена технология выпуска строительного кирпича, который пользуется растущим спросом в республике. Продукцию отличает высокое качество и конкурентная цена.

Инновационная деятельность на предприятии сочетается с реконструкцией производства. Успешно решаются вопросы развития безотходного производства, повысилась качество выпускаемой продукции. ОАО «Лато» располагает необходимыми для инвестиционного проекта производственными площадями, высококвалифицированным персоналом, материально-технической и ремонтной базой. В результате успешного освоения инновационной технологии, возникают возможности производить изделия из фиброцемента, которые отвечают стандартам качества, доступны по цене и конкурентоспособны на региональном и национальном рынках.

Предприятие располагает развитой инженерной инфраструктурой, включающей в себя современные производственные корпуса, электро- и теплоснабжение, средства механизации погрузочно-разгрузочных работ. Логистический центр ОАО «Лато» представляет собой узел автомобильных

дорог федерального значения, железнодорожной магистрали и автодорог республиканского значения.

ОАО «Лато» реализовало проект по производству сухих строительных смесей. Новое производство основано на передовой технологии мирового уровня. Общая стоимость проекта составила 35 млн руб., в том числе собственные инвестиционные ресурсы составили 17,5 млн руб. Результатом реализации инновационного проекта является производство современных строительных материалов высокого качества. Предлагаемый срок окупаемости инновационного проекта — 44 мес., планируемая среднегодовая прибыль — 7 310 тыс. руб. Производительность проекта — 31 500 т в год.

В настоящее время осуществляется реализация инновационного проекта по производству современных строительных материалов для расширения ассортимента выпускаемой продукции путем внедрения инновационных технологий. Фиброцементные плиты производства ОАО «Лато», предназначены для использования в конструкциях вентилируемых фасадов при облицовке многоэтажных зданий, а также для внутренней отделки помещений. Новейшая технология вентилируемых фасадов и облицовка фиброцементными плитами разработана для регионов РФ с суровым континентальным климатом. Система вентилируемых фасадов, разработанная на основе фиброцемента, имеет различные защитные, декоративные покрытия российского производства. Она позволяет осуществлять «сухой» монтаж, экономично и надежно формировать современный фасад, регулировать внутреннюю температуру помещения в зимнее и летнее время года.

Рост рынка навесных вентилируемых фасадов в 2010—2013 гг. сохранится на 35—40 %. Динамика рынка фасадных систем объясняется его емкостью и возможностью расширения ассортимента для новых потребностей рынка и тенденции развития архитектуры.

В России это направление развито недостаточно. Так, в странах Скандинавии, обладающих суровым и переменчивым климатом, доля вентилируемых фасадов на рынке навесных систем составляет 90 % (в РФ — менее 40 %).

При изготовлении фиброцементных плит применяется чистое природное сырье, расположенное на территории республики, трансферт европейских инновационных технологий, адаптированных к российской действительности.

Общая стоимость проекта составляет 444, 0 млн руб. (12 млн евро), в том числе собственные — 89,0 млн руб. Срок окупаемости — 67 мес., производительность проекта — 6,0 млн м² фиброцементных плит в год. Для организации технологически передового производства необходимо использовать импортное оборудование австрийской фирмы MEL. Общие потребности в инвестициях составили 444,0 млн руб. Инвестиционный кредит предоставил австрийский коммерческий банк сроком на пять лет.

Монтаж и установка технологической линии осуществлена в функционирующем производственном цехе. Совместно с представителями фирмы MEL дана оценка возможности монтажа современного оборудования в действующем цехе. Выпуск продукции и контроль за ее качеством осуществляется по техническим условиям, разработанным предприятием-изготовителем (ОАО «Лато») на основе нормативно-технической документации полученной от фирмы MEL.

Значение инновационного производства ОАО «Лато» для рынка строительных материалов Мордовии и России трудно переоценить. С помощью инновационного продукта успешно решаются проблемы эстетического и архитектурного строительства и реконструкции городов и населенных пунктов республики и страны. Современная продукция ОАО «Лато» нашла применение в Программе развития мелиорации сельскохозяйственных земель страны, так как на строительном рынке России в настоящее время отсутствуют альтернативные виды продукции. В 2012 г. был разработан бизнес-план и начат выпуск плоского шифера. Одновременно выросли объемы производства и реализации фиброцементных плит в два раза. В настоящее время предприятие предлагает на рынке строительных материалов полный набор ассортимента услуг по цвету, размеру и толщине на базе технологической линии для производства мелкосерийных и единичных заказов.

В 2013 г. для увеличения производства и реализации фиброцементных плит ОАО «Лато» расширило дилерскую сеть в России и поставляет современную продукцию в другие страны. Инновационная продукция предприятия широко рекламируется на региональных строительных рынках.

Анализ рынка строительных материалов показывает, что предприятие занимает пятое место по производству шифера и второе по производству хризотил цементных труб

среди ведущих производителей асбестоцементных изделий в России. Основными конкурентами ОАО «Лато» являются ОАО «Скай» (Волгоградская область), ОАО «Белаца» (г. Белгород), ООО «Новоульяновский шиферный завод» (Ульяновская область). Приоритетные рынки сбыта — г. Москва и Московская область, Приволжский федеральный округ (до 70 %), а также Уральский, Сибирский и Северо-Западный регионы.

Инновационная деятельность ОАО «Лато», отраженная в механизме реализации инновационной стратегии предприятия, сопровождается увеличением инвестиций в технологическое развитие производства и последовательным улучшением конкурентоспособности на рынке строительной продукции. Подобная модель инновационно активного регионального предприятия позволяет республике войти в число регионов-лидеров в сфере инновационной деятельности³. Она отражает заинтересованность органов государственной власти Мордовии в инновационном развитии строительного комплекса республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ховард К. Принципы менеджмента: управление в системе цивилизованного предпринимательства: учеб. пособие. М., 1996. С. 301—310.

² См.: Емельянов Е.Г., Борисоглебская Л.Н., Цукелова Н.Е. Интеграционная оценка инновационного потенциала вуза // Инновации. 2006. № 7. С. 31—33.

³ См.: Щанкин С.А. Особенности реализации инновационного проекта на строительном предприятии // Регионология. 2013. № 2. С. 39—43.

Поступила 12.07.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Hovard K. Principy menedzhmenta: upravlenie v sisteme civilizovannogo predprinimatel'stva: ucheb. posobie. M., 1996. S. 301—310.

² Sm.: Emel'janov E.G., Borisoglebskaja L.N., Cukelova N.E. Integracionnaja ocenka innovacionnogo potenciala vuza // Innovacii. 2006. № 7. S. 31—33.

³ Sm.: Shhankin S.A. Osobennosti realizacii innovacionnogo proekta na stroitel'nom predpriyatii // Regionologija. 2013. № 2. S. 39—43.

S. A. Schankin, A. F. Kuznetsov. Formation and Implementation of the Innovation Strategy of an Enterprise of a Region

The Open Joint Stock Company “Lato” is one of the leading enterprises in the Russian industry of construction materials. It specializes in production

of asbestos-cement products. The innovation strategy of the company is aimed at development and effective use of the innovative potential and is considered a response of the company to changes in the external environment.

It is necessary to allocate the expansion of the product range, improvement of its quality, increase in flexibility of production, replacement of traditional products by innovative ones as the priority goals of the innovation strategy. Implementation of the innovation strategy provides maintenance of competitiveness. The potential of the Russian market of asbestos- and fiber-cement products is quite high. The Russian market of ventilated facades (fiber-cement plates) is developing rapidly — the market volume has grown by 48 %. The annual growth of the market of ventilated facades makes up 40 %. In the manufacture of fiber cement boards, pure natural raw materials located on the territory of Mordovia are used; the transfer of the European innovative technologies is carried out (by the Austrian company «MEL») adapted to the Russian conditions. The total cost of the innovation project makes up 444.0 million rubles (12 million euros), including the own 89.0 million rubles. The payback period is 67 months. Products of the Open Joint Stock Company “Lato” have been applied in the Program of Development of Melioration of Agricultural Lands of the Country. In 2012, a business plan was developed, and production of flat slate was started. At the same time, the volumes of production and sales of fiber-cement boards doubled. In recent years, eight technological innovations were implemented by “Lato”. Innovative activity at the enterprise is combined with rearrangement of production. Issues of development of waste-free production are successfully solved. The enterprise has modern engineering infrastructure and a logistics center.

The innovation strategy of the Open Joint Stock Company “Lato” is accompanied by an increase in investment in technological development of production and consistent improvement of competitiveness. Such a model of the actively innovative regional enterprises allows the Republic of Mordovia to be among the leading regions in the field of innovation activities and reflects the interest of the local authorities of Mordovia in the innovative development of the construction complex of the Republic.

SCHANKIN Sergei Alekseyevich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics of Construction Management, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

KUZNETSOV Andrei Fedorovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Statistics, Econometrics and Information Technology in Administration, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

**А. В. ПАНОВ ПОВЫШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМ
ГОРЯЧЕГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ
МНОГОЭТАЖНЫХ ЗДАНИЙ г. САРАНСКА**

Ключевые слова: теплообменник, межремонтный период, импульсный режим, система горячего водоснабжения, эксплуатационные затраты, экономический эффект

Key words: heat exchanger, period between repairs, pulse mode, system of hot water supply, maintenance costs, economic effect

В статье рассматриваются основные источники теплоснабжения г. Саранска, затронута проблема накипи и шламообразования на теплопередающих поверхностях, ведущая к избыточным эксплуатационным затратам. В качестве решения этой проблемы предложено использование теплообменников с активной трубной частью.

The paper considers the main sources of heat supply in the city of Saransk; the problem of scale and sludge emerging on heat-exchange surfaces leading to excessive operating costs is discussed. Using heat exchangers with active tubular part is proposed as a solution to this problem.

Современная энергетическая отрасль национальной экономики включает в себя всю совокупность предприятий, установок и сооружений, а также связывающих их хозяйственные отношения, которые обеспечивают функционирование и развитие добычи и производство энергоресурсов и всех процессов их преобразования до конечных установок потребителей. Функцией энергетики является бесперебойное снабжение потребителей энергией в нужном количестве, требуемого качества, с максимальной экономичностью¹. Одним из видов такой энергии является тепловая энергия, запасенная в горячей воде, необходимой в каждом доме для производственно-хозяйственных нужд.

В XXI в. ученые продолжают поиски новых способов более эффективного применения тепла. Еще в Древнем Риме в общественных банях (термах) применялась горячая вода, которая доводилась до кипения для уничтожения присутствующих в ней бактерий. Сейчас же актуальной задачей является повышение экономической эффективности систем

ПАНОВ Алексей Владимирович, аспирант кафедры теплоэнергетических систем Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

горячего водоснабжения многоэтажных зданий. Основными источниками теплоснабжения для Саранска являются Центральная котельная, относящаяся к ОАО «СаранскТеплоТранс» и Мордовский филиал ОАО «ТГК-6» (Саранская ТЭЦ-2). На Саранской ТЭЦ-2 нагрев сетевой воды происходит с помощью бойлеров номинальной тепловой производительностью от 40 Гкал/ч (тип ПСВ-500-14-23, ПСВ-500-3-23, БО-550-3М) до 87,5 Гкал/ч (тип ПСГ-2300-2-8-1, ПСГ-2300-3-8-II) и водогрейным котлом номинальной тепловой производительностью 100 Гкал/ч (тип ПТВМ-100). Нагрев воды для горячего водоснабжения потребителей происходит либо в подвальном помещении жилого дома, либо групповых тепловых пунктах. На этих пунктах осуществляется присоединение теплопотребляющих установок группы жилых и общественных зданий микрорайона к тепловой сети². При этом используются пластинчатые или кожухотрубчатые теплообменники.

Серьезной проблемой при использовании теплообменного оборудования является отложение накипи и шлама на теплопередающих поверхностях. Даже тонкий слой накипи, обладая малым коэффициентом теплопроводности, понижает характеристики оборудования³. Снижается коэффициент теплопередачи и тепловая мощность теплообменника. Со временем каналы для прохода теплоносителя могут забиться и оборудование станет непригодно для эксплуатации. Службы жилищно-коммунального хозяйства заинтересованы в повышении сроков эксплуатации оборудования без капитального ремонта. Это становится возможным благодаря своевременному удалению отложений с внутренних поверхностей теплообменников.

В энергетике поддержание оборудования в работоспособном состоянии, улучшение эксплуатационных качеств и повышение экономической эффективности его использования достигается за счет применения системы планово-предупредительного ремонта⁴. Нельзя однозначно ответить на вопрос о стоимости очистки теплообменника. Она будет зависеть от толщины отложений, их химического состава, от того, какой срок эксплуатации имеет теплообменное оборудование и когда проводилась его последняя очистка⁵.

Увеличение межремонтного периода уменьшает затраты на обслуживание, что влияет на годовые эксплуатацион-

ные затраты. Годовые затраты на ремонт основных фондов аккумулируются в специальном ремонтном фонде и расходуются по мере надобности при выполнении различных видов ремонтного обслуживания⁶. Увеличить межремонтный период можно применив теплообменники с активной трубной частью. Кратковременные локальные повышения давления воздействуют на теплопередающую поверхность, за счет этого она перемещается на некоторое расстояние, когда давление понижается — возвращается в первоначальное положение. Подобные теплообменники применимы при использовании в импульсной системе теплоснабжения. Во время их эксплуатации происходит самоочищение теплопередающей поверхности как с внутренней стороны (за счет импульсного режима течения теплоносителя), так и с внешней (за счет пульсирующего режима). Установлено увеличение эффективности системы теплоснабжения при переходе с классических ламинарного или турбулентного режимов на импульсный.

Рассчитаем экономический эффект от применения теплообменников с активной трубной частью для г. Саранска.

Пусть C_o — стоимость обычного теплообменника, руб.; C_a — стоимость теплообменника с активной трубной частью, руб.; $Z(n.p.o.)$ — затраты на промывку обычного теплообменника, руб.; $Z(n.p.a.)$ — затраты на промывку теплообменника с активной трубной частью, руб. Примем, что промывка производится дважды в год при условии, что $Z(n.p.o.) = 0,15C_o$, $C_a = 1,2C_o$, $Z(n.p.a.) = 0,03C_a$, $Z(n.p.a.) = 0,3 \cdot Z(n.p.o.)$.

Срок окупаемости в этом случае составит:

$$T_{ок} = \frac{C_a}{2(Z_{n.p.o.} - Z_{n.p.a.})} = \frac{1,2C_o}{2(0,15C_o - 0,036C_o)} = 5,26 \text{ года.}$$

По данным 2012 г., объем тепловой энергии (мощности), используемой для горячего водоснабжения, составляет 312,24 Гкал/ч⁷. Считаю, что стоимость теплообменника прямо пропорциональна его тепловой мощности, определим годовой экономический эффект при условии, что средняя стоимость пластинчатого теплообменника мощностью 17 0000 ккал/ч составляет 40 тыс. руб.

$$\mathcal{E}_z = 2n(0,15C_o - 0,036C_o) = 0,228nC_o, \quad (2)$$

где n — количество теплообменников, шт.

$$n = \frac{312,24}{0,17} = 1\,836,7 \approx 1837 \text{ шт.}$$

$$\mathcal{E}_z = 0,228 \cdot 1\,837 \cdot 40\,000 = 16\,753\,440 \text{ руб.}$$

Таким образом, годовой экономический эффект составит 16 753 440 руб.

Теплообменники с активной трубной частью емкостного типа могут являться также и баками-аккумуляторами и применяться для нужд горячего водоснабжения здания при пиковых нагрузках.

Отметим, что достаточно перспективным способом повышения экономической эффективности систем горячего водоснабжения многоэтажных зданий Саранска на сегодняшний день является применение теплообменников с активной трубной частью. Благодаря этому теплопередающая поверхность будет меньше загрязняться, тем самым продлится межремонтный период и, как следствие, снизятся эксплуатационные затраты. Так как теплообменное оборудование используется повсеместно в масштабах города экономический эффект будет значительным и для Саранска даже по минимальным оценкам составит 16,8 млн руб. Внедрение подобных технологий будет очередным этапом в развитии энергетики Мордовии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Роголев Н.Д., Зубкова А.Г., Мастерова И.В. и др. Экономика энергетики: учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во МЭИ, 2005. С. 7, 12.

² Соколов Е.Я. Теплофикация и тепловые сети: учебник для вузов. М.: Изд-во МЭИ, 2001. С. 88.

³ Прохоров А.М. Физическая энциклопедия. Т. 5. Стробоскопические приборы — яркость. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 79.

⁴ Басова Т.Ф., Кожевников Н.Н., Леонова Э.Г. и др. Экономика и управление в энергетике. М.: Издат. центр «Академия», 2003. С. 162.

⁵ Сайт PHE Systems. URL: <http://www.teploobmennik.su/prices> (дата обращения: 03.08.2013).

⁶ Нагорная В.Н. Экономика энергетики: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2007. С. 36.

⁷ ОАО «САРАНСКТЕПЛОТРАНС». Раскрытие информации по ГВС по факту 2012 г. URL: <http://saransktt.narod.ru/cl.html> (дата обращения: 02.05.2014).

Поступила 03.09.2013.

REFERENCES

- ¹ Rogalev N.D., Zubkova A.G., Masterova I.V. i dr. Jekonomika jenergetiki: ucheb. posobie dlja vuzov. M.: Izd-vo MJeI, 2005. S. 7, 12.
- ² Sokolov E.Ja. Teplofikacija i teplovyje seti: uchebnik dlja vuzov. M.: Izd-vo MJeI, 2001. S. 88.
- ³ Prohorov A.M. Fizicheskaja jenciklopedija. T. 5. Stroboskopicheskie pribory — jarkost'. M.: Nauch. izd-vo «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 1998. S. 79.
- ⁴ Basova T.F., Kozhevnikov N.N., Leonova Je.G. i dr. Jekonomika i upravlenie v jenergetike. M.: Izdat. centr «Akademija», 2003. S. 162.
- ⁵ Sajt PHE Systems. URL: <http://www.teploobmennik.su/prices> (data obrashhenija: 03.08.2013).
- ⁶ Nagornaja V.N. Jekonomika jenergetiki: ucheb. posobie. Vladivostok: Izd-vo DVG TU, 2007. S. 36.
- ⁷ OAO «SARANSKTEPLOTRANS». Raskrytie informacii po GVS po faktu 2012 g. URL: <http://saransktt.narod.ru/cl.html> (data obrashhenija: 02.05.2014).

A. V. Panov. Ways to Increase Economic Efficiency of Hot Water Supply Systems for Multi-Storey Buildings in the City of Saransk

The function of power engineering is the uninterrupted supply of energy to consumers in the needed quantity, of the required quality, with maximum efficiency. In the 21st century, scientists continue search for new ways of more effective application of heat. Now, an urgent task is to increase the economic efficiency of hot water supply systems for multi-storey buildings.

The deposition of scale and sludge on heat-transfer surfaces is a serious problem when using heat-exchange equipment.

Heat exchangers with active tubular part of the capacitive type may also be storage tanks and can be used for hot water supply of a building at peak loads.

Today the use of heat exchangers with active tubular part is a promising way to increase the economic efficiency of hot water supply systems for multi-storey buildings in the city of Saransk. As heat exchange equipment is used everywhere in the city, the economic effect will be significant, and according to the most conservative estimates, it will make up 16.8 million rubles for Saransk.

PANOV Alexei Vladimirovich, Postgraduate, Department of Heat-and-Power Engineering Systems, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



В. А. ПИСАЧКИН



В. В. КОЗИН

**«НАДГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Ключевые слова: пространство, время, концепция, теория, социологическое знание, культура, социальная реальность

Key words: space, time, conception, theory, sociological knowledge, culture, social reality

В статье осуществлена попытка анализа категории «пространство социальной реальности» в разных социологических теориях, обосновывается его надгеографический характер.

The authors attempt to analyze the category of space of social reality in terms of various sociological theories; its supra-geographical nature is argued.

Развитие современных социологических теорий во многом связано с объективными и субъективными аспектами понимания пространства и времени, в том числе физическими и философскими представлениями о пространстве и времени, субстанциальной и реляционной концепцией пространства и времени, с влиянием теории относительности на понимание

ПИСАЧКИН Владимир Александрович, заведующий кафедрой методологии науки и прикладной социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

КОЗИН Владимир Васильевич, заместитель директора по науке НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

времени и пространства, с универсальными и специфическими свойствами пространственно-временных отношений. Не менее важное значение имеет трактовка зависимости пространственно-временных представлений от типа культуры, связи, пространства, времени и языка, материи, времени и ритма, дискуссии о существовании нефизических надорганических и надгеографических форм пространства и времени и т. д. Водораздел различий здесь возникает на уровне отображения в сознании тех сторон и характеристик реального объекта, которым нельзя найти адекватных образов, исходя из имеющихся запасов знаний¹.

Огромный вклад в разработку современной картины мира внес В. И. Вернадский. В центре его философских идей лежали проблемы пространства и времени, пространства и симметрии, пространство естественных наук и философии математики, анализ состояний физического пространства и гносеологический статус симметрии. Понятие «пространство-время» он рассматривал в качестве основы точного экономического знания².

Социальная топология — одно из направлений современной социологии, специфический методологический подход, используемый в исследовании сложных, многомерных социальных объектов, явлений и процессов социальной реальности, как некоторого «непустого множества» в определенном пространстве и времени. Термин «социальная топология» введен в научный оборот П. Бурдьё для обозначения области социологического знания, позволяющей изобразить социальный мир «в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме»³.

Теория социального пространства — основа для развития и методологического применения социальной топологии. Однако социально-топологическое направление социологической мысли основывается и на теории социальной среды (средовой подход), а также теории жизненного пространства социума. Становление социальной топологии первоначально получило определенный импульс в концепциях географического детерминизма, укорененных в истории философской мысли. В классический период становления социологии сложилась субстанциальная традиция в трактовке концепции социаль-

ного пространства. На этапе неклассического и постнеклассического развития социологических концепций возобладала конструктивистская позиция в понимании и репрезентациях социального пространства.

В трактате по социологии знания П. Бергер и Т. Лукман определяют предлагаемую ими концепцию в качестве неопозитивистской. Они отмечают: «Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура»⁴. Эта цитата подчеркивает, что социологические понятия в основном были сконструированы (начиная с эпохи классической социологии) безотносительно к пространству. В современную эпоху ситуация изменилась, социальная топология заняла важное место в ряду интенсивно разрабатываемых направлений социологии. Теория социального пространства стала необходимым методологическим «инструментом» изучения различных социальных явлений.

Теория — это мысленная (понятийно-дискурсная) модель реальности (в отличие от чувственно-перцептивной модели реальности)⁵. Научная теория представляет собой логически взаимосвязанную систему понятий и утверждений о свойствах, отношениях и законах некоторого множества идеализированных объектов. Ее создание связывается с введением базовых идеальных объектов, позволяющих вывести из них множество следствий, которые при определенной эмпирической интерпретации максимально адекватно соответствовали бы наблюдаемым данным о реальной области изучаемых объектов. Концептуализация теории социального пространства произошла в 30-е гг. XX в. Первым выразителем идеи социального пространства в социологии был П. А. Сорокин. Его концепция появилась в период перехода от классического к неклассическому этапу развития социологии и послужила основой для социологов последующих поколений.

П. А. Сорокин характеризовал социальное пространство как многогранное, многомерное и сложно дифференцируемое явление, образуемое народонаселением, которое создает сеть отношений. Только в рамках этих отношений «можно

определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве как формируется их отношение к другим людям и другим социальным явлениям. Там, где нет людей, там нет социального пространства или вселенной, поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим»⁶. Эта трактовка понятия социального пространства была введена в научный обиход для обоснования теории социальной стратификации и социальной мобильности. В современных условиях концептуальные идеи субстанциально трактуемого социального пространства также находят применение в различных социально-философских и социологических теориях.

Согласно П. А. Сорокину, определить положение человека или социальной группы и других явлений в социальном пространстве означает определить отношения «к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за некоторые "точки отсчета"». Для этого используется метод, составными частями которого являются: «1) указание отношений человека к определенным группам, 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции, 3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество»⁷. Следовательно, чем сложнее дифференцировано население, тем многочисленнее параметры, его характеризующие.

Для описания социального пространства П. А. Сорокин рекомендует использовать вертикальные и горизонтальные параметры. В качестве первых он называет иерархию, статусы, ранги, доминирование и субординацию, авторитет и послушание, повышение и понижение по службе, а также другие соответствующие им взаимозависимости, которые выстраиваются в виде стратификации и суперпозиции. Взаимосвязи, свободные от таких элементов, он рекомендует описывать в горизонтальных параметрах. Разумеется, все свое внимание П. А. Сорокин сосредоточивает на вертикальном измерении социальных явлений, изучении высоты и профиля социальных структур, их дифференциации по социальным слоям и перемещению по вертикали.

Предложенная П. А. Сорокиным формулировка концепции социального пространства, как пространство «статусных позиций» содержит методологический смысл для изучения социальных явлений. Глубоко проработанная теоретическая идея часто становится методологическим инструментом. Од-

нако судьба не была благосклонна к концепции социального пространства, как и к другим идеям Сорокина. Социологи предпочитали использовать терминологию Т. Парсонса, Р. Мертона и других, о чем свидетельствует упомянутая ссылка на трактат Бергера и Лукмана. Концептуальная история развития теории социального пространства развернулась во второй половине XX в. Усилиями европейских социологов эта концепция стала активно использоваться, она расширялась и получила новые перспективы для разностороннего анализа общественных явлений и процессов, проникновения в их сущность.

В американской социологии одновременно с появлением концепции «социального пространства» *социально-топологическое направление* получило развитие в концепциях «социальной среды». В основу этой концепции легла трактовка процесса социальной эволюции как культурного продукта взаимодействия природы индивида с окружающей его социальной и естественной средой, предложенная социологами Чикагской школы. В учебнике Р. Парка и Э. Берджесса «Введение в науку социологии» (1921) представлен так называемый синоптический взгляд на социологию как науку о коллективном поведении. С этой позиции социология рассматривалась в отношении к другим социальным наукам⁸.

В работах Р. Парка по социальной экологии общество предстает как социальный организм и «глубоко биологический феномен». Процесс социальной эволюции направлен в нем от биологической стадии к экономическому, политическому и культурному уровню развития. Движущей силой этого процесса является конкуренция в различных формах. Культурное сообщество развивается сходным с биотическим сообществом образом, но в более сложных формах. «Общество повсюду является организацией контроля... Функцией общества везде является сдерживание конкуренции и, тем самым установление более эффективной кооперации органических составляющих этого общества»⁹.

Р. Парк участвовал в исследовании проблем азиатских иммигрантов в США. Он изучал процесс выхода рас и народов из различного рода изоляции (географической, экономической и культурной). Результатом этого глобального этносоциального процесса на индивидуальном уровне он усматривал формирование нового типа личности, характерного

для современного развития цивилизации, продукта изменяющейся среды — маргинальной личности. Методология его исследования включала цикл: конкуренция — конфликт — аккомодация — ассимиляция. В основу дальнейшей исследовательской программы Р. Парк берет идею организации эффективного социального контроля над разнообразными процессами, происходящими в городской среде.

Методологический подход Р. Парка к анализу социальных объектов носил эгоцентрический характер, и получил развитие в работах по социальной экологии и социологии города. Последователи и ученики Р. Парка (Р. Маккензи, Л. Вирт), как отмечает С. Баньковская, позже стремились избавиться классическую социально-экологическую теорию от эклектики. Они акцентировали пространственный аспект в характеристике среды¹⁰.

Постановка проблем адекватного понимания природы социальной среды послужила мощным импульсом к развитию неклассических и постнеклассических форм знания. Средовой подход стал широко использоваться в качестве методологического вектора в социологических исследованиях образовательной и воспитательной среды, исследованиях профессиональной среды в управлении, социальных практиках пространственного развития социума (стран, регионов) и др.

Антропоцентрическая трактовка средового подхода базируется на рассмотрении социальных практик поведения индивидов (субъектов) по аналогии с «экологическим подходом» в зрительном восприятии, описанным Дж. Гибсоном. Среда как окружающий мир животных существ имеет особенность, состоящую в том, что обладает внутренней направленностью. У среды есть четко выраженная вертикальная координатная ось, а также две горизонтальные координатные оси. Гибсон строит свою концепцию, исходя из того, что животные и человек воспринимают окружающий мир, который наука описывает в терминах «среда», «вещество» и «поверхность». Термины «поверхности» и «среда» имеют экологическое происхождение, а понятия плоскости и пространства — «их ближайшие геометрические эквиваленты»¹¹. Продолжением ряда геометрической терминологии в социальных науках служат понятия «социальный круг», «периметр», «треугольник», «центр», «периферия», «периметрические позиции» и др., выражающие различные фигуры и конфигурации

социальных позиций в социальной среде. Здесь находят место конфликт между сегментами роли, ролевая напряженность, ролевой дисбаланс и другие термины, работающие в теории структуризации.

Среда состоит из суши (субстрата), воды и воздуха. Различие между средой и пространством, утверждает Дж. Гибсон, заключается в том, что «в пространстве все три координатные оси независимы, и их можно выбирать произвольно»¹². Методологический вывод, исходящий от теории среды для психологии и социальных наук, по Гибсону, звучит вполне определенно: «Овладев концепцией среды, мы приходим к совершенно новому пониманию восприятия и поведения»¹³.

Развитие теории социальной среды и средового подхода в методологии анализа социальных процессов и явлений происходит в контексте двух направлений мысли: антропоцентрическом и эгоцентрическом. Антропоцентрический подход акцентирует внимание на рассмотрении среды в качестве фактора влияния на развитие человека. Эгоцентрическая трактовка базируется на рассмотрении человека в роли активного агента формирования социальной среды. Следует отметить, что оба направления этой мысли могут рассматриваться применительно к социальной практике, практике изменения социальной среды, социального пространства. Теоретическая форма обоснования практик такого рода получила развитие в концепции производства пространства. Эта концепция связана с конструированием программ пространственного развития социума, стран, регионов, городов, муниципальных территорий, сельских поселений, рекреационных зон и других населенных мест.

Социальное пространство как пространство, производимое или создаваемое коллективными и индивидуальными агентами, субъектами общественного производства, социальных практик рассмотрено в теории производства пространства А. Лефевра¹⁴. В обоснование его теории положена гегельянская трактовка *производства, согласно которой, абсолютная Идея производит мир. После чего природа производит человека, в свою очередь производящего, путем борьбы и труда.*

Идея производства у К. Маркса и Ф. Энгельса, отмечает Лефевр, имеет два значения, одно очень широкое, а другое — узкое и точное. В широком значении люди как общественные существа *производят* свою жизнь, историю,

сознание и свой мир. В истории и в обществе нет ничего, что не было бы приобретено и произведено. Человек, а точнее социальная практика, создает творения и производит вещи. В обоих случаях требуется труд, но там, где необходимо творить, роль труда (и создателя в качестве труженика) кажется вторичной, тогда как при изготовлении продуктов он доминирует. А. Лефевр отмечает, что всякое творение занимает пространство, порождает его и оформляет. Он полагает, что ни природа, ни климат и географическое положение, ни предшествующая история, ни культура, ни рост производительных сил не могут полностью объяснить прямой причинно-следственной связи какого-либо пространства или времени.

Информационное пространство социальной реальности — новая качественная определенность, характеризующая пространственно-временной континуум и смыслодеятельную структуру бытия. Современное общество становится информационным по мере того, как информация становится все более существенной составляющей производства и потребления. Происходящий повсеместно «информационный взрыв» обретает перманентный характер и глобальное распространение, инновационный бум развития все более определяется процессами производства инноваций и их внедрения. Информатизация в формах компьютеризации, медиатизации, интеллектуализации, виртуализации коммуникаций меняет экономическую, политическую, социальную, культурную сферы бытия, характер общественной практики.

Современные аналитики говорят об информации как о главном и отличительном признаке современного мира. Высказываются идеи о том, что общество входит в информационную эру, что новые «способы информации» превалируют, что мы живем в «электронном обществе» и подходим к «виртуальной экономике», движущей силой которой стала информация. Многие эксперты считают, что мы уже существуем в условиях «глобальной информационной экономики». Идея информационного общества пришла «ко двору» политикам и тем, кто политику определяет¹⁵. Однако теоретический анализ информационного общества, представленный в современной социальной науке не лишен ряда противоречий.

Проблемным вопросом остается базовая интерпретация определения информации и ее места и роли в жизни общества, его развитии и изменении. Есть множество дефиниций информации, на базе которых задаются разные критерии конструируемых моделей информационного общества. Существует количественная и качественная парадигмы интерпретации этого понятия. Примером количественного подхода к определению служит дефиниция, данная в классической теории информации К. Шеннона и У. Уивера, согласно которой информация есть количество, измеряемое в «битах» и определяемое как вероятности частотности символов¹⁶. Эта теория дает определение информации независимо от ее содержания, рассматривает ее как часть физического мира вроде материи или энергии. Так, один из основоположников современной информатики Н. Винер определяет информацию как «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды нашей жизнедеятельности в этой среде»¹⁷.

И. И. Юзвизин определяет информацию как «генерально-фундаментальную субстанцию единого кодово-современного пространства Вселенной, включающего воздух, воду, землю, солнечные и другие светонесущие лучи, поля, их следы и весь спектр космических излучений и дематериализованных сред, и выражающаяся через массу, скорость, энергию и другие формы, проявляющиеся в процессе материализации и дематериализации»¹⁸.

В рамках качественной или семантической интерпретации понятия информации речь идет об особой форме знания, о владении технологиями применения информации в любом виде деятельности, т. е. умеющем знании. Информация как умеющее знание есть способность к деятельности, возможность запустить в ход определенный процесс, привести его в движение, заставить результативно работать. Здесь речь идет об инструментальном знании. Только в том случае, если информация способствует процессам взаимодействия, если она обеспечивает каждого ее потребителя и тех, кто ею управляет, возможностью принимать квалифицированные и выверенные решения, она становится подлинным знанием. Поэтому следует вести речь об информационной культуре¹⁹.

Информация как умеющее знание есть инструментальное знание. Но наряду с ним исследователи также говорят о знании рациональном, в том числе о возрастающей роли теоретического знания. Ф. Уэбстер отмечает, что если под теоретическим знанием понимать абстрактное, обобщаемое и кодифицированное знание, то вопрос о нем редко возникает среди философов и социологов, интересующихся информационным обществом. Дело в том, что теоретическое знание имеет мало общего с информационными технологиями, с качествами информации, сдвигами в структуре занятости или информационными потоками²⁰. Ф. Уэбстер дает определение информации как «сообщения или получения знаний, или сведений, или факты, приготовленные для сообщения, в отличие от тех, которые воплощены в мысли или знания». Он также отмечает, что теоретиками информационного общества количественный подход взят на вооружение. Он позволяет «представить информацию в количественном виде, но ценой забвения ее смысла и качества»²¹.

Таким образом, время — обязательная субстанция или компонент информационного пространства социума, социальный, экономический и культурный пейзаж которого всегда вырисовывается в исторической ретроспективе. Изменение реальности как непрерывный процесс становления нового протекает как временной процесс. Время и пространство относятся к абстракциям самого высокого уровня и одновременно предстают определенным порядком социального бытия, способом согласования и организации жизнедеятельности людей, вектором их самоосуществления, устремленности от настоящего в будущее, соотносительности с прошлым. В контексте социального времени возможна реализация идей обновления социальных отношений, воспроизводства индивида и социума, становление и развитие которых подчиняется циклическим и линейным характеристикам времени.

Трансформация информационного пространства — процесс, идущий в определенном направлении, связанным с действием векторов созидания или разрушения (энтропии), переструктурированием, укреплением или ослаблением одних связей и отношений в противовес другим. В информационном обществе, отмечает Д. Нейман, меняется ориентировка во времени. «В аграрном периоде существовала ориентация на прошлое... В индустриальном периоде время — это на-

стоящее время... В нашем новом информационном обществе время ориентировано в будущее»²².

Категория пространства соотносится с понятием символического: символическая среда, символическое пространство, символическая сфера. Символосфера определяется В. В. Ильиным как неотъемлемое пространство бытия человека и общества, условие и дериват организации жизнедеятельности, физического, социального и духовного существования. Наука о символическом опыте (симвология) изучает механизмы образования смыслозначимой продуктивной сферы — ее композицию, характер динамики, способы осуществления²³. Методологические регулятивы теоретической науки не обслуживают теорию символа. В эпистемологии применяются генерализация, объективация, детерминация. В символии — инициация, целеориентация, самореализация. Пространство символического — логически конструируемая форма, которая служит средой всех релевантных событий. Она задается отношениями, определяющими возникновение типологичных явлений. Фазовое пространство конструирует многообразие креативных процессов, выражает множество с надлежащей структурой, элементы которого представляют модификации всевозможных его состояний. Символическое пространство передает идею духовно оформляемого порядка, позволяющего духовной мерой измерять величие души.

Процесс информатизации современного общества имеет экономический смысл, состоящий в доминировании информационных продуктов и услуг в производстве и потреблении. Информационные технологии вызывают интеграцию различных форм деятельности. Информация становится движущей силой национального богатства, фактором изменения качества жизни. Социокультурный смысл связан с увеличением динамизма социальной жизни, появлением большей свободы выбора, изменением коммуникативного процесса, требований к человеку.

По мнению М. Маклюэна, телекоммуникации, масс-медиа и компьютерные сети становятся продолжением центральной нервной системы каждого человека, максимально атомизированной человеческой индивидуальности, вплоть до образования «глобального бытия», в рамках которого весь мир, благодаря новейшим средствам коммуникаций, становится деревней²⁴. Печатное слово, сделавшее письменность основой

массовых коммуникаций, по его мнению, предоставило индивиду права селекции информации, свободы ее интерпретации, критицизм и возможность поступать с этой информацией по своему усмотрению — право на индивидуальность²⁵.

На общем мажорном фоне картины «электронного общества» Маклюэн фиксирует и тревожащие штрихи — интенцию компьютерной коммуникации в рамках масс-медиа, доминирование формальных средств коммуникации над ее содержанием. Очевидно, что компьютерный синтетизм порождает большие возможности и связанные с ним проблемы, артикулируемые как проблемы коммуникационного и информационного порядков.

Любой коммуникационный акт осуществляется в рамках пространственно-временных координат. Все коммуникационные взаимодействия реализуются в коммуникативном пространстве и все информационные процессы в обществе обозначаются термином «социальная коммуникация». Каждое общество образует свое коммуникативное пространство, агентами которого выступают отдельные люди, группы людей и социальные институты. Совокупность связей, возникающих между людьми, их группами, социальными институтами, формируют социальное коммуникационное пространство. Под коммуникационным пространством принято понимать, в самом общем виде, всю систему многообразных коммуникативных связей, возникающих между различными агентами коммуникации.

Таким образом, развитие социологии не остается в стороне от проблемы направленности времени и социальной реальности, безусловно, носящей «надгеографический» характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дialeктика познания сложных систем / под ред. В.С. Тьютина. М., 1988. 316 с.

² Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.

³ Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 15.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 48—49.

⁵ Лебедев С.А. Философия науки: словарь научных терминов. М., 2004. С. 247.

⁶ Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 298.

⁷ Там же. С. 299.

⁸ См.: Баньковская С. Роберт Парк // Совр. американская социология. М., 1994. С. 3—20.

⁹ Парк Р. Экология человека // Теория общества: сб. М.: «КАНО-Пресс-Ц» «Кучково поле», 1999. С. 398—399.

¹⁰ Баньковская С. Роберт Парк ...

¹¹ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. С. 66.

¹² Там же. С. 47.

¹³ Там же. С. 45.

¹⁴ Лефевр А. Социальное пространство. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=125> (дата обращения: 14.02.2014).

¹⁵ См.: Узбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 6.

¹⁶ См.: Модель Шеннона-Уивера. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/182-modeli-politicheskikh-kommunikatsiy.html> (дата обращения: 12.03.2014).

¹⁷ Винер Н. Творец и Будущее. М., 2003. С. 19.

¹⁸ Юзвишин И.И. Информациология. М.: Радио и связь, 1996. С. 64.

¹⁹ См.: Каптерев А.И. Информатизация социокультурного пространства. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 512 с.

²⁰ См.: Узбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 370.

²¹ Там же. С. 35.

²² Нейсбит Д. Мегатренды. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. С. 32.

²³ Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2013. С. 36.

²⁴ См.: Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.

²⁵ Можейко М.А. Мак-Люэн // Всемирная энциклопедия. Философия XX век. М.: АСТ; Минск: Харвест, Совр. литератор, 2002. С. 438.

Поступила 18.03.2014.

REFERENCES

¹ Dialektika poznaniya slozhnyh sistem / pod red. V.S. Tjuhtina. M., 1988. 316 s.

² Vernadskij V.I. Nauchnaja mysl' kak planetarnoe javlenie. M.: Nauka, 1991. 271 s.

³ Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva. M.: In-t jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 2005. S. 15.

- ⁴ Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. S. 48—49.
- ⁵ Lebedev S.A. Filosofija nauki: slovar' nauchnyh terminov. M., 2004. S. 247.
- ⁶ Sorokin P.A. Social'naja stratifikacija i mobil'nost' // Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. M.: Politizdat, 1992. S. 298.
- ⁷ Tam zhe. S. 299.
- ⁸ Sm.: Ban'kovskaja S. Robert Park // Sovr. amerikanskaja sociologija. M., 1994. S. 3—20.
- ⁹ Park R. Jekologija cheloveka // Teorija obshhestva: sb. M.: «KANO-Press-C» «Kuchkovo pole», 1999. S. 398—399.
- ¹⁰ Ban'kovskaja S. Robert Park ...
- ¹¹ Gibson Dzh. Jekologicheskij podhod k zritel'nomu vosprijatiju. M.: Progress, 1988. S. 66.
- ¹² Tam zhe. S. 47.
- ¹³ Tam zhe. S. 45.
- ¹⁴ Lefevr A. Social'noe prostranstvo. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=125> (data obrashhenija: 14.02.2014).
- ¹⁵ Sm.: Ujebster F. Teorii informacionnogo obshhestva. M.: Aspekt-Press, 2004. S. 6.
- ¹⁶ Sm.: Model' Shenona-Uivera. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/182-modeli-politicheskikh-kommunikatsiy.html> (data obrashhenija: 12.03.2014).
- ¹⁷ Viner N. Tvorec i Budushhee. M., 2003. S. 19.
- ¹⁸ Juzvishin I.I. Informaciologija. M.: Radio i svjaz', 1996. S. 64.
- ¹⁹ Sm.: Kapterev A.I. Informatizacija sociokul'turnogo prostranstva. M.: FAIR-PRESS, 2004. 512 s.
- ²⁰ Sm.: Ujebster F. Teorii informacionnogo obshhestva. M.: Aspekt-Press, 2004. S. 370.
- ²¹ Tam zhe. S. 35.
- ²² Nejsbit D. Megatrendy. M.: OOO «Izd-vo AST»: ZAO NPP «Ermak», 2003. S. 32.
- ²³ Il'in V.V. Teorija poznanija. Simvologija. Teorija simvolicheskikh form. M.: Izd-vo Moskov. un-ta, 2013. S. 36.
- ²⁴ Sm.: Makljuven M. Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka. M.: Kuchkovo pole, 2007. 464 s.
- ²⁵ Mozhejko M.A. Mak-Ljuven // Vsemirnaja jenciklopedija. Filosofija XX vek. M.: AST; Minsk: Harvest, Sovr. literator, 2002. C. 438.

V. A. Pisachkin, V. V. Kozin. «Supra-Geographical Space» of Social Reality

Development of modern sociological theories is largely due to objective and subjective aspects of understanding of space and time, including physical and philosophical concepts of space and time, the substantial and relational concepts of space and time, with the influence of the relativity theory on the understanding of time and space, with universal and specific properties of

the spatial-temporal relationship. Not less important is the interpretation of dependence of spatial-temporal views on the type of culture, communication, space, time and language, matter, time and rhythm, discussions about the existence of non-physical supra-organic and supra-geographical forms of space and time, etc. The watershed of the distinctions occurs here at the level of display in the minds of those parties and characteristics of a real object for which you cannot find an appropriate image basing on the existing stock of knowledge.

The theory of social space is the base for development and methodological application of social topology. However, it should be emphasized that socio-topological direction of sociological thought is based on the theory of social environment (the environmental approach) as well as on the theory of living space of a society. The formation of social topology originally got some momentum in the concepts of geographical determinism rooted in the history of the philosophical thought. In the classical period of formation of Sociology, substantial tradition in interpretation of the concept of social space was developed. At the stage of nonclassical and postnonclassical development of sociological concepts, the constructivist position in understanding and representations of social space prevailed.

PISACHKIN Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Head of the Department of Methodology of Science and Applied Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

KOZIN Vladimir Vasilievich, Candidate of Sociological Sciences, Docent, Deputy Director for Science of the Research Institute for Regionology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



А. И. ТЮЛЕНЕВ

НАУКА КАК ФАКТОР ФОРМАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: наука, предпринимательство, рационализация, материальная рационализация, формальная рационализация

Key words: science, entrepreneurship, rationalization, material rationalization, formal rationalization

Предпринята попытка первичного анализа данных экспертных опросов, проведенных в Республике Татарстан и Республике Марий Эл в 2009 и 2013 гг., для верификации тезиса о стимулирующей роли науки в институционализации формально-рационального предпринимательства.

The paper presents an attempt of primary data analysis of expert surveys conducted in the Republic of Tatarstan and in the Republic of Mari El in 2009 and 2013 for verification of the thesis of the stimulating role of science in institutionalization of formal and rational entrepreneurship.

Актуальность исследуемой проблемы связана с необходимостью выявления предпосылок, источников, обстоятельств генезиса формально-рационального предпринимательства как движущей силы институционализации современного социума. Целью статьи является попытка с помощью социологического инструментария проанализировать данные экспертных опросов на предмет степени «онаучивания» сознания и деловой практики предпринимателей Республики Татарстан (РТ) и Республики Марий Эл (РМЭ).

Наука понимается нами как деятельность, связанная с систематическим изучением физических и социальных явлений путем наблюдений, экспериментов, классификации и поиска универсальных законов, а также как отрасль практики, специализирующаяся на получении объективных знаний об окружающем мире и человеке¹. Под предпринимательством понимается особая форма деятельности, ориентированная

ТЮЛЕНЕВ Александр Иванович, доцент кафедры социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета, кандидат социологических наук (г. Йошкар-Ола).

на получение прибыли за счет применения разнообразных средств — от примитивного разбоя до интеллектуального бизнеса²; имманентная характеристика социального поведения деловых людей, называемая предприимчивостью; группа лиц, обладающих предприимчивостью и занимающихся бизнесом от случая к случаю, по совместительству, на профессиональной основе, по призванию.

Термин «рационализация» используется в трактовке М. Вебера как разумное, осмысленное и осознанное социальное поведение, характер которого эволюционирует от материальной рациональности к рациональности формальной. Начало рационализации предпринимательства как движения от материальной рациональности к рациональности формальной М. Вебер связывал с действием комплекса факторов, объединение которых в единую целостность послужило импульсом процессу генезиса формально-рациональной деловой активности. К числу факторов, вызвавших к жизни «дух» формально-рационального предпринимательства, М. Вебер отнес античную науку, римское право и рачительный способ ведения хозяйства⁴.

Веберовское наследие содержит немало идей о взаимосвязи науки и бизнеса в аспекте их взаимообуславливающей рационализации. Так, М. Вебер полагал, что свойственный ученому рационализм концентрирует его усилия исключительно на профессиональной деятельности. Ученый не должен заниматься в аудитории политикой. Даже рассуждая о демократии, он обязан делиться со студентами научными знаниями, а не навязывать им свою политическую позицию⁵.

Как и ученый, формально-рациональный предприниматель не должен привносить в бизнес политику, каких бы выгод это ему не сулило. Тем временем «модернизирующаяся» современная российская действительность со всей определенностью навязывает деловому миру совершенно иную модель предпринимательского поведения. Сотрудничай с властью, т. е. занимайся политикой, и достигнешь успехов в деловой практике. Значит, далек типичный, преуспевающий российский бизнесмен от формальной рациональности, а, следовательно, от науки.

Мышление формально-рационального предпринимателя, как и сознание научного работника, по мнению М. Вебера, имеют явные черты сходства. Тот и другой должны счи-

таться с элементами непредсказуемости и риска, имманентно присущими их профессиональной деятельности. У М. Вебера это связано с «вдохновением»; от того, придет оно или нет, зависит успешность научных поисков. У коммерсанта или крупного промышленника — с «коммерческой фантазией», гениальной выдумкой, без которой он обречен на роль приказчика или технического чиновника, неспособного произвести организационные нововведения⁶.

Наметив канву исследования взаимосвязи развития науки и формальной рационализации предпринимательства, М. Вебер передал эстафету своим последователям. Одним из них был Р. К. Мертон, который в своих работах основной акцент сделал на анализе процессов взаимосвязанного развития науки, техники, религии и общества. В 1938 г. вышла его книга «Наука, техника и общество в Англии XVII в.», в которой социолог предложил тезис, вошедший в историю науки как «тезис Мертона», или «тезис Вебера-Мертона». По его мнению, основной причиной усилившегося в Англии XVII в. интереса к естественным наукам стало распространение в английском обществе пуританизма. Этика этого религиозно-учения стимулировала научную деятельность, формируя отвечающий духу капитализма этос науки. Научная мораль Нового времени базировалась на принципах универсализма, коммунизма, бескорыстности и скептицизма⁷.

Развивая идеи М. Вебера о взаимосвязи между протестантской этикой и формальной рационализацией предпринимательства протестантов, Р. К. Мертон пришел к выводу, что подобная взаимозависимость существует также между этикой протестантского вероучения и развитием науки, агентами которой в условиях раннего капитализма становились приверженцы протестантизма. Подробно изучив исторические источники, С. Мертон подсчитал, что 62 % членов первоначального состава Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе являлись пуританами, несмотря на то, что представители этой конфессии не были большинством населения Англии 1660-х гг.⁸

Таким образом, остается лишь прочертить линию между наукой и формальной рационализацией бизнеса, чтобы получить прочный и устойчивый треугольник взаимодействующих факторов «протестантская этика — наука — формально-рациональное предпринимательство».

Между тем данные экспертных опросов, проведенных нами в 2009 и 2013 гг. в РТ и РМЭ показывают, что не всем экспертам наличие взаимосвязей между развитием названных феноменов представляется очевидным, если речь идет о современной России. В обоих случаях участниками опросов стали наиболее успешные специалисты в области предпринимательства, отобранные методом «снежного кома», по 50 чел. от каждой республики.

Согласно результатам опросов 2009 г., большинство экспертов в РТ (65,8 %) и РМЭ (58,0 %) на момент их проведения расценивали качество российского высшего образования, имеющего непосредственное отношение к науке, научной деятельности и научному этосу, как «среднее», а 12,5 % респондентов из РТ и 10,0 % респондентов из РМЭ — как «высокое». При этом абсолютное большинство участников опроса в РТ (53,5 %) и относительное большинство в РМЭ (40 %) высказали мнение, что в ближайшем будущем (до 2015 г.) качество высшего образования останется прежним.

Перспективы развития высшего образования и науки в ближайшем будущем (до 2015 г.) оценивались большинством экспертов как «удовлетворительные»: в РТ — 45,0 %, РМЭ — 60,0 %. Более отдаленное будущее развития науки и высшего образования (до 2020 г.) представлялось участникам опроса несколько благоприятнее. По крайней мере, «удовлетворительные» оценки составили в РТ 42,5 %, в РМЭ — 42,0 %.

В значительно большей степени нас интересовало, что думают эксперты по поводу факторов, способствующих развитию науки и высшего образования под углом зрения дальнейшей формальной рационализации научно-образовательной сферы и соответствующего воздействия на предпринимательство и бизнес. По мнению западных исследователей, формальная рационализация образования и науки ведет к повышению качества образовательных услуг и формирует целерациональный тип ученого. И то и другое в итоге благотворно влияет на процесс формальной рационализации предпринимательства. И не только потому, что многие будущие бизнесмены проходят школу университетов и колледжей, попадая на достаточно продолжительный срок в орбиту влияния склонных к формально-рациональной деятельности ученых и преподавателей, но и потому, что

современный бизнес весьма затруднителен, если не связан с наукой и не использует научно-технические достижения. Сошлемся хотя бы на мнение В. Зомбарта, утверждавшего, что германский бизнес рубежа XIX—XX вв. «обязан своей победоносностью» «научному обоснованию и проникновению в сущность производственных процессов»⁹.

Что касается рационального типа ученого, способного оказать формально-рационализирующее влияние на предпринимательство, то сошлемся на А. Г. Маслоу, сконструировавшего «идеальный тип» научного работника, с ярко выраженными формально-рациональными личностными характеристиками¹⁰.

Возвращаясь к проблеме факторов развития высшего образования и науки, формальная рационализация которых придает логическую осмысленность и строгую калькулируемость бизнесу, обратим внимание на то, что очень немногие эксперты связывают дальнейший прогресс научно-образовательной сферы с расширением сети частных школ, вузов и научно-исследовательских центров (7,5 % в РТ и 18,0 % в РМЭ). Большинство респондентов по сложившейся в советские времена традиции апеллируют к государству, полагая, что важнейшими факторами развития высшей школы и науки должны стать увеличение финансирования государственных школ, вузов и НИИ (62,5 % в РТ и 52,0 % в РМЭ), а также рост оплаты труда преподавателей и научных работников (70,0 и 48,0 % соответственно). При этом чуть менее половины татарстанских экспертов (47,5 %) и немногим более половины экспертов из Марий Эл (56,0 %) считают, что дальнейшему развитию российского высшего образования и науки будет способствовать расширение связей с зарубежными научно-образовательными учреждениями.

Причины таких суждений малопонятны, поскольку годы расширения и углубления сотрудничества в основном государственной системы образования и науки с системой смешанной, где существует примерный паритет государственного и частного секторов, далеко не очевидны, что и показывает современная российская практика.

Заметим также, что лишь небольшое число экспертов (15,0 % в РТ и 12,0 % в РМЭ) усматривает перспективы развития высшего образования и науки в увеличении платы за обучение. Между тем опыт западных стран показывает,

что высокая стоимость образования в университетах и колледжах выступает важнейшим источником финансирования образовательно-научных учреждений, обеспечивая хорошее качество образовательных услуг и достойную оплату труда тех, кто эти услуги предоставляет.

Своего рода квинтэссенцией блока вопросов стал вопрос о перспективах интериоризации российским обществом, в том числе и представителями деловых кругов, ценностей, образующих этос науки (в мертоновском понимании). При ответе на этот вопрос мнения экспертов из РТ и РМЭ практически совпали. Только 12,5 % экспертов РТ оптимистично оценили перспективу утверждения в общественном сознании в обозримом будущем ценностей научного этоса, тогда как подавляющее большинство специалистов по бизнесу проявило пессимизм, заявив, что такого, скорее всего, не случится (72,5 %). Среди экспертов РМЭ оптимистов оказалось 14,0 %, а пессимистов 68,0 %.

Повторные опросы экспертов по предпринимательству, проведенные в 2013 г., преследовали несколько иные цели: получение достоверной информации о более конкретных аспектах взаимосвязи научно-образовательной сферы с формальной рационализацией предпринимательской деятельности. Первым таким аспектом стала корреляция между уровнем образования и успешностью бизнеса, достаточно очевидно проявившая себя на Западе, особенно на этапе позднего модерна, что и подметил В. Зомбарт. Оценивая нынешние реалии своей республики, более половины татарстанских экспертов (56,0 %) выбрали вариант ответа «уровень образования не влияет на успешность предпринимательской деятельности». Около четверти экспертов (24,0 %) заявили, что для успеха в бизнесе необходимо высшее образование. Пятая часть опрошенных (20,0 %) затруднилась с ответом на этот вопрос. Мнения экспертов из РМЭ распределились следующим образом: 40,0 % — «между уровнем образования и успехом в бизнесе определенной связи не существует», 8,0 % — «для успеха в бизнесе необходимо среднее образование», 12,0 % — «среднее специальное», 40,0 % — «высшее».

Большинство экспертов, склонившихся к мнению, что уровень образования не влияет на успешность предпринимательской деятельности, вызывает желание высказать некоторые предположения, которые, вероятно, могут быть

восприняты неоднозначно. Первое предположение состоит в том, что степень зрелости общества modernity, где формально-рациональное предпринимательство, прежде всего частное, играет ведущую роль, в современной России невысока. Второе соображение основано на оценках экспертов и собственных наблюдениях автора. По-видимому, социальная реальность в обеих республиках действительно не дает оснований для утверждений, что высокий уровень образования является залогом предпринимательского успеха. Ведущую роль в успешности предпринимательства играют неформальные связи и близость к властным структурам. И, наконец, третье суждение касается качества высшего образования и образования вообще, которое эксперты в большинстве своем оценили как «среднее». Очень может быть, что «средний» уровень образования не дает возможности предпринимателям понять и использовать формально-рационализирующую роль науки в развитии своего бизнеса.

Обоснованность последнего предположения в известной мере оказалась подтвержденной ответами экспертов на вопрос, касающийся влияния занятия наукой на развитие предпринимательских способностей. Среди экспертов из РТ, ответивших на этот вопрос отрицательно, оказалось 44,0 % (20,0 % — «не влияет», 24,0 % — «скорее не влияет, чем влияет»), экспертов из РМЭ — 44,0 % (8,0 % — «не влияет» и 36,0 % — «скорее не влияет, чем влияет»). Примерно такое же число экспертов с обеих республик все же признали факт позитивного воздействия занятия наукой на развитие предпринимательских способностей.

Еще один аспект проблемы взаимосвязи формальной рационализации науки и предпринимательства нашел отражение в постановке прямого вопроса, способствует ли этос науки (универсализм, коммунизм, бескорыстность, скептицизм) на рационализацию предпринимательской деятельности? Ответы татарстанских экспертов вызвали удивление, поскольку только 28,0 % опрошенных признали факт позитивного влияния научного этоса на рационализацию деловой активности. Две пятых участников опроса (40,0 %) усомнились в существовании такого влияния. Почти треть специалистов по бизнесу (32,0 %) затруднились с ответом на этот вопрос. В отличие от них эксперты из РМЭ на вопрос о благотворном влиянии научного этоса на рационализацию

предпринимательства ответили так, как и ожидалось. Более половины из них (52,0 %) дали утвердительный ответ, две пятых (40,0 %) — отрицательный.

Так или иначе, когда вопрос о взаимосвязи этоса науки и рационализации предпринимательства был переведен в конкретную плоскость, ответы экспертов из РТ и РМЭ оказались во многом сходными. Экспертов спросили, в какой мере научный этос проник в сознание предпринимателей Вашей республики? Ответы оказались следующими. РТ: «в полной мере» (4,0 %), «частично» (8,0 %), «в незначительной степени» (20,0 %), «в очень небольшой мере» (16,0 %), «не проник вовсе» (20,0 %), «затрудняюсь ответить» (32,0 %). РМЭ: «в полной мере» (0,0 %), «частично» (16,0 %), «в незначительной степени» (40,0 %), «в очень небольшой мере» (20,0 %), «не проник вовсе» (16,0 %), «затрудняюсь ответить» (4,0 %). Сходство проявилось прежде всего в том, что лишь незначительная часть экспертов из обеих республик констатировала факт проникновения научного этоса «в полной мере» или «частично» в предпринимательскую среду. Такое положение вещей не дает достаточного основания для утверждений о высокой степени формальной рационализации бизнеса, связанной с интериоризацией этических норм и ценностей науки.

Таким образом, проблема взаимосвязи формальной рационализации науки и бизнеса является актуальной, поскольку в России набирает обороты процесс развития капитализма и предпринимательства. Важно, чтобы факторы, способствующие формальной рационализации бизнеса, были выявлены и осмыслены, а результаты исследований нашли применение в практике управления институционализацией формально-рационального предпринимательства. Предпосылкой и условием становления такого бизнеса может стать изучение западного опыта формальной рационализации предпринимательства, а также исследований причин и факторов, вызывающих к жизни и детерминирующих этот процесс. Некоторые аспекты, связанные с изучением воздействия науки на формальную рационализацию бизнеса, рассмотрена в настоящей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наука // Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 1. М.: Вече, АСТ, 1999. С. 455.

² Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/zombart/text.pdf> (дата обращения: 14.02.2014).

³ Предпринимать // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990. Т. 3. С. 388.

⁴ Гайденко П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 24.

⁵ Там же. С. 721—722.

⁶ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 710.

⁷ Цит. по: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. М.: Academia, 1999. С. 510—511.

⁸ См.: Гатина Р.М., Михель Д.В. Ранняя история Лондонского королевского общества глазами современных историков науки. URL: <http://www.sstu.ru/files/fuss/imagesГатинаМихель.15.pdf> (дата обращения: 21.02.2014).

⁹ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/zombart/text.pdf> (дата обращения: 19.02.2014).

¹⁰ Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 47.

Поступила 12.03.2014.

REFERENCES

¹ Nauka // Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar' (Collins). T. 1. M.: Veche, AST, 1999. S. 455.

² Zombart V. Burzhua: Jetjudy po istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/zombart/text.pdf> (data obrashhenija: 14.02.2014).

³ Predprinimat' // Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. M., 1990. T. 3. S. 388.

⁴ Gajdenko P.P. Sociologija Maksa Vebera // Veber M. Izbrannye proizvedenija. M.: Progress, 1990. S. 24.

⁵ Tam zhe. S. 721—722.

⁶ Veber M. Nauka kak prizvanie i professija // Izbrannye proizvedenija. M.: Progress, 1990. S. 710.

⁷ Cit. po: Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovanija / per. s angl. M.: Academia, 1999. S. 510—511.

⁸ Sm.: Gatina R.M., Mihel' D.V. Rannjaja istorija Londonskogo korolevskogo obshhestva glazami sovremennyh istorikov nauki. URL: <http://www.sstu.ru/files/fuss/imagesGatinaMihel'.15.pdf> (data obrashhenija: 21.02.2014).

⁹ Zombart V. Burzhua: Jetjudy po istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/zombart/text.pdf> (data obrashhenija: 19.02.2014).

¹⁰ Maslou A.G. Motivacija i lichnost'. SPb.: Evrazija, 1999. S. 47.

A. I. Tyulenev. Science as a Factor of Formal Rationalization of Entrepreneurship in a Region

The paper analyzes the issues of stimulating influence of science on the process of institutionalization of formal and rational entrepreneurship. It also considers Weber's interpretation of rationalization as a transition from affective and traditional ways of entrepreneurship to the value- and target-rational ones, based on common sense, strict calculation, achievements of science and technology, as well as on the factors contributing to this process, including the antique science supplemented in the modern period by the experiment and combined with technology. The analysis of the issue set out in this paper involved the thesis by W. Sombart on positive impact of scientific and technological achievements on the success of business practice; the concept of ethos of science by R. K. Merton based on the principles of universalism, communalism, selflessness, skepticism; the ideal type of a scientist whose professional activity is dominated by formal rational skills (designed by A. H. Maslow). Application of theoretical and methodological tools composed of the mentioned principles, ideas and propositions to the primary data analysis of the 2009 and 2013 expert polls held in the Republic of Tatarstan and in the Republic of Mari El has allowed to make some conclusions concerning the nature of the interconnection of formal rationalization of the scientific and educational sphere and entrepreneurship at the level of the examined constituent regions of the Russian Federation. The most important of them are as follows. The degree of modernization of science, higher education and entrepreneurship in the Republic of Tatarstan and in the Republic of Mari El is not high. The success of activities in these areas depends largely on traditional informal factors: family, community, friendly ties, proximity to power, and immoral ways of achieving the result. The scientific and educational sphere and business are dominated by sets on substantive rationality, which is why the interconnection between formal rationalization of science and entrepreneurship is not obvious. The ethos of science in Merton's understanding dominates neither the science, nor business. Basing on the Western experience, the prospects of a more rapid, sustainable and irreversible formal rationalization of regional entrepreneurship are seen in the gradual, targeted and systematic introduction of values and norms of the modernist scientific ethos to the scientific and educational sphere.

TYULENEV Alexander Ivanovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences and Technologies, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation).



Н. С. САВКИН

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: социальная адаптация, стереотипы поведения, социализация, адаптационный потенциал, суицид, социум, социальное воспроизводство, национальная идентичность

Key words: social adaptation, behavior stereotypes, socialization, adaptive potential, suicide, society, social reproduction, national identity

В статье анализируются процессы социальной адаптации в условиях региона с учетом модернизации всех сфер общественной жизни страны, неустойчивой социальной ситуации, рассогласования между социальными общностями.

The paper analyzes the processes of social adaptation in the conditions of a region taking account of modernization of all spheres of public life, unstable social situation and the mismatch between social groups.

Происходящие в мире и российском обществе конфликты, глобальные социальные преобразования, рассогласования между социальными общностями, властью и обществом, социокультурными и национальными группами свидетельствуют о проявлениях системного кризиса современного состояния цивилизации, неизбежности и необходимости радикальных изменений. Старые стереотипы поведения, сложившиеся в системе деструктивных общественных отношений, не позволяют выработать новые адаптационные механизмы для наиболее мягкого вхождения в сферу социокультуры.

Расширение масштабов социально-экономических, политических, религиозно-этических и этнических изменений в мире ставит перед обществом, каждым человеком проблему поиска возможностей адаптации к существующей системе отношений для наиболее полного разностороннего развития, реализации способностей и дарований. Процесс этот начинает-

САВКИН Николай Степанович, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор философских наук.

ся с момента рождения, проходит этапы, стадии становления личности, профессионального выбора, реализации накопленного потенциала, изменений социального статуса, подготовки перехода в мир иной. Процесс социальной адаптации, таким образом, заканчивается только со смертью человека.

Первоначально адаптация понималась как биологический термин для обозначения приспособления организма, органов чувств к изменяющимся условиям существования, т. е. как некое физиологическое приспособление. В дальнейшем его стали употреблять лингвисты для объяснения упрощения текста для детского чтения или для начинающих изучать иностранный язык. Потом этот термин стал широко употребляться в психологии, социологии, экологии, кибернетике и философии. В социальной психологии адаптация чаще всего рассматривается как понятие для фиксации процесса вхождения личности в систему взаимоотношений малой группы (производственного коллектива, студенческой группы, семьи), усвоения ею сложившихся норм, отношений, ценностей, занятия определенного места в структуре ее отношений. Разумеется, в адаптационном взаимодействии участвуют обе стороны: личность и малая группа. Их взаимодействие образует новую социальную среду — сферу ближайшего окружения. В результате этого взаимодействия личность определенным образом меняет систему своих ценностных ориентаций, отношений, так же, как и малая группа корректирует систему своих норм и правил.

В социальной философии адаптация исследуется как комплексная проблема взаимосвязи человека и окружающего мира, и прежде всего человека, социальной сферы и общества. Социальная адаптация определяется как процесс взаимодействия социального субъекта (человека, личности) и социума, в ходе и результате которого происходит вхождение субъекта в систему ценностей, реализация социальных ожиданий и социальное воспроизводство человека. Вполне правомерно более широкое толкование социальной адаптации на философском уровне: первый этап (стадия) — становление личности, следующая — реализация накопленного (профессионального и социального) опыта. Таким образом, можно представить полноценную панораму жизнедеятельности человека во всем объеме, в процессе которой неизбежно реализуется непрерывная социальная адаптация как процесс

приспособления и вхождения в постоянно изменяющиеся экономические, политические, культурные, этнические и также природные условия.

В психологии существует несколько иная интерпретация соотношения социальной адаптации и социализации, когда первая рассматривается как составная часть, механизм, одна из форм социализации. Социализация, утверждает А. А. Налчаджян, более длительный, постепенный процесс эволюционного характера, включающий узнавание, накопление и усвоение новых знаний, умений и навыков, процесс превращения социальных ценностей и норм во внутренние механизмы регуляции собственной деятельности (процесс интериоризации). Процесс социальной адаптации имеет более сжатые временные границы, это, скорее, революционный процесс, в ходе которого необходимо в относительно короткие промежутки времени устранить или усвоить создавшиеся социальные изменения и проблемы. В ходе социальной адаптации, по его мнению, осваиваются и усваиваются не все, а относительно стабильные и значимые элементы социальной среды и наиболее типичные формы и способы решения социальных проблем. Человек, группа или организация должны в первую очередь адаптироваться именно к таким условиям и использовать результаты этого процесса как основу или базу для углубления и конкретизации последующего процесса социальной адаптации. Выделяются стадии процесса социальной адаптации: адаптационный шок, мобилизация адаптационных ресурсов, ответ на вызов среды¹.

С точки зрения социальной психологии такая трактовка социальной адаптации вполне правомерна. Философский же подход предполагает рассмотрение процесса в его целостности, системности, концептуальности, стадийности, с учетом механизмов функционирования и регулирования. Социальная адаптация в философском смысле — процесс и результат взаимодействия социального субъекта с непрерывно меняющейся средой, в ходе которого согласуются требования и ожидания обеих сторон, осуществляется процесс социализации, воспроизводство социальной инфраструктуры и самого социального субъекта, его профессионального и социального статуса. Предполагаются изменения и воспроизведение, вступление в новую, восходящую стадию макро- и микро-среды. Намечившиеся неблагоприятные тенденции, деструк-

тивные социальные процессы могут быть приостановлены или перенаправлены путем коррекции социальной политики. Процесс социальной адаптации сложный, противоречивый, многофакторный и многостадийный. В сложившейся социальной ситуации без всестороннего исследования столь сложной, многогранной проблемы невозможно ее адекватное восприятие.

Начальная стадия социальной адаптации представляет собой *процесс превращения новорожденного в личность (онтогенез)*. Это преимущественно социализация, решающую роль в которой играют биологические предпосылки индивида (наследственность), биологические предрасположения, дарования, данные природой, и семья, социальная среда, окружение. Первоначальный этап этой стадии выступает как процесс приспособления организма к условиям существования и привыкания к ним. Это непрерывный, жизненно важный процесс вживания субъекта (индивида) в новые для него системы социальных (культурных, национальных, нравственных) отношений, ценностей. Трудности для субъекта заложены в динамичном характере социальной жизни, в изменяющейся среде жизнедеятельности человека. Вместе с тем эффективность, качество, результативность приспособления, вживания, роста, развития, социализации во многом зависят от уровня развития социальной среды, ее интеллектуальной и психологической зрелости.

Второй этап социальной адаптации — *социализация*, становление социального субъекта как личности, глубокое осмысление ситуации в социуме, концентрация усилий с социальным и профессиональным выбором, активный анализ собственных способностей и возможностей. Он связан с анализом и реализацией адаптационного потенциала, совокупности свойств и ресурсов, с определением направления и уровня образования, квалификации, профессионального и социального статуса. Все это определяет способность субъекта овладеть ситуацией, освоиться в ней, сформировать себя в качестве активного социального субъекта.

Третий этап — *реализация себя как профессионального и социального субъекта, личности*, конкретной модели деятельности, одновременно — анализ и оценка основных характеристик социальной среды, социума. Социальная адаптация предполагает постоянное изучение меняющейся

социальной системы как фактора и условия процесса. Причем имеется в виду, что социальная система сама непрерывно и постоянно приспособляется к спонтанно изменяющимся условиям среды и для нее на современной стадии динамических изменений характерны, с позиций синергетики, разноупорядоченность, неустойчивость, неравновесность, нелинейность соотношений. О. Тоффлер, используя синергетические понятия для интерпретации современного состояния общества, отмечает наблюдаемый им упадок индустриального общества, раздвоение (бифуркацию) мировой цивилизации, переход к диссипативной структуре в мировом масштабе, когда происходит постепенное рассеивание части энергии упорядоченного движения общества в энергию неупорядоченного движения².

Какая-то часть человечества, определенное общество могут оказаться в состоянии аномии, перерождения, деградации, социального регресса, в новой фазе кризиса, которая может привести к необратимым разрушительным последствиям. Подобного характера внезапные социальные преобразования могут привести к усилению суицидных явлений, что может свидетельствовать не только о неспособности социального субъекта к положительной адаптации к изменившимся условиям, но и о неспособности общества прийти на помощь отчаявшемуся человеку в нужный момент.

Суицид — сложное явление со множеством разнообразных причин. С одной стороны, происходит деформация ценностных ориентаций личности, потеря смысла существования, глубокое разочарование в жизни, отчаянная безвыходная ситуация, крушение идеалов, утрата или девальвация системы ценностей. С другой стороны, общество, социум, социальная среда, ближайшее окружение (семья, коллектив, группа) отторгают индивида, не приспособившегося к новым условиям, не «спасает утопающего», не протягивает руку помощи. Общество демонстрирует свою беспомощность, бессилие, нежелание, равнодушие к отдельной личности. Здесь налицо признаки аномического общества, характеризующегося разложением системы ценностей, распространением апатии, разочарования, социальной дезорганизации, бессилия. В свою очередь личность вместо активных поисков решения проблем вхождения, приспособления, вживания, т. е. в полном смысле социальной адаптации, пытается «решить»

проблему путем ухода от всякого решения всех проблем радикальным способом.

Четвертый этап социальной адаптации — *завершающая стадия жизнедеятельности личности*. Она связана, во-первых, с непрерывным воспроизводством своего профессионального и социального статуса (чтобы оставаться хорошим хирургом, надо постоянно делать операции), во-вторых, с постепенным приспособлением к условиям ухода от активной производительной деятельности. На завершающем этапе социальной адаптации трудно рассчитывать на резкий рост, развитие профессиональной и социальной карьеры, хотя такое возможно и часто имеет место. Главным направлением жизнедеятельности по адаптации в этот период является сохранение, поддержание существующего положения вещей — статус-кво, т. е. непрерывное производство и воспроизводство профессионального уровня, сохранение социального статуса.

Субъект может избрать иную модель поведения и деятельности, которая, как ему кажется, больше соответствует его целям, интересам, стремлениям, возможностям, но может противоречить тенденциям развития социума, ситуации, в которой протекает процесс социальной адаптации. Это обстоятельство может привести к серьезному противоречию между социальным субъектом и социальной средой (обществом, социумом, группой, коллективом, семьей), которое потребует разрешения.

Важным звеном завершающего этапа социальной адаптации является переход к новым условиям жизни, связанным с завершением активной профессиональной деятельности и переходом на положение «заслуженного отдыха» (пенсионера). Этот процесс болезненный, сложный и противоречивый.

Последовательная смена основных этапов социальной адаптации предполагает анализ используемых механизмов на каждом из них. Так, для первого этапа социальной адаптации важнейшим является механизм социального общения, позволяющий субъекту формировать и развивать психику, приспособить психический склад под требования социальной среды, совершенствовать имеющиеся навыки общения и приобретать новые, усваивать новые социальные нормы и ценности. Внешними результатами успешного протекания адаптационного процесса является выработка основных стандартов поведения: конформизм, подчинение субъекта

среде, следование субъекта требованиям, предъявляемым к нему, или формирование собственных внутренних мотивов и целей, не совпадающих с аналогичными характеристиками социального окружения. Результаты социальной адаптации могут быть противоположными ожидаемым: самоизоляция, «уход» субъекта от среды, отшельничество, когда свойственные субъекту интересы и цели принципиально не совпадают с системой ценностей социальной среды.

Второму этапу социальной адаптации характерны механизмы интериоризации и социализации, с помощью которых реализуется формирование интеллектуальных установок и планов, связанных с усвоением и преобразованием социальных норм, элементов культуры, социальных ценностей, позволяющих личности функционировать в качестве полноправного члена общества. В результате интериоризации социальные нормы общения, моральные ценности непосредственного социального окружения (микросреды, трудовой коллектив и т. д.), требования, установки, ориентации макросреды на уровне общества становятся достоянием личности, устанавливается определенное динамическое равновесие между ценностными ориентациями личности и ожиданиями социальной среды.

Возможен вариант адаптационного результата отрицательной направленности при несовпадении ожиданий, требований социальной среды и уровня притязаний личности: здесь необходим анализ характеристики социальной среды. Она может быть отрицательной, устойчивой антиобщественной направленности, с отрицательными взглядами и установками.

Третий этап адаптации связан с механизмами преобразования социума, совершенствования и реформирования социальной системы, трансформацией ее в соответствии со своими потребностями. Социальная адаптация оказывается не столько приспособлением личности, социального субъекта к социально-экономической среде, социуму, сколько модернизацией, корректировкой социального окружения, превращением его в инновационную среду. Механизмом социальной адаптации выступает единый процесс деятельности, обмена, распределения, потребления, производство и социальное воспроизводство личности, субъекта, новых поколений, процесс опредмечивания и распределмечивания, преобразования внутреннего мира и самосознания, реализации скрытых потенциалов, помогающих полноценно включиться в процессы

социальной идентификации. Социальное самосознание помогает формировать и осмысливать свою социальную принадлежность и роль. Эффективность, конечный результат социальной адаптации определяется объективными показателями развития социального субъекта, качества и уровня его жизни, субъективной удовлетворенностью характером «распределения» экономической, политической, идеологической свободы и справедливости.

Для четвертого этапа социальной адаптации важнейшими являются механизмы активного приспособления к новому социальному положению субъекта, сохранения социального статуса, здоровья, организации досуга, активной трудовой занятости. В новых условиях важнейшим фактором успешности социальной адаптации будет стремление к сохранению своей прежней социальной и этнокультурной идентичности. Изменение своего положения, социокультурного статуса потребует от личности нахождения своего места в новых условиях, встраивания себя в систему уже сложившихся социокультурных отношений для приобретения новой позитивной идентичности, что становится необходимым условием социальной адаптации.

События, действия, процессы, происходящие в обществе, подчиняются определенным социальным законам, носящим вероятностный характер. Сложнее социальному субъекту адаптироваться в условиях незаметно происходящих в обществе спонтанных событий и процессов, вызванных внутренними причинами, без непосредственного воздействия извне, «самопроизвольно», имманентно.

Спонтанные процессы, события не представляют собой совершенно случайные явления, неизвестно откуда взявшиеся. Как правило, незаметные изменения накапливаются в обществе, социуме, социальной общности и в определенный момент времени проявляются достаточно ощутимо. Это напоминает землетрясения, которые происходят спонтанно и спорадически, но не случайно. Такого же характера явлениями можно назвать митинги протеста на Болотной площади и проспекте Сахарова в России в связи с выборами депутатов в Госдуму и Президента России 4 марта 2012 г.

Социальная адаптация в периоды активного участия в социальном производстве и воспроизводстве существенно отличается от других периодов жизнедеятельности челове-

ка. В эти периоды происходит не простое приспособление, вживание в социальную систему, а обновление, социальная реорганизация, формирование новых форм социальной жизни вплоть до всеохватывающих общественно-политических перемен. В современных условиях обществу присуще неустойчивые, нелинейные отношения, состояние постоянной изменчивости, неравновесности, непрерывный интенсивный обмен информацией, ведущие не только к порядку, но и беспорядку, что создает возможности для возникновения уникальных и радикальных событий. Социализация и социальное воспроизводство новых поколений осуществляется в принципиально новых условиях. Таким образом, социальная адаптация предполагает изменение самого общества, социума, социальной среды в соответствии с новыми потребностями, ценностными ориентациями, подстраивая его (ее) под свое мировосприятие. Изменяя изменившийся мир, субъект видоизменяет и себя.

Одной из актуальных в проблематике социальной адаптации является проблема неадаптированности значительной части населения, в том числе молодежи, к современной системе социально-культурных, политических эталонов ввиду отсутствия у государства, политиков, школы, семьи, средств массовой информации единой, объединяющей обществу национальной идеи, признанной и поддерживаемой большинством населения страны. Разброд и шатания в системе ценностей общества, реклама различных субкультур, разнообразных и не опробированных временем, отличающихся эфемерностью и кажущейся новизной, уводят от гуманитарного воспитания мира в сторону развлекательной самореализации, к усредненным образцам денационализированной массовой культуры. У значительной части молодежи и старшего поколения формируется психологическое состояние напряжения, тревоги из-за невозможности достичь желаемого, в ряде случаев апатия, крушение надежд и планов, срыв намерений, тщетные ожидания. Отсутствие у многих (среднего и молодого поколения) постоянной работы формирует негативное социальное явление — бомжевание, нежелание и неумение работать, дисквалификацию. Образовалась социальная общность — бомжи, сформировавшие особый образ жизни и свою субкультуру.

Подобное социальное явление — не новость. Это возрождение, социальное воспроизводство того мрачного мира костылевской ночлежки, мира «бывших людей», босяков, отверженных, людей без твердого социального статуса, опустившихся, пьяниц, картежников, оказавшихся в тупике человеческой жизни, потерявших веру в Бога и в самого себя, людей без перспектив, изображенных в одном из самых ярких, сильных драматических произведений М. Горького начала XX в.

Отвержение и переоценка традиционных и национальных ценностей, навязывание на уровне массового сознания западных, нередко не оцененных, не осмысленных, не принятых «душой» многими ценностей не могли не привести общество в состояние социальной аномии и фрустрации, что негативно отразилось в социальном поведении и образе жизни различных социальных слоев и групп.

Республика Мордовия — многонациональный и многоконфессиональный регион. В нем мирно сосуществуют, сотрудничают, живут и работают люди разных национальностей и вероисповеданий: русские, мордва, татары, украинцы, азербайджанцы и др., которые исповедуют христианство, ислам, другие религии. Имеются значительные различия в уровне и характере социальной адаптации людей разного возраста, национальности и вероисповедания, обусловленные исторической принадлежностью к христианству или исламу, христианской или мусульманской культуре. Мордвы, русским, украинцам, принадлежащим преимущественно христианской культуре, характерны невысокая рождаемость, нестабильность семейных отношений, высокая степень разводов, вместе с тем более высокий уровень образования женщин. В социальной адаптации наблюдается тенденция к индивидуализации, опоре на собственные силы.

Для народов с мусульманской культурой характерны более высокий уровень религиозности населения, строгое соблюдение религиозных заповедей, традиционалистский тип семьи. Это становится фактором большей устойчивости национальной идентичности. В сфере социальной адаптации наблюдается высокий уровень уважения к старшему поколению, поклонения и почитания. Естественно, социальное самочувствие находится на достаточно высоком уровне.

В этнических меньшинствах склонны использовать разные языки в различных социальных институтах (сферах применения языка): рабочее место, семья, церковь, общественные организации. Как правило, в общественных местах используется государственный язык (например, русский) или язык титульной нации. Свободное владение и использование в повседневной жизни двух или нескольких языков не создает каких-либо трудностей или ситуаций в социальной адаптации. Возможны случаи изменения национальной идентичности, которые реализуются, как правило, через смену поколений. Довольно широкое развитие этнически смешанных браков, распространение двуязычия создают определенные дополнительные трудности во взаимоотношениях младшего, среднего и старшего поколений. Однако у большинства людей, считающих родным язык своей национальности, возникающие коллизии разрешаются достаточно легко и успешно.

Высокий уровень двуязычия населения является традиционной особенностью России и Мордовии. Это обусловлено многовековым существованием русского языка в качестве единственного государственного языка, исторической традицией обязательного его изучения в российской империи, СССР и Российской Федерации, поэтому русско-национальное двуязычие становится все более распространенным явлением. Следует отметить, что процессам социальной адаптации двуязычие не мешает и не препятствует, а наоборот, кое в чем способствует, создавая дополнительные стимулы и формы адаптации. Замечено, что оба языка, национальный и русский, становятся «родными» в смысле не только свободного владения и пользования ими в общении, но и формирования и формулирования мыслей, размышлений. Одним из важнейших признаков родного языка, как известно, является умение и желание (иногда просто инстинктивное) думать на этом языке. В ситуации двуязычия русский язык становится родным при формировании и изложении научных, общественно-политических текстов, в общении в государственных учреждениях и организациях, национальный, как правило, — на бытовом уровне, в общении с родственниками и близкими.

Таким образом, для Мордовии характерны те же условия социальной адаптации, что и в обществе в целом. Однако разнообразие национальных культур, языков, менталитетов,

религиозных конфессий создает дополнительные трудности и вместе с тем дополнительные возможности разнообразия социальной адаптации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). Ер.: Изд-во АН Армян. ССР, 1988. С. 263.

² См.: Тoffлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 22—24.

Поступила 22.11.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Nalchadzhjan A.A. Social'no-psihicheskaja adaptacija lichnosti (formy, mehanizmy i strategii). Er.: Izd-vo AN Armjan. SSR, 1988. S. 263.

² Sm.: Toffler Je. Shok budushhego. M.: ООО «Izd-vo AST», 2003. S. 22—24.

N. S. Savkin. Social Adaptation: Some Regional Aspects

This paper analyzes the processes of social adaptation in the conditions of a region taking into account modernization of all spheres of public life in Russia, unstable social situation, the mismatch between social groups. Social adaptation of individuals is observed at all stages of formation and development of personality: from the moment of birth, further socialization to the end of working and biological life. Four stages of adaptation are singled out. It is noted that Mordovia is a multiethnic and multi-confessional region. People of different ethnic groups and faiths — Russians, Mordvins, Tatars, Ukrainians, Azerbaijanis, and others who profess Christianity, Islam and other religions coexist, cooperate, work and live in this region peacefully. There are significant differences in the level and nature of social adaptation of people of various ages, ethnicities and religions due to the historical belonging to the Christian or Muslim culture. The paper gives a detailed description of these features of social adaptation.

SAVKIN Nikolai Stepanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



А. А. САЛАТОВА

МИГРАЦИЯ В РЕГИОН: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ

Ключевые слова: миграция, глобализация, иммиграция, трудовая миграция, Республика Татарстан
Key words: migration, globalization, immigration, labor migration, Republic of Tatarstan

В статье анализируются проявления основных глобальных миграционных трендов применительно к ситуации в Республике Татарстан. Отмечено, что рост числа нелегальных мигрантов, интенсификация процессов трудовой миграции и изменения в квалификационной структуре мигрантов различаются по динамике и интенсивности своего проявления на локальном уровне.

The paper analyzes the main manifestations of global migration trends with respect to the situation in the Republic of Tatarstan. It is noted that the increase in the number of illegal migrants, intensification of the processes of labor migration and changes in the qualification structure of migrants differ in dynamics and intensity of its manifestation at the local level.

Глобальные геополитические изменения середины и второй половины XX в. повлекли за собой качественные трансформации структуры миграционных потоков. С развитием современных средств коммуникаций, транспорта, с упорядочением бюрократических процедур пересечения государственных границ вовлеченной в миграционные процессы оказалась значительная часть населения планеты. Так, по данным ООН, в 2013 г. число международных мигрантов составило 232 млн чел., тогда как в 2000 г. их насчитывалось 175 млн чел., а в 1990 г. — 154 млн чел.¹ С 2011 г. тройка стран-лидеров по количеству въезжающих в страну международных мигрантов остается неизменной: первое место занимают США, второе — Россия, третье — Германия². Находясь в тренде основных тенденции в области миграции населения, Российская Федерация имеет свои объективные

САЛАТОВА Александра Александровна, аспирант кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

особенности, обусловленные особенностями геополитического, экономического положения каждого отдельно взятого ее региона. Иными словами, глобальные тренды имеют особенности своего регионального проявления в каждом субъекте страны.

Сложилось несколько глобальных трендов в развитии процессов миграции населения. Рассмотрим ключевые из них, применительно к их проявлению на региональном уровне — в Республике Татарстан.

Интенсификация процессов трудовой миграции. Сегодня миграция рабочей силы и сопутствующие ей движения капитала во многом определяют формирование единого мирового пространства. Глобализация, способствующая мобильности рабочей силы, а также снижение численности населения трудоспособного возраста во многих развитых странах ведет к росту спроса на работников из развивающихся стран (Индия, Китай и др.), обладающих избыточным населением. Сегодня, по оценкам International Organization for Migration, 105 млн чел., работают за пределами страны своего рождения³. Рассматривая интенсификацию процессов трудовой миграции необходимо обратить внимание на два ключевых фактора, оказывающих существенное влияние на общую ситуацию.

Первый фактор — разрыв в уровне доходов между развитыми и развивающимися странами приводит к погоне за экономическим благополучием и, в значительной степени, формирует направленность процессов миграции. По данным на 2013 г. по уровню доходов на душу населения Россия опережала такие страны как Казахстан, Белоруссию, Азербайджан, что способствует интенсификации миграционных потоков из этих стран. На региональном уровне, по данным 2013 г., Республика Татарстан по уровню реальных денежных доходов опережала Марий Эл, Республику Чувашию, Ульяновскую область, Калмыкию и др. Для населения этих регионов Татарстан является миграционно привлекательным. Второй фактор — начавшееся масштабное сокращение трудоспособного населения, которое создает принципиально новую ситуацию на локальных рынках труда России. Согласно «Тезисам о внешней политике России на 2012—2018 гг.» потребности российской экономики и особенности текущего демографического состояния страны будут диктовать необходимость привлечения значительного числа трудовых

мигрантов⁴. Необходимое количество мигрантов может составить порядка 10 млн чел. Такая ситуация может оказаться вполне вероятной, принимая во внимание прогноз Федеральной службы государственной статистики России, согласно которому численность трудоспособного населения страны к 2030 г. сократится на 10,3 млн чел.⁵

Однако анализ показателей коэффициента миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения по трем федеральным округам, в целом показывает нисходящую динамику. Наиболее интенсивное сокращение миграционного прироста характерно для Северо-Кавказского округа, который также имеет самые высокие в России показатели безработицы. Для Республики Татарстан за последние 10 лет характерно сохранение уровня миграционного прироста, с тенденцией к его снижению с 2011 г. Подробнее динамика коэффициента миграционного прироста на 10 тыс. чел. показана на рисунке.

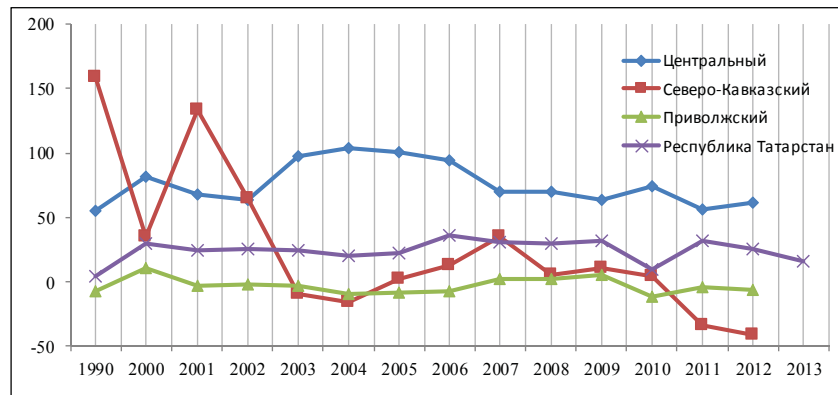


Рисунок. Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения (Росстат, Татарстанстат 1990, 2000—2013 гг.)

Динамика трудовой миграции в Татарстане, в сравнении с динамикой коэффициента миграционного прироста не отличается постоянством. Тенденция к увеличению числа иностранных работников в республике, наблюдавшаяся в 2005—2008 гг., начала восстанавливаться после всемирного финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. только в 2012 г. Это в первую очередь являлось следствием масштабных подготовительных работ к проведению Всемирной

летней универсиады, что подтверждается данными об увеличении прироста трудовых мигрантов в республику на 70 % в 2013 г. по сравнению с показателями 2012 г.⁶ В настоящее время со стороны органов власти наблюдается тенденция к сокращению квот на привлечение трудовых мигрантов в республику. Так в 2014 г. квота на привлечение трудовых мигрантов была сокращена в 10 раз и составила около 2 тыс. чел.⁷

По мнению А. С. Булатова, Россия становится центром притяжения мигрантов преимущественно из стран ближнего зарубежья (Узбекистан, Таджикистан, Украина, Киргизия, Молдова). Среди стран, из которых в Татарстан приезжает наибольшее количество трудовых мигрантов, лидируют Узбекистан, Турция, Таджикистан, Азербайджан, Киргизия, Китай, КНДР. Определенные представления об интенсивности трудовой миграции в Республику Татарстан из стран мира дает анализ Приложения к приказу Роструда от 16 июля 2013 г. № 161 «Об утверждении уточненных сведений о рабочих местах, на которые предполагается привлечение иностранных работников в 2013 г.», где содержатся сведения о рабочих местах, на которые предполагается привлечение иностранных работников в 2013 г. в Татарстане. Предложения по количеству необходимых иностранных работников отражают только пожелания работодателей, их пропорциональное соотношение по странам показывает основные направления трудовой миграции в республику.

Миграция рабочей силы (из развивающихся стран в развитые государства) противоположна по направленности сопутствующему процессу движения капитала (развитые страны — развивающиеся). Поясним эту закономерность: каждый год трудовые мигранты посылают домой в развивающиеся страны значительные объемы денежных переводов для поддержания своих семей. По официальным оценкам, если в 2005 г. суммарный оборот этих денежных переводов составлял 160 млрд долл. США или 250 млрд долл. США — с учетом «неофициальных» переводов, то уже в 2013 г. по оценкам Всемирного банка 414 млрд долл. США было переведено в развивающиеся страны в виде денежных переводов и к 2016 г. ожидается, что эта сумма увеличится до 540 млрд долл. США⁸. В 2011 г. объем денежных переводов мигрантов из России в страны СНГ составил 16,2 млрд долл.

США⁹. При этом сумма вывезенных средств посредством «хавалы» или цепочки личных контактов в 2007 г. составляла 18,2 млрд долл. США¹⁰. Однако не следует забывать о том, что по оценке независимых экспертов, на 1 руб., отосланный мигрантом на родину приходится 4—5 руб., оставаемых в России¹¹.

Рост числа нелегальных мигрантов. Приведенные в статье показатели численности мигрантов базируются на оценке потоков легальной миграции, однако, помимо зарегистрированных мигрантов в России, как и в других странах мира, есть значительное число недокументированных мигрантов. Точно оценить масштабы нелегальной миграции достаточно сложно в виду того, что подавляющая часть иностранных граждан, приезжают на заработки временно, показатели их численности разрозненны и непостоянны. Например, по данным ФМС России, численность иностранных работников в январе — сентябре 2009 г. составила 2 024,0 тыс. чел. и уменьшилась по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 133,0 тыс. чел. (на 6,2 %). Число незаконных мигрантов в России колеблется в пределах 1,5—12,0 млн чел.¹² По наиболее объективным оценкам в стране незаконно находятся 3 млн иностранцев¹³.

При попытке оценить потоки нелегальной миграции наряду с объективно существующей сложностью проведения вычислений существует определенная путаница в терминологии. По общепринятому определению под нелегальной миграцией понимается миграция, осуществляемая с нарушением миграционного законодательства страны (незаконное пересечение границы, нарушение визового режима, наличие поддельных документов и др.). Однако отсутствие визового режима между Россией и рядом республик бывшего СССР позволяет потоку мигрантов попадать в страну легальными путями. В 2000-е гг. в зарубежной и отечественной науке стал более широко использоваться термин «недокументированная» или «неучтенная» миграция. Термин был предложен международными организациями, в том числе International Organization for Migration и Международной организацией труда, которые поддерживали идею о том, что многие трудовые мигранты, не имеющие разрешений на работу, зачастую прибывают в страны приема на законных основаниях¹⁴. Термин «недокументированная миграция» в настоящее

время вошел в практику регулирования миграции и широко используется в нормативно-законодательных документах.

Проблема недооценки реальных миграционных потоков является весьма актуальной не только для России в целом, но и для Республики Татарстан в частности. Так, по данным УФМС России по Республике Татарстан, в 2011 г. республика выслала за пределы Российской Федерации 529 нелегальных мигрантов, в 2012 г. — 415 чел., за 9 месяцев 2013 г. число выдворенных мигрантов уже составило 1 192 чел.¹⁵ Более того, число правонарушений в сфере миграции, пусть и не значительно, но возрастает. Если в 2011 г. должностными лицами УФМС России по РТ за правонарушения в сфере миграции было составлено 18 179 протоколов об административных правонарушениях, то в 2012 г. этот же показатель составил 18 341, а за 9 месяцев 2013 г. — 14 366¹⁶. Характерно, что ежегодно официальная квота на выдачу разрешений на работу в республике выбирается не более чем на 40 %, при том что явных признаков дефицита в иностранной рабочей силе не наблюдается¹⁷.

Изменения в квалификационной структуре мигрантов. Общепринято, что мигранты имеют низкую квалификацию и претендуют на малоквалифицированные работы. Для трудовых мигрантов, как правило, отводятся работы качества «3D» по определению International Labor Organization — грязная, опасная и унижающая достоинство (dirty, dangerous, degrading). Иными словами, трудовым мигрантам, как правило, предлагаются рабочие места, на которые не претендуют местные рабочие. Однако Россия в отношении мигрантов повторяет скорее правило «песочных часов», заполняя самые нижние и самые верхние экономические страты¹⁸. При этом динамика структуры распределения иностранных работников по отраслям российской экономики отчетливо отражает общемировую тенденцию опережающего роста сферы услуг по сравнению со сферой материального производства. Так, в крупных городах России преобладающими сферами приложения труда нелегальных мигрантов становятся те, что связаны со строительными и ремонтными работами, деятельностью в сфере торговли и услуг. В Татарстане по заявленной потребности в иностранной рабочей силе на 2009 г., 55 % мигрантов были привлечены в строительство, 18 % — на транспорт, 8,7 % — в обрабатывающую про-

мышленность, 5,6 % — в торговлю и общепит¹⁹. Повышенный спрос на иностранную рабочую силу традиционно есть в сферах занятости с тяжелыми, опасными условиями труда и низким уровнем оплаты. Это можно объяснить наличием дефицита в рабочих массовых профессиях, являющегося результатом роста профессиональных притязаний россиян, непопулярностью ряда «синеворотничковых» специальностей, нежелание молодежи получать рабочую квалификацию и в дальнейшем работать по специальности.

В последние годы наметилась тенденция к росту потребности в трудовых мигрантах, имеющих высокопрофессиональную квалификацию. В Татарстане среди заявленных 23 460 должностей, на которые планировалось привлечь иностранных специалистов в 2013 г. 6,95 % составляли позиции, требующие высокого уровня образования и квалификации (главные бухгалтера, директора предприятий, ведущие инженеры, врачи, архитекторы, энергетики, начальники отделов). Общая заявленная потребность в высокопрофессиональных специалистах составила 1 631 чел. при средней заработной плате 25 тыс. руб. Для сравнения: в 2011 г. потребность в квалифицированных кадрах составляла 5,07 % от общей потребности в иностранных работниках или 1 351 чел. Эти показатели демонстрируют незначительное увеличение потребности в высококвалифицированных сотрудниках, однако такая тенденция демонстрирует растущее противоречие с тезисом о том, что трудовые мигранты не претендуют на позиции, которые могут быть закрыты отечественными специалистами. Проблема роста потребности в высококлассных иностранных сотрудниках, в силу своей многоаспектности, требует комплексного подхода, учитывающего как интересы и трудовые притязания жителей республики, так и объективные нужды предприятий.

В XXI в. наметившиеся тенденции растущей миграции и перемещения рабочих мест по всему миру в рамках глобальных цепей поставок позволяют высказать предположения о начале формирования нового глобального рынка труда. Место России в целом, и Республики Татарстан в частности, в формирующемся международном разделении труда будет зависеть от сложившихся практик по привлечению трудовых мигрантов и от локальных особенностей экономики, потребностей производства. Выдвинутый ООН

тезис о том, что «международная миграция рабочей силы оказывает благоприятное воздействие на рост и развитие, как в странах-источниках рабочей силы, так и в странах назначения»²⁰ нуждается в теоретико-методологическом осмыслении. Любое утверждения о благоприятном воздействии должно уравниваться анализом местных, национальных условий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пресс-релиз ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (дата обращения: 27.04.2014).

² См.: Миграция и денежные переводы: цифры и факты — 2011: стат. справ. Изд-во Всемир. банка, 2011. 275 с.

³ См.: International Organization for Migration. URL: <http://www.iom.int/cms/en/sites/iom/home/what-we-do/labour-migration.html> (дата обращения: 26.05.2013).

⁴ См.: Тезисы о внешней политике России (2012—2018 гг.). URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=618#top (дата обращения: 06.08.2013).

⁵ См.: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/-/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения: 06.08.2013).

⁶ См.: Марков А. Прирост трудовых мигрантов в Татарстане по сравнению с прошлым годом увеличился на 70 %. URL: <http://www.iarex.ru/news/35503.html> (дата обращения: 05.06.2013).

⁷ См.: Казани сократили квоту на трудоустройство мигрантов более чем в 10 раз. URL: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/17/03/2014/911476.shtml (дата обращения: 27.04.2014).

⁸ См.: Всемирный банк: переводы мигрантов важнее иностранной помощи. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/migrant-remittances/1762811.html> (дата обращения: 27.04.2014).

⁹ См.: Козловский В. Поназарабатывали тут. URL: <http://www.rg.ru/2012/11/22/perevodi-site.html> (дата обращения: 26.07.2013).

¹⁰ См.: Сухорукова Н. Миграционный нарост. URL: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-24193.htm> (дата обращения: 25.07.2013).

¹¹ См.: Наумов И. Охота на мигрантов // Изв. Татарстана. 2013. № 30. 16—22 авг. С. 1.

¹² См.: Мукомель В. Экономика нелегальной миграции в России. URL: <http://www.demography.ru/xednay/demography/migration/illegalmukomel.html> (дата обращения: 07.05.2013); Вяткина Н. Как из нелегальных мигрантов делают легальных // Наш дом Татарстан. 2008. № 1. С. 15; В аппарате Уполномоченного обсудили медико-социальные проблемы трудовой миграции в Республике Татарстан. URL: <http://upch.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/133796.htm> (дата обращения: 06.08.2013).

- ¹³ См.: Сухорукова Н. Миграционный нарост ...
- ¹⁴ Вяткина Н. Как из нелегальных мигрантов делают легальных ...
- ¹⁵ См.: Основные показатели деятельности УФМС России по Республике Татарстан. Статистические данные. URL: <http://ufms.tatarstan.ru/rus/statistika.htm> (дата обращения: 12.09.2013).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: В аппарате Уполномоченного обсудили медико-социальные проблемы трудовой миграции ...
- ¹⁸ См.: Пит' В.В. Коммуникативные стратегии иностранных работников в контексте протестного настроения населения. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM.
- ¹⁹ См.: Козловский В. Поназарабатывали тут ...
- ²⁰ Доклад о мировом социальном положении, 2007 год: императив занятости. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2007/11/29/1483> (дата обращения: 06.08.2013).

Поступила 20.11.2013.

REFERENCES

- ¹ Sm.: Press-reliz OON. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (data obrashhenija: 27.04.2014).
- ² Sm.: Migracija i denezhnye perevody: cifry i fakty — 2011: stat. sprav. Izd-vo Vsemir. banka, 2011. 275 s.
- ³ Sm.: International Organization for Migration. URL: <http://www.iom.int/cms/en/sites/iom/home/what-we-do/labour-migration.html> (data obrashhenija: 26.05.2013).
- ⁴ Sm.: Tezisy o vneshnej politike Rossii (2012—2018 gg.). URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=618#top (data obrashhenija: 06.08.2013).
- ⁵ Sm.: Predpolozhitel'naja chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii do 2030 g. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics-publications/catalog/doc_1140095525812 (data obrashhenija: 06.08.2013).
- ⁶ Sm.: Markov A. Prirost trudovyh migrantov v Tatarstane po sravneniju s proshlym godom uvelichilsja na 70 %. URL: <http://www.iarex.ru/news/35503.html> (data obrashhenija: 05.06.2013).
- ⁷ Sm.: Kazani sokratili kvotu na trudoustrojstvo migrantov bolee chem v 10 raz. URL: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/17/03/2014/911476.shtml (data obrashhenija: 27.04.2014).
- ⁸ Sm.: Vsemirnyj bank: perevody migrantov vazhnee inostrannoju pomoshhi. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/migrant-remittances/1762811.html> (data obrashhenija: 27.04.2014).
- ⁹ Sm.: Kozlovskij V. Ponzarabatyvali tut. URL: <http://www.rg.ru/2012/11/22/perevodi-site.html> (data obrashhenija: 26.07.2013).

- ¹⁰ Sm.: Suhorukova N. Migracionnyj narost. URL: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-24193.htm> (data obrashhenija: 25.07.2013).
- ¹¹ Sm.: Naumov I. Ohota na migrantov // Izv. Tatarstana. 2013. № 30. 16—22 avg. С. 1.
- ¹² Sm.: Mukomel' V. Jekonomika nelegal'noj migracii v Rossii. URL: <http://www.demography.ru/xednay/demography/migration/illegalmukomel.html> (data obrashhenija: 07.05.2013); Vjatkina N. Kak iz nelegal'nyh migrantov delajut legal'nyh // Nash dom Tatarstan. 2008. № 1. S. 15; V apparate Upolnomochennogo obsudili mediko-social'nye problemy trudovoj migracii v Respublike Tatarstan. URL: <http://upch.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/133796.htm> (data obrashhenija: 06.08.2013).
- ¹³ Sm.: Suhorukova N. Migracionnyj narost ...
- ¹⁴ Vjatkina N. Kak iz nelegal'nyh migrantov delajut legal'nyh ...
- ¹⁵ Sm.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti UFMS Rossii po Respublike Tatarstan. Statisticheskie dannye. URL: <http://ufms.tatarstan.ru/rus/statistika.htm> (data obrashhenija: 12.09.2013).
- ¹⁶ Tam zhe.
- ¹⁷ Sm.: V apparate Upolnomochennogo obsudili mediko-social'nye problemy trudovoj migracii ...
- ¹⁸ Sm.: Pit' V.V. Kommunikativnye strategii inostrannyh rabotnikov v kontekste protestnogo nastroyeniya naselenija. Sociologija i obshhestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: materialy IV Ocherednogo Vseros. sociol. kongressa / ROS, IS RAN, AN RB, ISPPI. M.: ROS, 2012. 1 CD ROM.
- ¹⁹ Sm.: Kozlovskij V. Ponzarabatyvali tut ...
- ²⁰ Doklad o mirovom social'nom polozhenii, 2007 god: imperativ zanjatosti. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2007/11/29/1483> (data obrashhenija: 06.08.2013).

A. A. Salatova. Migration to a Region: Local Manifestations of Regional Trends

Global geopolitical changes in the middle and the second half of the twentieth century led to a qualitative transformation of the structure of migration flows. With the development of modern means of communications, transport, simplification of bureaucratic procedures of crossing state borders, a significant part of the population of the planet became involved in migration processes. So, according to the World Bank, in 2011, more than 215 million inhabitants of the earth were migrants and the leader by the number of migrants entering the country were the United States, the runner-up was Russia, and Germany was the third.

Currently, the following main global migration trends are formed: the growing number of illegal migrants, intensification of processes of labor migration, changes in the qualification structure of migrants. While in the trend of the main tendencies in the field of migration of the population, the Russian Federation has constituent regions of heterogeneous levels of

socio-economic development and geopolitical position. In this respect, global trends have peculiarities of their local manifestations in every region of the country.

The paper analyzes the main manifestations of the global migration trends with respect to the situation in the Republic of Tatarstan. Tatarstan is a well developed region of Russia, actively involved in the world socio-economic and cultural processes in terms of the volume of foreign trade turnover, availability of free economic zones, representative offices and branches of foreign companies; participation in the world cultural and sports events (Festival of Islamic Cinema, World Summer Universiade); inflow of foreign workers to the regional labor market; establishment of representative offices of the Republic abroad, etc. The considered trends differ in the dynamics and intensity of their manifestation at the local level; however, being relative stable, they have a significant cumulative impact on the situation in the Republic.

SALATOVA Aleksandra Aleksandrovna, Postgraduate, Department of Sociology, Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russian Federation).



Е. Н. ЖАРОВА

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ИНДЕКСА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, индекс развития человеческого потенциала, благосостояние, доход, общество, бедность

Key words: quality of life, standard of living, index of human potential development, wealth, income, society, poverty

В статье исследованы категории «качество жизни», «уровень жизни» и «человеческий потенциал». Проведен анализ уровня жизни населения Республики Мордовия с использованием индекса развития человеческого потенциала с 2006 г. по 2012 г. дан вывод о поступательном развитии социально-значимых показателях в регионе.

The paper considers the categories «quality of life», «standard of living» and «human potential». The standard of living of the population of the Republic of Mordovia was analyzed with the use of the index of human potential development from 2006 to 2012; the author draws a conclusion about progressive development of socially important performance in the region.

Экономика государства как финансово-хозяйственная сфера деятельности является системой, оказывающей всеобъемлющее влияние на жизнедеятельность отдельного индивида и общества в целом. Направления экономической политики государства, а также достижение определенных приоритетных целей, оказывают непосредственное влияние на экономический рост, благосостояние населения, национальное богатство страны. Уровень жизни является базовым аспектом человеческого развития. Степень развития любого общества можно определить по уровню благоприятных условий для жизни населения. На уровень жизни оказывает влияние ряд факторов, среди которых выделяются доходы, работа, образование, здравоохранение, культурная жизнь,

ЖАРОВА Елена Николаевна, доцент кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

свободное время и окружающая среда. При этом некоторые из этих характеристик легко измерить, другие — сложно.

В концепции человеческого развития понятие «уровень жизни» рассматривается во всей совокупности взаимозависимых социально-экономических условий, обеспечивающих его количественные и качественные показатели. Основными из этих показателей являются доходы, жилищные условия, показатели здоровья и образования, условия труда, продолжительность рабочего и свободного времени, доступность социального обеспечения и защищенность от рисков утраты средств к существованию.

Понятие уровня жизни достаточно тесно взаимосвязано с категорией качества жизни. Под последней понимают степень удовлетворенности человека социальными, политическими и духовными аспектами жизни, которые зависят от того или иного вида деятельности и от сферы приложения труда, в соответствии с чем индивидуальное благосостояние включает в себя экономическое положение человека и качество его жизни¹.

Проблеме повышения уровня жизни общества посвящено множество научных исследований отечественных и зарубежных ученых, в силу того, что человеческий фактор играет основную роль в развитии экономики, ее перехода на качественно новый, инновационный уровень. Научный интерес представляют состав и структура человеческого потенциала. О. И. Иванов определяет человеческий потенциал, как «особого рода социально-биологическую целостность, которая по своей структуре включает следующие основные компоненты и отношения между ними: демографическую компоненту; компоненту здоровья; образовательную; трудовую; культурную; гражданскую; духовно-нравственную»².

Интегральным показателем, с помощью которого проводятся ежегодные измерения уровня жизни населения различных территорий, является индекс развития человеческого потенциала. С 2010 г. ИРЧП был дополнен тремя индикаторами — индексом человеческого развития, скорректированного с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), индексом гендерного неравенства (ИГН) и Индексом многомерной бедности (ИМБ).

Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН) раз-

работан британским экономистом Э. Б. Аткинсоном и представляет собой оценку неравенства в здоровье, образовании и доходе, он помогает оценить уровень развития всех сегментов общества. ИГН отражает неравенство в возможностях достижений между мужчинами и женщинами в репродуктивном здоровье, расширении прав и возможностей, а также на рынке труда. Этот индекс был представлен Секретариатом Всемирного экономического форума в Женеве в 2010 г. и используется с этого же года ООН в докладе о качестве жизни населения. ИМБ исследует факторы на более низком уровне — микроуровне. К таковым относятся наличие или отсутствие экологических проблем (возможность использования чистой воды, уровень загрязнения воздуха и т. д.), наличие необходимых для жизнедеятельности лекарств, медицинских услуг, а также различные блага домохозяйств.

В нашем исследовании динамики индекса развития человеческого потенциала в Республике Мордовия три достаточно новых индекса рассчитать представляется сложной и трудоемкой задачей, в силу отсутствия необходимых статистических данных.

Нами уже проводилось исследование качества жизни в республике с 2006 по 2008 г. с помощью применения индекса развития человеческого потенциала³. Здесь мы дополним это исследование и проанализируем развитие региона по качеству жизни за период с 2006 по 2012 г. Совокупный индекс развития человеческого потенциала состоит из индексов продолжительности жизни, достигнутого уровня образования и валового регионального продукта. В табл. 1 приведены данные, необходимые для расчета ИРЧП, основанные на статистических данных, с 2006 по 2012 г. в Мордовии.

За исследуемый период прослеживается положительная динамика по ожидаемой продолжительности жизни, индексу грамотности, валовой региональный продукт, реальный ВРП, что говорит об экономическом развитии региона, повышении доходов на душу населения. Рост ожидаемой продолжительности жизни обусловлен улучшением качества здравоохранения, увеличение индекса грамотности предполагает количественный рост грамотного населения Мордовии, который достигает 100 % охвата населения. Однако индекс совокупной доли учащихся имеет тенденцию к снижению с 0,19 в 2006 г. до 0,135 в 2012 г. Такая динамика обуслов-

лена снижением рождаемости, и соответственно, снижением числа учащихся.

Таблица 1

**Динамика показателей, необходимых
для расчета ИРЧП в Республике Мордовия**

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Ожидаемая продолжительность жизни ⁴	67,75	68,4	68,51	69,06	69,25	70, 11	70,5
Индекс грамотности ⁵	0,894	0,901	0,906	0,995	0,998	0,995	0,995
Индекс совокупной доли учащихся	0,19	0,18	0,17	0,138	0,136	0,135	0,135
Индекс потребительских цен ⁶	108,7	108,6	114,3	109,1	109,5	105,1	106,0
ВРП (в основных ценах), млн руб. ⁷	56 735,9	74 822,3	96 529,6	90 862,1	10 5343,8	126 835,6	140 123 ⁸
Реальный ВРП, млн руб.	51 799,87	68 387,58	82 725,86	82 593,64	95 336,13	120 366,98	131 715,62
По паритету покупательной способности, млн долл.	1 912,140	2 524,45	3 053,74	2 557,24	2 951,77	3 726,77	4 078,14

Сводная таблица индексов, а также динамика ИРЧП с 2006 по 2012 г. по Мордовии представлена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика сводных индексов и ИРЧП

Показатель индекса	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Индекс продолжительности жизни	0,712	0,723	0,725	0,734	0,735	0,751	0,758
Индекс достигнутого уровня образования	0,658	0,659	0,659	0,7	0,71	0,7	0,7
Индекс ВРП	0,492	0,538	0,570	0,5383	0,565	0,604	0,619
ИРЧП	0,620	0,640	0,651	0,657	0,67	0,685	0,692

Анализ динамики ИРЧП Республики Мордовия показывает, что все индексы имеют тенденцию к увеличению. Положительная динамика индекса продолжительности жизни является следствием эффективной социальной политики, проводимой в регионе, которая способствует достижению успехов в борьбе со смертностью и увеличению продолжи-

тельности жизни. Рост продолжительности жизни является следствием экономического развития, научного прогресса, особенно в области медицины, а также роста гигиенической культуры населения. Индекс достигнутого уровня образования также является следствием научного прогресса, способности к обучению, развития взаимосвязей между поколениями, накопления и переработки знаний. ВРП является конечным результатом производственной деятельности региона и характеризует сферу производства и потребления товаров и оказания услуг, и сферу распределения доходов. Динамика индекса ВРП Мордовии за исследуемый период тоже имеет положительную тенденцию, что является следствием социально-экономического роста региона.

По методике ПРООН предел ИРЧП от 0,5 до 0,8 считается средним уровнем развития региона. Однако за семь лет этот индекс неуклонно увеличивался и достиг к 2012 г. 0,69 (в 2006 г. — 0,62) и стал составлять почти 0,7. Поэтому необходимо отметить неуклонное развитие социально-значимых показателей региона, влияющих на повышение уровня жизни его населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лига М.Б. Качество жизни как основа социальной безопасности. М.: Гардарики, 2006. С 34—35.

² Иванов О.И. Человеческий потенциал современной российской экономики // Социология и социальная антропология. 2012. № 1. С. 145.

³ См.: Жарова Е.Н. Анализ качества жизни в Республике Мордовия за период с 2006 г по 2008 г. с помощью применения ИРЧП // Регионоведение. 2009. № 2. С. 236—242.

⁴ Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 105.

⁵ Показатель рассчитан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года. Входит в интегрированный показатель «Место Российской Федерации в международном рейтинге по индексу развития информационных технологий» государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)». URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 07.10.2013).

⁶ См.: Российская Федерация / Республика Мордовия / Индекс потребительских цен. URL: <http://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 07.10.2013).

⁷ См.: Республика Мордовия / Валовой региональный продукт. URL: <http://knoema.com/atlas/Russian Federation> (дата обращения: 07.10.2013); Концепция Государственной программы по улучшению демографической си-

туации в Республике Мордовия до 2018 года. URL: <http://www.e-mordovia.ru> (дата обращения: 11.10.2013).

⁸ Программа развития Республики Мордовия на 2013—2018 годы (предварительная оценка). URL: <http://knoema.com/atlas/Russian Federation> (дата обращения: 09.10.2013).

Поступила 31.10.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Liga M.B. Kachestvo zhizni kak osnova social'noj bezopasnosti. M.: Gardariki, 2006. S. 34—35.

² Ivanov O.I. Chelovecheskij potencial sovremennoj rossijskoj jekonomiki // Sociologija i social'naja antropologija. 2012. № 1. S. 145.

³ Sm.: Zharova E.N. Analiz kachestva zhizni v Respublike Mordovija za period s 2006 g po 2008 g. s pomoshh'ju primenenija IRChP // Regionologija. 2009. № 2. S. 236—242.

⁴ Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2010: stat. sb. / Rosstat. M., 2010. S. 105.

⁵ Pokazatel' rasschitan po dannym Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. Vhodit v integrirovannyj pokazatel' «Mesto Rossijskoj Federacii v mezhdunarodnom rejtinge po indeksu razvitija informacionnyh tehnologij» gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Informacionnoe obshhestvo (2011—2020 gody)». URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 07.10.2013).

⁶ Sm.: Rossijskaja Federacija / Respublika Mordovija / Indeks potrebitel'skih cen. URL: <http://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 07.10.2013).

⁷ Sm.: Respublika Mordovija / Valovoj regional'nyj produkt. URL: <http://knoema.com/atlas/Russian Federation> (дата обращения: 07.10.2013); Konceptija Gosudarstvennoj programmy po uluchsheniju demograficheskoj situacii v Respublike Mordovija do 2018 goda. URL: <http://www.e-mordovia.ru> (дата обращения: 11.10.2013).

⁸ Programma razvitija Respubliki Mordovija na 2013—2018 gody (predvaritel'naja ocenka). URL: <http://knoema.com/atlas/Russian Federation> (дата обращения: 09.10.2013).

E. N. Zharova. Standard of Living of the Population of a Region in the Context of the Index of Human Potential Development

A priority direction of economic development of the state is to increase prosperity of the society and the quality of life of the population, which determines the relevance of the research topic. Developed directions of economic policy of the state in this area have a direct impact on economic growth of the state and on the increase of national wealth, and the standard of living is a basic aspect of human development.

The degree of development of any society can be identified by the fact, whether favorable conditions for life of the population are created or

not, which include a number of factors: income, education, health, cultural life, leisure time, and the environment. At the same time, according to certain characteristics of the standard of living, one can make calculations and evaluate them; and some indicators are impossible to measure, or the calculation made will not give objective results.

The author investigated the categories of quality and standard of living, analyzed the interconnection of these categories, defined factors directly affecting their composition and structure. The author also studied the concept of human potential, the technique of calculation of index of human development taking into account the index of life expectancy, the index of achieved level of education, and the index of the gross regional product. The analysis of the dynamics of living standards was made with the use of the index of human development in the Republic of Mordovia for the period from 2006 to 2012. The dynamics of the indicators necessary for calculation of the index of human development in the Republic of Mordovia is also presented.

ZHAROVA Elena Nikolayevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance and Credit, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Ж. Ю. БАКАЕВА, А. В. ЗАХРЯПИН, А. В. ПЕТУХОВ **ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО СОЦИУМА**

Ключевые слова: информационный социум, тенденции, социосистемы, темпоральность, бифуркация, принцип Хессига, цивилизация, системно-структурное взаимодействие

Key words: information society, trends, social systems, temporality, bifurcation, Hessig principle, civilization, systemic and structural interaction

В статье рассматриваются проблемы информационного социума в системе информационной деятельности и технологий. Динамика социосистем рассматривается как целенаправленное, многоэтапное преобразование информации, как регулирование, обеспечивающее подвижное равновесие системы со средой.

The paper examines the problems of information society in the system of information activities and technologies. Dynamics of social systems is considered as targeted, multi-step conversion of information, as regulation providing mobile equilibrium of the system and the environment.

По мере того как знания и техническая компетентность становились неременным условием восходящей социальной мобильности, ее основой становилось образование. В целом противоречия информационного общества можно определить как дисбаланс между гуманитарными и физическими технологиями, взаимоотношениями техники, информации и человека, техники и природы, чрезмерной глобализацией информационных процессов, практической ограниченностью обобщенных ресурсов и теоретической неограниченностью обобщенных потенциалов развития. Поэтому современную цивилизацию можно определить как исторически и географически конкретный способ взаимодействия человека с окружающей средой, который может быть представлен как

БАКАЕВА Жанна Юрьевна, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Мордовского гуманитарного института, доктор философских наук.

ЗАХРЯПИН Алексей Викторович, доцент кафедры правовых дисциплин Мордовского государственного педагогического института, кандидат философских наук.

ПЕТУХОВ Алексей Валентинович, доцент кафедры регионоведения и политологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

совокупность физических (производящих) и гуманитарных (не производящих, «управляющих») технологий. Физические технологии взаимодействуют с физическим пространством, физическим (внешним) временем, материей и объективными, но не зависящими от наблюдателя смыслами и в совокупности с вещественными результатами производства образуют материальное пространство цивилизации — техносферу. Гуманитарные технологии в свою очередь работают с информационными сущностями, внутренним временем, цивилизационной трансценденцией и личными (субъективными) смыслами и в совокупности образуют информационное пространство цивилизации — «инфосферу», которая включает культуру, религию, идеологию и науку.

Информационные социосистемы, объединенные определенными принципами, дифференцируются пределами сложности и бедности. Это две противоположные точки в модели развития информационного общества. *Предел сложности* возникает при дефиците или неразвитости необходимой «гуманитарной» (управляющей) технологии и представляет собой ту степень структурной переизбыточности цивилизации, при которой ее связность резко падает, а совокупность «физических» технологий теряет системные свойства. В этом случае культура не успевает адаптировать человека к вновь возникающим инновациям и техническая периферия цивилизации начинает развиваться хаотически. Это приводит к рассогласованию человека и техносферы, человека и государства, человека и общества, результатом чего является активизация динамики катастроф. *Предел бедности* возникает при отсутствии или недостаточной развитости необходимой на данной фазе цивилизации «физической» технологии и представляет собой то крайнее состояние, при котором системную связность теряют уже «гуманитарные» технологии. Это также приводит к внутреннему рассогласованию цивилизации и, как следствие, к возрастанию динамики катастроф.

По мнению Дж. Форрестера, оба предела образуют поверхности в пространстве решений, которые цивилизация не может преодолеть без разрушения своей жизнеобеспечивающей структуры. Если вектор развития пересекает одну из этих предельных поверхностей, глобальный структурный кризис является неизбежным. Дальнейшая трансформация социальной сферы информационного общества приводит к

его дифференциации либо в положительную, либо в отрицательную сторону, поэтому необходимо показать динамику социальных последствий информатизации¹. Хессигом определены два крайних уровня общей системы дифференциации социальных процессов. Структура информационного общества (информационный поток, информационная деятельность и информационная технология) проецируется на информационные социосистемы. Таким образом, можно выделить взаимосвязь между структурными уровнями информационного общества (срез по горизонтали) и между уровнями в структуре социосистем, из которых оно формируется (срез по вертикали)².

Основными характеристиками информационного общества являются «социализация информации» — увеличение влияния информации на социальную сферу; «преодоление кризиса цивилизации» — создание предпосылок для разрешения глобального экологического кризиса, решение проблемы устойчивого развития цивилизации в целом; «снижение культурного уровня» — развитие информационной среды, создающей предпосылки для повышения культурного уровня (доступ по сетям к сокровищам библиотек, музеев); «элитарное знание» — опасность поляризации знаний в обществе, возможное накопление их в узком «верхнем» общественном слое — элите (политической, экономической и т. п.); «изоляция индивида» — без общественного регулирования информатизация может привести к тому, что люди начнут общаться, как правило, опосредованно, виртуально через компьютер; «выравнивание иерархии власти» в информатизируемом обществе должно происходить за счет вовлечения большего числа людей в политику, создания условий для повышения их социального статуса; государство — «надзиратель» — Левиафан, опирающееся на компьютерные технологии, с помощью которых возможен контроль не только за поведением, но и за мыслями людей: если государство не будет создавать условия для воспитания интеллектуального человека, то получит массу легко управляемых, прогнозируемых манкуртов; «повышение компетентности» и ее альтернатива — «деквалификация»; «появление новых и исчезновение профессий, появление новых, более интеллектуальных профессий, не исключает информацию об исчезающих технологиях и социальных

структурах, обеспечивавших их реализацию; «национальная независимость» и уязвимость. Высокий уровень развития информатизации, интеллекта нации позволяет государствам выходить на пределы национальной независимости. Для общества, вступившего в фазу информатизации, фактор технологического отрыва становится более весомым, чем численное превосходство армии. Прежде всего, этот фактор проявляется в технологии информационно-обменных процессов. Понятия «психологическая война», «пси-оружие», «утечка мозгов», «зомбирование» и т. п. наполняются реальным содержанием³.

Новый тип современного общества требует системно-структурного взаимодействия социосистем в рамках определенно-заданной темпоральности. Последнюю в структуре информационного общества необходимо представить матрицей, которую следует рассматривать, во-первых, как характеристику соответствующих масштабов временен, ритмов, темпов перемен, форм синхронизации информационного общества (целостный поток технологической формы движения материи (механотехнологическая, физико-технологическая, химико-технологическая, биотехнологическая); технологическое движение вещества, энергии и информации, в соответствии с этапами информационно-технологических изменений (получение, преобразование, транспортировка, накопление и хранение)). Во-вторых, как соответствующие измерения и ценностно-временные ориентации в его рамках.

Первое рассматривается в горизонтальной среде взаимодействия социосистем в социо- (совокупность социальных институтов), техно- (совокупность систем производства) и инфосферах (совокупность коммуникативных каналов). Взаимосвязь информационных уровней в рамках управления в условиях хаоса, нестабильности и рыночной стихии имеет сложный механизм. По У. Уиверу, «это объясняется тем, что условия функционирования организаций меняются гораздо быстрее, чем возможность их теоретического описания, обобщения и осмысления»⁴. Динамичный рост сложности всех сфер деятельности актуализирует задачу управления. Это обусловлено недостатками классической рациональности, связанной с научным разумом, абсолютизацией «я мыслю», с недооценкой человеческой субъективности и иррациональности, а также необходимостью новой парадигмы

управления, основанной на единстве кибернетического и синергетического подходов в русле целостной системной методологии. Активное самодвижение социосистем, выбор их траектории, поведения ведет к тому, что управляющий объект оказывает такое воздействие на управляемый, при котором последнему необходимо изменить свое поведение, чтобы достигнуть определенного состояния, цели. Отсюда имеет место феномен выбора информации.

Механизм управления включает два контура воздействий и движения информации: замкнутый контур регуляции, обеспечивающий устойчивость и динамическое равновесие системы со средой — гомеостазис, связанный с воспроизводством устойчивых состояний системы, сохранением ее качественной определенности; контур самоорганизации, связанный с отбором и закреплением полезных изменений системы, ее переходом к качественно новым состояниям и возможностям, т. е. с развитием.

Структура системы управления всегда связана с ее функцией. В первом случае контур регуляции — это состояние, при котором социосистема находит наиболее устойчивое положение, так как при соотношении информационного объема и информационного содержания в рамках определенного временного периода социосистема функционирует, проявляя специфический способ поведения во взаимодействии с другими объектами, со средой. В этом случае действует принцип устойчивости, который определяет эффективно-выгодное и согласованное коллективное решение систем. Сложность поведения системы соответствует сложности ее структуры и разнообразию функций. При этом управление смыкается с избирательным действием, что способствует интеграции системы, сохранению ее целостности. Движение социосистем «по горизонтали» определяется процессом, при котором реализуется фиксированная цель в рамках достаточно стабильного качественного состояния, отражающего устойчивые связи и взаимодействия между сосуществующими свойствами, элементами, процессами (децентрализация, концентрация, дегуманизация, социализация и т. д.).

Таким образом, развитие социосистемы связано с изменением ее целей. Базой развития является самовоспроизведение составляющих систему элементов и функций, поэтому оно детерминировано, «управляется» изнутри, а

не извне. Среда, окружение могут играть роль «пускового механизма» в этом процессе и влиять на свойства системы через механизмы адаптации и усложнения форм отражения и ассимиляции внешних воздействий посредством трансформации структуры и организации системы. Анализ динамики социосистем с прохождением устойчивых состояний, взаимодействия с окружающей средой рассматривается как целенаправленное, многоэтапное преобразование информации, как регулирование, обеспечивающее подвижное равновесие системы со средой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Борисов В.Н. Типы рефлексии в научном познании // Методологические проблемы науки. Новосибир., 1976. 324 с.

² См.: Хессиг Р. Проблемы информационного общества в методологии познания. М., 2005. 450 с.

³ Там же.

⁴ См.: Уивер У. особенности и тенденции развития информационного общества. М.: Прогресс, 2006. 234 с.

Поступила 26.02.2014.

REFERENCES

¹ Sm.: Borisov V.N. Tipy refleksii v nauchnom poznanii // Metodologicheskie problemy nauki. Novosib., 1976. 324 s.

² Sm.: Hessig R. Problemy informacionnogo obshhestva v metodologii poznaniya. M., 2005. 450 s.

³ Tam zhe.

⁴ Sm.: Uiver U. osobennosti i tendencii razvitija informacionnogo obshhestva. M.: Progress, 2006. 234 s.

Zh. Yu. Bakaeva, A. V. Zakhryapin, A. V. Petukhov. Features and Tendencies of Development of Information Society

The paper considers the issues of information society in the system of information activities and technologies. The transformation of the social sphere of the information society leads to its differentiation either positive, or negative, so it is necessary to show the dynamics of the social impact of informatization. The control mechanism includes two loops of influence and flow of information: the closed loop of regulation providing stability and a dynamic equilibrium with the environment — homeostasis associated with reproduction of stable states of the system, with preservation of its qualitative definiteness; the loop of self-organization associated with

selection and consolidation of useful changes of the system, its transition to a qualitatively new conditions and opportunities i. e. with development. A new type of modern society requires a systemic and structural interaction of social systems in the framework of a given temporality. The latter should be presented in the structure of the information society as a matrix to be considered, firstly, as a characteristic of the appropriate temporal scale, rhythms and pace of change, forms of synchronization of the information society (integral flow of technological forms of motion of matter (mechanic and technological, physical and technological, chemical and technological, biotechnological); technological motion of matter, energy and information, in accordance with the stages of the information and technological change (acquisition, transformation, transportation, accumulation and storage)). Secondly, as appropriate dimensions and value and temporal orientations within its framework.

The analysis of dynamics of social systems with the passage of stable states, interaction with the environment is considered as a targeted, multi-step conversion of information, as regulation providing mobile equilibrium of the system and the environment.

БАКАЕВА Zhanna Yurievna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of the Humanities, Mordovian Institute for the Humanities (Saransk, Russian Federation).

ЗАХРЯПИН Alexei Viktorovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation).

ПЕТУХОВ Alexei Valentinovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Regional Studies and Political Science, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



С. Г. УШКИН

ТОНАЛЬНОСТЬ ДИСКУРСОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ (ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ) ПОЛИТИКИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА¹

Ключевые слова: дискурс, национальная политика, этнокультурная политика, средства массовой информации

Key words: discourse, national policy, ethno-cultural policy, mass media

В статье рассматриваются проблемы национального (этнокультурного) дискурса в средствах массовой информации Приволжского федерального округа. Проанализирована тональность публикуемых материалов, рассмотрены их структурные и содержательные особенности.

The paper considers issues of national (ethnic and cultural) discourse in mass media of the Volga Federal District. The tone of the published materials is analyzed, their structure and content features are considered.

В декабре 2012 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным подписан Указ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Текст документа направлен на «обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан»².

В соответствии с требованиями Указа Правительством Российской Федерации был разработан план мероприятий по приоритетным направлениям национальной политики, состоящий из 82 пунктов. По мнению кабинета министров, «реализация плана мероприятий будет способствовать гармонизации межнациональных отношений, развитию языкового

УШКИН Сергей Геннадьевич, аспирант кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

и этнокультурного многообразия Российской Федерации, популяризации истории и культур народов России, профилактики и раннему предупреждению конфликтов в сфере межэтнических отношений»³.

Особое внимание в этом плане уделяется поддержке средств массовой информации (СМИ), поскольку они представляют собой мощный инструмент сохранения гармонии и согласия в многонациональном российском обществе. В рамках информационного обеспечения национальной (этнокультурной) политики предполагается реализация 16 мероприятий, которые должны минимизировать появление в прессе и на телевидении сообщений, способствующих разжиганию межнациональных конфликтов.

Приволжский федеральный округ (ПФО) входит в число наиболее плотно населенных территорий Российской Федерации и отличается своей многонациональностью и поликонфессиональностью. В состав округа входят 14 субъектов, при этом во многих из них в течение длительного времени этнокультурная политика характеризовалась «значительным разнообразием и не во всем совпадает с официально декларируемой федеральным центром моделью»⁴. За последний год на территории округа произошло несколько резонансных событий, которые заметно актуализировали вопросы национальной (этнокультурной) политики. Среди них наиболее крупным стали бунт в Пугачеве (Саратовская область) после убийства десантника, в котором обвиняют чеченцев, и массовая драка в Нурлате (Татарстан), где участвовали татары, русские и дагестанцы. Вскоре после этого во всех регионах Приволжского федерального округа при органах государственной власти были созданы общественные советы по проблемам межнациональных и межконфессиональных отношений, одной из приоритетных задач которых выступает гармонизация отношений между представителями различных национальностей и религиозных движений⁵.

Рассмотрение дискурса национальной (этнокультурной) политики в СМИ ПФО представляется весьма актуальным ввиду высокого их манипулятивного потенциала, т. е. возможностям целенаправленного управления общественным мнением⁶, ибо любой политический текст создается для «убеждения в некоторой позиции, презентации тех или иных фактов в определенном свете, побуждения к действию»⁷.

Объект нашего исследования — дискурс национальной (этнокультурной) политики в СМИ ПФО, предмет — тональность публикуемых в них материалов (позитивная, нейтрально-сдержанная и негативная). Эмпирический материал представляют размещенные в открытом доступе публикации новостных и информационных порталов, отобранные в соответствии с упоминанием словосочетаний «национальная политика» или «этнокультурная политика». В ходе анализа нами изучен ряд региональных СМИ («Время Н», «Известия Мордовии», «Татар-информ», «Улпресса» и т. д.). Были рассмотрены упоминания о национальной (этнокультурной) политике на протяжении года, начиная с сентября 2012 г. и заканчивая сентябрем 2013 г.

В процессе исследования нам удалось обнаружить за год только десять поисковых запросов по ключевым словам «национальная политика» или «этнокультурная политика» в СМИ ПФО. Освещение этого вопроса производилось в Нижегородской, Самарской и Ульяновской областях, а также республиках Башкортостан, Мордовия и Татарстан. В остальных субъектах ПФО дискурс по теме национальной (этнокультурной) политики либо не ведется, либо присутствует латентно.

Базисным методом исследования был дискурс-анализ, который широко используется социальными науками для оценки того, что «характерно для данной речи и только для нее, выявляющего весь спектр отношений и интересов, стоящих за словом»⁸. Иными словами, он не только позволяет детально рассмотреть лингвистические особенности формирования текста, но и проанализировать настроения в сфере национальной (этнокультурной) политики, выявить их взаимосвязь с социальными изменениями⁹.

Представленные в СМИ материалы можно ранжировать в зависимости от тональности их содержания. Однако необходимо отметить тот факт, что число позитивных сообщений существенно превышает количество негативных. Репрезентация дискурса национальной (этнокультурной) политики в зависимости от позитивного, нейтрально-сдержанного и негативного характера отношения авторов текстов весьма показательна.

Позитивный дискурс. Большинство заголовков представляют собой лаконично сформулированные идиомы «многонаци-

онального государства» и «содружества народов», представляющими основные тезисы национальной (этнокультурной) политики. Здесь мы можем выделить материалы с такими заголовками: «Межнациональное согласие — фактор социальной стабильности», «Дружба народов — не абстрактное понятие» и т. д.

Значительная часть заголовков носит описательный характер и рапортует о складывающейся ситуации в сфере национальных (этнокультурных) отношений. Примером выступают такие материалы, как «Межнациональные отношения в Нижегородской области построены самым лучшим образом», «Время искать общий язык» и т. д.

Заголовки статей содержат четкий коммуникативный месседж, который, во-первых, направлен на формирование толерантного отношения к представителям других национальностей, а, во-вторых, на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений. Основное их предназначение заключается даже не в том, чтобы заинтересовать широкую публику. Они являются своеобразным «рупором» действующей власти, цель которого — доведение до широких слоев населения в форме тезисов основных положений национальной (этнокультурной) политики. Иначе говоря, функция подобных материалов является преимущественно идеологической.

В содержании публикаций особым образом выделяется отношение к вопросам национальной (этнокультурной) политики со стороны лидеров общественного мнения, которыми выступают федеральные и региональные политики, экспертное сообщество, ученые. Обращает на себя внимание, что тексты статей, хотя и содержат понятия «согласие», «стабильность», «дружба», «межнациональная политика», «многонациональность», однако гораздо чаще в материалах поднимается тема миграции, которая прямо или косвенно обозначается как приоритетная для информационного сообщения.

Необходимо отметить, что основой позитивного дискурса является новость-событие, представляющая собой официальную хронику, репортаж с места событий (заседания экспертных групп, проведение научных конференций и т. д.), пресс-релиз. Нередко среди этих материалов мы можем встретить интервью. Поэтому для текстов подобного рода наи-

более характерен дескриптивный дискурс, предполагающий освещение реального положения дел в области национальной (этнокультурной) политики. На втором уровне анализа материалов в большинстве случаев мы можем обнаружить понимание дискурса, сформированного посредством идеологической составляющей.

Если мы рассмотрим каждый из представленных материалов на уровне речевых актов, то увидим, что чаще всего публикации начинаются с асертива-утверждения. В частности, «Межнациональные отношения стали предметом обсуждения представителей органов государственной власти РМ, федеральных силовых ведомств, руководителей региональных национально-культурных автономий и некоммерческих общественных организаций»; «В областном центре завершилась II Международная научная конференция, посвященная вопросам этнокультурного взаимодействия»; «19 ноября 2012 года главный федеральный инспектор по Самарской области Алексей Бендусов провел рабочую встречу с директором Московского Бюро по правам человека, членом экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, членом совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Александром Бродом».

Основная текстовая часть также состоит из асертивов-утверждений — фактологической информации, прямых и косвенных цитат, федеральных и региональных политиков, которые представляют собой соотнесение абстрактной категории «национальная (этнокультурная) политика» с реальным политическим процессом и действиями политических акторов. При этом особый упор делается на акцентуацию того, что событийный контекст санкционирован «сверху».

Заканчиваются публикации комиссивом-обещанием, комиссивом-утверждением плана будущих действий или декларацией намерений. В речевых актах материалов региональных СМИ мы обнаруживаем следующие примеры: «чтобы в дальнейшем не допустить повторения подобных инцидентов, необходимо тщательнее контролировать миграционные процессы», «перед учеными этнологами и представителями власти стоит много вопросов об их (мигрантов) социокультурной адаптации» и т. д.

Немаловажным является тот факт, что дискурс происходит на основании перфекционизма — убежденности в том, что совершенствование национальной (этнокультурной) политики является той целью, к которой стремится государство и региональные власти. Структурно во многих текстах мы наблюдаем триаду «меседж о состоянии дел ранее — меседж об осуществленных мероприятиях — меседж об улучшении положения дел в сфере национальной политики».

Журналисты стремятся не просто вступить в контакт с читательской аудиторией, донести до нее важную информацию о национальной (этнокультурной) политике, но и оказать некое влияние на общественное мнение и духовные ценности, интегрировать в ментальную сферу понятия гармонизации этнокультурных отношений и гражданского самосознания.

Нейтрально-сдержанный дискурс. Вновь обратимся к анализу заголовков. Здесь наиболее отличается от других статей публикация «Пятая графа для Ульяновской области». Словосочетание «пятая графа» отсылает нас к выражению, употребляемому в переносном смысле для обозначения национальности в официальных документах как факта принадлежности к той или иной национальной общности. Можно констатировать, что заголовок информирует нас о том, что в тексте статьи будет пристально рассматриваться национальный вопрос, при этом отсутствуют позитивные или негативные коннотации. Эта статья является в большей степени аналитическим, чем новостным материалом и представляет собой размышления автора по проблемам национальной (этнокультурной) политики. При этом начинается она с экспрессива-утверждения, который посвящен раскрытию проблемы межнациональных отношений на территории Российской Федерации, плавно переходя к рассмотрению того, как решается национальный вопрос в Ульяновской области.

Структурно статья разделена на три смысловых блока, имеющих следующие подзаголовки: «Погромов не было», «Есть нелегалы», «В Багдаде все спокойно». Основная часть статьи представляет собой асертив-утверждение, где мы можем обнаружить собственные наблюдения автора, статистическую информацию о регионе и цитаты экспертов в области национальной (этнокультурной) политики. В частности, в тексте статьи фигурируют такие выражения, как

«считает председатель региональной еврейской национально-культурной автономии Игорь Дабакаров», «заявил прокурор области Сергей Хуртин», что свидетельствует об отнюдь не дилетантском подходе журналиста к описываемому сюжету, поскольку эти два человека имеют в регионе определенный вес.

Публикация заканчивается выводом о том, что, несмотря на пристальный контроль национального вопроса в Ульяновской области со стороны региональных властей, проблема межнациональных отношений имеет место. Поэтому автор, подытоживая все вышесказанное, использует экспрессив-предложение, которое заключается в призыве быть терпимее друг к другу и уважать чужую культуру.

Особо стоит подчеркнуть тот факт, что с понятием «национальная (этнокультурная) политика» в материале четко сопряжено понятие миграции. Это фиксируется еще в лиде статьи, который позволяет читателю выделить три актора, провоцирующих межэтническую напряженность: чеченцев, дагестанцев и кавказцев. В дальнейшем содержание статьи конструируется вокруг лиц кавказской национальности, однако существенных поводов для беспокойства не наблюдается.

Автор статьи вступает в процесс коммуникации с массовой аудиторией, оставляя ей место для дальнейших размышлений и призывает к толерантности. В материале мы наблюдаем смешение нескольких стилей: разговорного, публицистического и официально-делового. Подобное смешение позволяет держать читателя в тонусе и стремится в полной мере выполнить свою функцию по воздействию на характер и меру информированности по общественным проблемам.

Негативный дискурс. Мы можем особо выделить статью, которая ставит под вопрос национальную (этнокультурную) политику в Республике Башкортостан. В ее названии — «Краеугольный камень идеологии башнационализма — Антитатаризм» — четко выделены две антагонистические стороны: башкиры и татары. Текст публикации содержит описание проблемной ситуации, которая заключается в том, что татарское население угнетает коренных башкирских жителей. В частности, это касается национальных обрядов, языка и культуры. Основной меседж заключается в том, что татары проводят крупномасштабную экспансию в отношении башкир. При этом особо подчеркивается, что в

этом виновата властная элита, которая включает в себя представителей татарской национальности, активно продвигающих свои правила и законы на территории субъекта Российской Федерации.

Характер этой статьи является экспрессивно-утверждающим, поскольку автор делает упор на то, что татарские политики тесно связаны между собой и все противостоят решению национального башкирского вопроса. В качестве вывода используется экспрессив-предложение, которое заключается в том, чтобы башкирский народ активно начал противостоять татарской диаспоре, имеющей рычаги управления в регионе. Особую обеспокоенность автора вызывает национальный язык, поскольку ввиду «татаризации» республики его дальнейшая судьба находится под вопросом.

Можно констатировать, что фигурирующие в материале обороты формируют у читателя чувство тревоги и экзистенциальное чувство опасности за свой народ (естественно, в данном случае основной аудиторией коммуникативного меседжа выступают башкиры). Призывов к разжиганию национальной розни эта статья не содержит. Однако четко фиксируется необходимость ведения политической борьбы для сохранения самобытности и уникальности народа Башкирии.

Таким образом, несмотря на то, что тема национальной (этнокультурной) политики заметно актуализировалась в течение последнего года, адекватной реакции со стороны региональных СМИ в ПФО за редким исключением не последовало. Следовательно, информация о реализации плана Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. не нашла широкого отклика в СМИ. На основе этого мы можем говорить о том, что региональные власти не всегда имеют желание привлечь внимание общественности к проблемам национальной (этнокультурной) политики, поскольку во многих субъектах Российской Федерации действуют свои стратегии, часто ориентированные на два взаимоисключающих направления: поддержание и развитие этнической и общероссийской идентичностей.

Репрезентация национальной (этнокультурной) политики в СМИ ПФО наиболее часто происходит в терминах «миграция» и «миграционная политика». При этом даже в статьях, выполненных в позитивной тональности, фиксируется

обеспокоенность авторов этими вопросами. Таким образом, разрешение возникающих миграционных проблем в зеркале многих изданий «является составляющей этнокультурной политики»¹⁰.

Если рассматривать содержательную сторону дискурса национальной (этнокультурной) политики в СМИ ПФО, то мы увидим, что чаще всего публикуемые материалы выполнены в позитивной тональности и направлены на формирование и выработку принципов межнационального согласия и культурного единства. В настоящее время можно констатировать о том, что серьезные информационные конфликты на почве национальной (этнокультурной) политики отсутствуют, а дискурсивного поля по этому вопросу не наблюдается. Однако необходимо отметить тот факт, что реализация стратегии государственной национальной политики России возможна только в период социально-политической устойчивости, которая, как хочется верить, «наступила на российском геополитическом пространстве после череды различного рода манипулятивных натисков»¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы. Соглашение 8004. «Социальные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в полиэтническом регионе».

² Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. № 1666.

³ Распоряжение «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013—2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 15 июля 2013 г. № 1226-р.

⁴ См.: Богатова О.А., Долгаева Е.И. Этнокультурная политика в регионе: интеграция институциональных факторов формирования межэтнических отношений // Регионоведение. 2011. № 1. С. 197.

⁵ См.: Во всех регионах Приволжского федерального округа при органах государственной власти созданы общественные советы по проблемам межнациональных и межконфессиональных отношений. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-84015> (дата обращения: 11.10.2013).

⁶ См.: Никитина К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием // Управление обществ. и экон. системами. 2006. № 2. С. 8.

⁷ См.: Левшенко Ю.И. Политический дискурс в СМИ и легитимация власти в контексте социально-политических изменений // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. С. 112.

⁸ Бушев А.Б. Элементы дискурс-анализа для оценки манипуляции в глобальных средствах массовой коммуникации // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 6а. С. 301.

⁹ См.: Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. М.: Гуманит. центр, 2008. С. 19.

¹⁰ См.: Мусин Д.А., Василенко Ю.В. Региональные модели этнокультурной политики как предмет сравнительного анализа // ARS ADMINISTRANDI. 2010. № 1. С. 52.

¹¹ См.: Воронкова О.А. Дискурс-анализ: риторические и метариторические приемы коммуникации // Социология: 4М. 2007. № 25. С. 69.

Поступила 18.10.2013.

REFERENCES

¹ Stat'ja podgotovlena v ramkah FCP «Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovacionnoj Rossii» na 2009—2013 gody. Soglasenie 8004. «Social'nye faktory mezhjetnicheskogo i mezhkonfessional'nogo soglasija v polijetnicheskom regione».

² Ukaz Prezidenta RF «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666.

³ Rasporjazhenie «Ob utverzhdenii plana meroprijatij po realizacii v 2013—2015 godah Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» ot 15 ijulja 2013 g. № 1226-r.

⁴ См.: Bogatova O.A., Dolgaeva E.I. Jetnokul'turnaja politika v regione: integracija institucional'nyh faktorov formirovanija mezhjetnicheskikh otnoshenij // Regionologija. 2011. № 1. С. 197.

⁵ См.: Vo vseh regionah Privolzhskogo federal'nogo okruga pri organah gosudarstvennoj vlasti sozdany obshhestvennye sovety po problemam mezhnacional'nyh i mezhkonfessional'nyh otnoshenij. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-84015> (data obrashhenija: 11.10.2013).

⁶ См.: Nikitina K.V. Politicheskij diskurs SMI i ego osobennosti, sozdajushie predposylki dlja manipuljacii obshhestvennym soznaniem // Upravlenie obshhestv. i jekon. sistemami. 2006. № 2. С. 8.

⁷ См.: Levshenko Ju.I. Politicheskij diskurs v SMI i legitimacija vlasti v kontekste social'no-politicheskikh izmenenij // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 3. С. 112.

⁸ Bushev A.B. Jelementy diskurs-analiza dlja ocenki manipuljacii v global'nyh sredstvah massovoj kommunikacii // Vestn. Burjat. gos. un-ta. 2009. № 6а. С. 301.

⁹ См.: Fillips L., Jorgensen M.V. Diskurs-analiz. Teorija i metod. M.: Gumanit. centr, 2008. С. 19.

¹⁰ См.: Musin D.A., Vasilenko Ju.V. Regional'nye modeli jetnokul'turnoj politiki kak predmet sravnitel'nogo analiza // ARS ADMINISTRANDI. 2010. № 1. С. 52.

¹¹ См.: Voronkova O.A. Diskurs-analiz: ritoricheskie i metaritoricheskie priemy kommunikacii // Sociologija: 4M. 2007. № 25. С. 69.

S. G. Ushkin. Tone of the Discourse of National (Ethno-Cultural) Policy in Mass Media of the Volga Federal District

The paper considers the discourse of national (ethno-cultural) policy in mass media of the Volga Federal District. The topic was examined due to the fact that several conflicts were registered last year.

Discourse practices possess highly manipulative potential and aim to persuade a reader in a certain point of view, to present facts in a certain perspective, to motivate to action. To explore this potential, a sociological research was carried out devoted to the study of the discourse of ethno-cultural policy in mass media of the Volga Federal District in the context of the tone of published materials. The empirical base was made of selected articles from news and information websites in public domain which used the word combinations «national policy» or «ethno-cultural policy». The period to be analyzed was from September 2012 to September 2013.

The results showed that the discourse of ethno-cultural policy in mass media of the Volga Federal District is practically not formed and there are also no clearly expressed information conflicts on this issue. Most often the published materials are made in a positive tone and are aimed at the formation and development of principles of international understanding and cultural unity. Thus, we can say that there are no significant information conflict resulting from the ethno-cultural policy, as well as no discursive field on this issue was observed.

USHKIN Sergei Gennadievich, Postgraduate, Department of Sociology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



В. А. КИБЕНКО

НРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В СОЦИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СОЦИУМА

Ключевые слова: нравственность, противоречивость, мирочувствование, межфреймовые связи, глобализация, ценностное воздействие, единый организм цивилизации, сетевые коммуникации, доминанты, личностные смыслы

Key words: morality, contradictoriness, sensation of the world, inter-frame connections, globalization, value exposure, single organism of civilization, network communications, dominants, personal meanings

В статье анализируется соотношение нравственности в управлении материального, социального и духовного состояния культуры социума, а также способы управления информационными системами в социокультурной сфере.

The paper examines the correlation of morality in management of the material, social and spiritual conditions of a society culture as well as the ways of management of information systems in the social sphere.

Принципиальным является вопрос о соотношении нравственности в управлении материального, социального и духовного состояния культуры социума. Это обусловлено тем, что ценностно-нормативный вакуум, характерный для периодов возрастания социальной анонимии существенно ослабляет нормативное социальное регулирование, вследствие непоследовательности, противоречивости и неопределенности государственной политики социально-экономического и духовного развития. Темпы социального, научно-технического прогресса иногда порождают девиантное поведение людей в нем¹. В связи с этим нравственный императив является приоритетным, причем он тесно связан с устойчивыми состояниями социосистем в духовной, социальной и материальной сферах.

КИБЕНКО Валерий Александрович, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

В материальной сфере устойчивость нравственного императива социума обусловлена его экологической эффективностью. Ключевая проблема экономической устойчивости состоит в том, чтобы обеспечить достаточный и непрерывный экономический рост, гарантирующий высокий уровень занятости и удовлетворяющий общественные ожидания, причем сделать это без истощения материальных ресурсов и загрязнения окружающей среды. Этот аспект обусловлен *нравственными императивами* и общественными ценностями, формируемыми в обществе на данное время. Например, гармоничное взаимодействие потребностей и возможностей посредством информационно-коммуникационных технологий: конверсия материалов в информацию, в знания и информационные услуги.

В духовной сфере ценности как нравственные императивы представлены знанием, воплотившимся в цель и программу деятельности. Образование само по себе является одним из важных средств формирования устойчивости как элемента мировоззрения человека и вместе с тем становится все более основополагающим ресурсом общества. Решающий вклад информационное общество может внести в обеспечение для каждого человека возможности обучения и переобучения в течение всей жизни. Такая возможность не только является необходимостью на фоне динамики продолжающегося технологического прогресса, но и лежит в основе фундаментального права личности на свободный выбор стиля и места жизни.

Обучение и переобучение в процессе современных информационных технологий представлено понятием «мирочувствование», которое отвечает за компоненты, формирующиеся в процессе обучения. Информационная нагрузка определяет языковые компоненты знания и возникает при рассмотрении сообщений, составляющих запас сведений для усвоения и использования их в процессе приобретения знаний. Содержание знания трактуется в информационных рамках как функциональная полнота или интегрирующий, дифференцирующий коэффициент. Сущность модели информационного знания состоит в замещении объекта его моделью, удовлетворяющей условиям подобия и экстраполяции (переноса) информации на подлинный объект изучения.

Понятие «мирочувствование» рассматривается в образовательном процессе как отвечающее за представление дей-

ствительности с элементами нравственного мировоззрения. Это обусловлено, с одной стороны, условиями-факторами — глобализацией, интеллектуализацией и технологизацией информационных процессов в системе интеллектуальной нагрузки, с другой — возможностью использования в системе этих процессов мироощущения как индикатора информационного кода культуры. Межфреймовые связи, фигурирующие в образовательном процессе представлены на основе установления сходства свойств и отношений на базе понятийных смыслов. Смещение понятийных смыслов в модели образования происходит по принципу нравственной доминанты на основе двойного содержания базисных компонентов (ее информационной нагрузки и мироощущения), т. е. на первый план выходит мироощущение. Так как педагогические конструкты формулируются на основе «памяти» о личности воспитуемого как целостном феномене, то необходимо говорить о выяснении границы и смыслах переноса информации. Если говорить о мировидении в исторических традициях, то невозможно проигнорировать его представление в качестве информационного кода в дискурсе национальной культуры.

Природа этнической информации заключается в топологических и метрических тождествах в системе культуры. Мироощущение в образовательных процессах выступает как семиотические механизмы культуры. Кодирование наследственной памяти и программы поведения на основе опыта обусловлены представлением метрических и топологических элементов информации в структуре этноса, что отражает эволюцию возникновения, формирования и развития письменности. В кодировании наследственной памяти на основе нравственных императивов налицо переход от знаниево-ориентированного к личностно ориентированному образованию.

Программа устойчивости в образовании опирается на традиции *духовности и общегуманистические ценности*, принятые мировым сообществом. Это приоритет личности, свобода совести, права человека, сильное государство как гарант прав и свобод, эффективное правительство, демократия как волеизъявление народа, порядок и законность, единство России на базе сочетания интересов².

Анализируя понятие сильного государства, необходимо отметить, что ценностное воздействие в социальном управле-

нии обусловлено, во-первых, тем, что государство, оставаясь главным субъектом управления, меняет свое поведение, строит свои отношения с обществом в большей мере на основе научного управления, соблюдения не только правовых норм, но и социально-нравственных. Во-вторых, возрастание роли общества как субъекта управления включает в механизм регулирования свой коллективный разум, создает интеллектуальные и нравственные системы управления, способные сбалансировать разные интересы его структур³.

Нравственным, объединяющим стержнем в управлении и регулировании информационных социосистем является целостный взгляд на мир в контексте сетевых коммуникаций и кооперации. Сетевые коммуникации рассматривают информационные структуры через разнообразие культур в системе нравственных концепций, например, теории поколений. Основные ценностные доминанты, обозначенные Н. Хоузом и В. Штраусом, — это трудолюбие, ответственность, приверженность идеологии, семья и семейные традиции, доминантность и категоричность суждений, терпение, склонность к соблюдению норм, правил и законов. Устойчивость общественных отношений, явлений или процессов представлена созданием единых императивов в материальной, социальной и духовной сферах в рамках глобального информационного общества, создающего предпосылки для формирования единого организма цивилизации⁴.

Устойчивость современного общества предполагает развитие ряда приоритетных информационных направлений, тенденций и значимых характеристик в качестве доминирующих факторов инновационной политики в материальной, социальной и духовной сферах. Она предполагает модернизацию и создание механизма, позволяющего перестроить все сферы общественных отношений в соответствии с нарастающей динамикой социальных изменений. В этом контексте необходимо выделить проблемы интеллектуальной собственности, неприкосновенности частной жизни, конфиденциальность и защиту персональных данных.

Нравственным обоснованием интеллектуальной собственности является Всеобщая декларация прав человека или «Международный пакт о правах человека». Инновационное решение вопроса об интеллектуальной собственности связано с анализом и экспертизами на основе положений деклара-

ции прав человека о так называемом цифровом наблюдении. Оно обеспечивает охрану и безопасность в общественных местах, противодействуя случайным или преднамеренным угрозам. Другими практическими формами инновационных информационных технологий, которые требуют обоснования и нуждаются в тщательном контроле, являются технологии, позволяющие отслеживать местонахождение отдельных людей с помощью систем радиочастотной идентификации (RFID) или ИКТ-имплантов, а также наблюдение за собственным домом, офисом, дачей или каким-либо другим объектом в режиме онлайн (Р-видеонаблюдение).

Проблема конфиденциальности информации становится ключевой в современных представлениях о личности и ее частной жизни. Нравственным обоснованием защиты персональных данных являются принципы уважения, информированного согласия, равновесия (между защитой частной жизни и общественной безопасностью), социальной ректификации (очищения).

Переход к экономике знаний требует формирования в стране и ее регионах целостной системы, эффективно преобразующей новые знания в новые технологии, продукты и услуги, которые находят своих потребителей на национальных или глобальных рынках. Внедрение инновационной стратегии в развитие сферы образования обусловлено модернизацией образовательного и научно-исследовательского процессов, а также структуры высших учебных заведений и системы управления. Управление этим процессом заключается в том, что основным действием в нем является *целеполагание*, имеющее нравственный аспект и зависящий от состояния духовного, социального и материального сфер общества. Моделирование общественных процессов требует соблюдения баланса между мерами административно-правового, властно-силового и духовно-нравственного регулирования⁵. Инструментом регулирования является определенная шкала ценностей, основанная на приоритете личности и окружающей среды.

Существуют силовые, энергетические, информационные способы управления информационными системами в социальной сфере. Информационное управление представлено сменой фаз дезорганизации структуры элементов социума, окружающими факторами — социальной энтропией. Послед-

няя как нравственный императив определяется внутренним временем, цивилизационной трансценденцией и личными субъектными системами.

Таким образом, в духовной и социальной сферах информационного социума можно выделить ряд императивов. В образовании они представлены личностными смыслами, в дискурсе культуры — ценностными доминантами сильного государства как гаранта прав и свобод. Регулятором правовых отношений граждан выступают личностные смыслы, которые характеризуются возможностью передачи, хранения и переработки информации, что обусловлено определенным типом мировосприятия и мироощущения, дисбалансом между традиционными и нетрадиционными подходами в сфере образования. Устойчивость в социосистемах на основе баланса нравственных императивов представлена мерой дезорганизованности системы в контексте элементов информационного социума, а также принципами ее функционирования (социальным равновесием, социальной ректификацией).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Павиленис Р.И. Проблема смысла // Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. 288 с.

² См.: Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Экономика, 2001. С. 26—28.

³ Барциц И.Н. Федеральное вмешательство: основания и механизмы // Правоведение. 2000. № 4. С. 308.

⁴ См.: Исаева М.А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290—295.

⁵ См.: Барциц И.Н. Федеральное вмешательство ... С. 12—14.

Поступила 13.03.2014.

REFERENCES

¹ Sm.: Pavilenis R.I. Problema smysla // Sovremennyj logiko-filosofskij analiz jazyka. M., 1983. 288 c.

² Sm.: Ivanov V.N., Patrushev V.I. Innovacionnye social'nye tehnologii gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. M.: Jekonomika, 2001. S. 26—28.

³ Barcic I.N. Federal'noe vmeshatel'stvo: osnovanija i mehanizmy // Pravovedenie. 2000. № 4. S. 308.

⁴ Sm.: Isaeva M.A. Pokolenija krizisa i pod'ema v teorii V. Shtrausa i N. Houva // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 3. S. 290—295.

⁵ Sm.: Barcic I.N. Federal'noe vmeshatel'stvo ... S. 12—14.

**V. A. Kibenko. Moral Imperatives in the Social
and Spiritual Spheres of the Information Society**

The paper examines the issue of correlation of morality in management of the material, social, and spiritual conditions of a society culture. Management of this correlation is due to the program of sustainability of a society. Moreover, sustainability in education is based on traditions of spirituality and common humane values adopted by the international community. In the sphere of national culture, topological and metric identities in the system of its invariants are marked. In semiotic mechanisms of cultural processes, the sensation of the world comes out encoded in the genetic memory and programs of behavior of experience in the structure of the ethnic group. On the basis of the sensation of the world, the educational process in the system of modern information technologies is carried out, and the information load determines the language components of knowledge as supply of information to digest and use them in the process of acquiring knowledge. Thus, there are several ways of management of information systems in the social sphere: the power, energy, and information ones. These management methods are based on a number of imperatives: for example, in education they are presented by personal meanings, in the discourse of culture — by axiological dominants of a strong state as a guarantor of rights and freedoms.

KIBENKO Valery Aleksandrovich, Postgraduate, Department of the Humanities, Saransk Cooperative Institute Branch of Russian University of Cooperation



М. А. ЕЛДИН

**ДИАЛОГ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ
РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ
И РУСИ-РОССИИ КАК ОСНОВА
КУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ
РОССИЙСКОГО СОЦИУМА**

Ключевые слова: духовная культура, нравственность, российское общество, византийское наследие, традиция

Key words: spiritual culture, morality, Russian society, Byzantine heritage, tradition

Обсуждается проблема русской религиозной традиции в конфессиональной специфике российской культуры. Доказывается, что культура российских этносов очень значима как субъект духовной культуры.

The issue of the Russian religious tradition in the confessional specifics of the Russian culture is discussed. It is proved that the culture of Russia's ethnic groups is very important, being the subject of spiritual culture.

Изучение религиозной культуры, самоопределение духовных традиций, национальности (специфика национальной представительности) и ценностные нормы, перспективы их развития представляются очень важными. Традиции религиозности как область научных исследований актуальны, поскольку определение специфики дефиниций данной проблемы до сих пор остается малоизученным. Современный подход к явлениям традиций общества основывается на представлении о единстве, целостности общественно-культурного процесса в сочетании с пониманием конкретно-исторических особенностей его ступеней развития. Сам факт возвращения многих современных россиян к истокам конфессиональной культуры свидетельствует о стойкой их заинтересованности в возрождении духовного наследия Отечества.

Духовная ситуация, сложившаяся в современной системе отношений человека и российского общества должна быть

ЕЛДИН Михаил Александрович, доцент кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

признана критической. Пути преодоления кризиса лежат в контексте обращения к истокам российской духовно-нравственной культуры. Высокие достижения византийской и древнерусской культур заставляют вновь обращаться к тому аспекту ценности религии, которые могут быть побудительным мотивом культурсозидающей деятельности в сфере современной деятельности общества, инструментом к воссозданию универсального социокультурного пространства. В связи с этим актуален теоретический дискурс относительно роли публичности религии в современности. По мнению Дж. Бекфорда, одну из форм «управления различиями» в рамках политики мультикультурализма заключается, с одной стороны, в признании религиозных организаций в качестве «сообщества верующих», с другой — приглашении их к сотрудничеству в области предотвращения экстремистской деятельности, обеспечении гражданской лояльности мигрантских сообществ и проведении межконфессиональных совещаний и круглых столов¹. В зависимости от политической мобилизованности и ее инициатора в религии можно выделить, по мнению Х. Цусиро, несколько видов взаимодействия в рамках публичности религии: религия, мобилизованная политиками; культура, мобилизованная политиками; религия, мобилизованная культурой; политика, мобилизованная религией; культура, мобилизованная религией².

Особую сложность представляет сопоставление традиционного и инновационного оснований в культуре при рассмотрении традиции как неизменного ядра культуры³. Отсутствие самоидентификационности в культуре современности, угрожающий массовой деструкцией идентичностей, согласно Дж. Томлинсону, имеет место, когда разрыв с традиционными практиками и мировоззрением приводит к утрате культурных смыслов и размытию традиции⁴. Многими исследователями отмечены тенденции значительной экономической и политической неопределенности в условиях трансформации культурно-поведенческих стереотипов, обусловленных глобализацией и экуменическими тенденциями⁵. Указанное обстоятельство существенным образом повлияло на осложнение и без того конфликтной ситуации в поликонфессиональных и многонациональных регионах бывшего СССР (Кавказ, Центральная Азия, отчасти Поволжье), где (особенно среди молодежных групп) стали приобретать и доминировать экстремистские и фундаменталистские ценности.

История духовного развития евразийских народов знает множество примеров исхода кризисных ситуаций в сферах бытия сообществ: этноконфессиональной и культурно-региональной. Уникальным является опыт трансляции традиций духовного созидания от византийцев к россиянам. После падения Византии в XIII в. под ударами войск четвертого крестового похода (1204 г.) именно Русь оставалась оплотом православной культуры, противостоящей Западу. Ситуация осложнялась еще и тем, что католические иерархи стремились подчинить своему культурно-политическому влиянию древнерусские княжества. Впоследствии попытки поставить под контроль римской курии русских политических деятелей не прекращались и впредь, тексты папских посланий «на Русь» продолжали линию давления со стороны римского престола, православная традиция провозглашалась в них «древним злом». Более того, была установлена экономическая блокада русских княжеств: на юге русским путем в Причерноморье закрывала Латинская империя, а на северо-западе восточноевропейского региона в Прибалтике немецко-рыцарские образования. Однако русская правящая элита и значительная часть древнерусского общества, несмотря на давление извне, сохранили приверженность православной культуре и этике.

Византийская империя в 1453 г. прекратила свое существование не в силу некоей внутренней, имманентной несостоятельности. Она была раздавлена между беспощадными «военными жерновами» Востока и Запада. Такому двустороннему давлению тогда смогло ли противостоять какое-либо общество и государство? Однако византийское духовное наследие оказало решающее влияние на духовную жизнь России, собиравшейся с силами для освобождения от монгольского ига. Последователями византийцев-исихастов являлись на Руси св. Сергий Радонежский, а позже и св. Нил Сорский. Именно из Византии двух последних веков ее существования Россия получила второй после крещения духовный импульс, определивший ее судьбу на многие века. И роль Никейской империи как хранительницы духовного наследия античности и византизма в истории средневековья не ограничивается только заслугой в восстановлении Византийской империи. Не меньшее значение имеет и факт сохранения и дальнейшего развития традиций восточно-христианской культуры, столь укрепившейся и в Московской Руси.

После падения Византии Россия становится одним из центров христианизации этносов Евразии и борьбы за освобождение греков, валахов, южных славян против турецко-мусульманского господства. В период турецкого владычества в среде балканских народов особую роль в социальной жизни играли православные общины «милети», которые возглавлял греческий патриарх Константинополя. Поэтому проблема взаимодействия русской интеллектуальной элиты и балканских общин носит глубоко исторический характер, восходящий к эпохе византийского присутствия на Балканах.

В некоторых современных исследованиях относительно причин падения Византийского государства отмечается тот факт, что Византия погибла из-за проводившейся династией Палеологов политики униатского компромисса, расколовшей поздневизантийское общество. В условиях нараставшей политической разобщенности и духовно-нравственного упадка государство ромеев переживало последнюю фазу своей истории. Поздневизантийская культура оказалась последним цветком на теле умершего растения. Основой восточно-христианских обществ являлся традиционный этос несправимости и правильности установленного религиозным народом на соборах образа мысли и бытия человека. Когда это сознание в обществе фрагментируется, то нравственная составляющая общественного сознания приходит в упадок⁶.

После взятия турками Константинополя в 1453 г. Московское царство остается единственным суверенным носителем христианской ортодоксии, очагом поствизантийского конфессионального легитимизма. В отличие от близких по культуре и происхождению балканских стран, Русь никогда не претендовала на «византийское наследие» при существовании Византии де-факто. Русское царство, утвердившись на европейском Востоке, оказалось без всяких узурпаций единственным православным государством. После территориального расширения Российского государства, падения ханств Поволжья и Сибири, русская традиция начинает быть не менее господствующей, чем византийская. Россия сама по себе становится миром и одновременно «ойкуменой»⁷.

На Востоке Европы россияне стремились отстаивать свои традиции и Российское государство в довольно суровой обстановке религиозно-политического натиска с востока и запада. Россия в силу тяжелейших условий своего форми-

рования (господства в Восточной Европе Османской Турции и Золотой Орды, а также натиска со стороны Запада) в значительной степени потеряла возможности к укреплению своей политико-правовой культуры, поскольку была отрезана от мировых центров культурной и экономической жизни. Мы уже отметили то, что Византия, с которой у русских были достаточно прочные связи в эпоху Киевского великого княжества, была разгромлена западными итало-франкскими феодалами и купечеством в XIII в., была окончательно уничтожена турецкими ордами в XV в. (1453 г.) более не являлась источником только конструктивной рецепции цивилизационных достижений античности. Хотя именно там еще со времен античности были многие более совершенные элементы гражданской универсализации общества, юридического опыта⁸.

Российский культурно-религиозный идеал земного бытия в качестве цветущего сада, которое представляется в мировоззренческих основаниях общественного сознания российского этноса оказалось общим не только русским, но и другим народам России. Несмотря на оформление этой идеи в рамках церковной доктрины, идущей со времен восточной патристики, указанная социальная доминанта не носила клерикальный характер, но сохраняла народные, стихийные, подчас утопические, представления об общественном мироустройстве.

Россия основывалась на многолетнем опыте общения с Востоком и Византией, поскольку последняя даже в военной дипломатике учитывала особенности социокультурных устоев народов. Духовные основания развития культурной традиции российской цивилизации и сходных с ней социокультурных феноменов были связаны с попыткой оформить и гармонизировать, упорядочить многообразие форм евразийских культур на путях установления единого (не только лишь моноэтнического, славянского) социокультурного пространства в российском обществе, осознавшем свою самобытность в истоках традиций духовности Руси и полиэтнического пространства России. В связи с этим показателен опыт российской аккультурации Среднего Поволжья.

С 1551 по 1710-е гг. в православие, например, на территории Поволжья, чаще всего переходили татарские и мордовские мурзы, приобретавшие таким образом титулы

русских князей и крупные имения с многочисленным крестьянством. В начале XVIII в. крестились уже целые селения поволжских этносов. В конце XVIII в. распространение христианства среди мордвы приняло массовый характер⁹. Эти и другие явления в культурной жизни Российского общества свидетельствовали о свойственной российскому самосознанию терпимости в отношении инорелигиозных и иноэтничных (неславянских) традиций. Следует отметить, что русское имперское правительство довольно рано стало исходить из принципа полиэтничности социальных традиций России как эффективного метода управления государством.

Российское христианство нельзя считать более человечным, например, чем западное. Никакими преимуществами в этом смысле оно не обладало и перед религиями Востока. Причины тому надо искать в особенностях русской религиозно-нравственной традиции, породившей феномен русского социального идеала, названного «Третьим Римом», а также в той исторической обстановке, которая определила российский путь развития духовной культуры общества.

Восточный вопрос для России имел центральное значение не только в геополитическом, но и в мистико-религиозном аспекте. С позиций официальной религиозно-монархической идеологии Российской империи отвоевание Константинополя-Царьграда было бы основным пунктом реконструкции универсальной славянской православной ойкумены, своего рода новой Византии. Но отношение к Константинополю как центру мирового православия в среде многих россиян оказалось не таким простым и линейным, как в самодержавных реляциях. Второй Рим оставался центром религиозного притяжения русских, но на нем в сознании россиян оставалась «запретная печать» предапокалиптического плана. Даже победы русской армии над османскими войсками в 70-х гг. XIX в. не привели к российскому господству в землях Византии и Царьграда.

Русские понимали, что завоевание Константинополя в религиозном и этнопсихологическом плане поставит проблему легитимности русского господства в Византии по сравнению с другими православными народами Востока и прежде всего греками. В то же время Москва бы лишалась своего статуса «Третьего Рима» и лидерства в православном сообществе этносов, поскольку у восточных христиан возвращалась бы

их древняя столица. Всеславянская столица — Константинополь могла быть только экуменическим городом всей восточно-христианской ойкумены, чего русские имперские власти, со своим религиозным комплексом об особом славянском национализме, не могли допустить¹⁰.

Наибольшая противоречивость религиозного сознания в Российской империи проявилась именно тогда, когда в своей восточной политике российские цари приблизились вплотную к славянскому узлу религиозно-политических решений славяно-российских проблем диалога (как с Польшей или Болгарией, воевавших в двух мировых войнах не на стороне россиян и т. д.). Именно проекция российского философа и дипломата о малоперспективной будущности славяно-российской федерации в XIX в. была скептически оценена в трудах К. Н. Леонтьева, посвященных важности византийского легитимизма в религиозно-политической конструкции российского общества, что оказалось весьма прозорливым и уместным даже сегодня в славянском пространстве регионов бывшего СССР¹¹.

Противоречивость российского подхода к указанной этноконфессиональной проблеме, как показали последние события новейшей истории Югославии, сказалась в том, что, с одной стороны, российские общественные деятели добивались одновременно и Западного своего признания, с другой — россияне включались в борьбу за легитимизацию себя как духовного лидера поствизантийского ортодоксального общества. Но и среди народов восточно-христианского наследия возникали проблемы. Так, Грузия, как православная общность, создававшаяся на традициях христианского Востока имела полное право претендовать на статус не менее важный, чем Россия в среде народов ортодоксальных традиций, поскольку православная церковь грузин сохранила уникальную мистичность традиций православной религии в тяжелейших условиях турецкого и персидского геноцида, когда религиозность оставалась едва ли не последним оплотом культуры народа. К сожалению, православная идентичность не всегда помогает и здесь, как показали события 2008 г.

России была характерна уникальная сакрализация монархической власти в православно-универсалистских категориях. Однако нетрудно заметить, что стремление военных элит империи в отношении нерусских полиэтничных об-

разований любой ценой законсервировать имперскую основу государственности (без реформ и трансформаций) привело их (и империи, и дворянские элиты) к распаду, ускоренному глобальным конфликтом 1914—1918 гг. Так, в России претензии высшего офицерства на сохранение статуса «Третьего Рима», имевшие продолжением идеологию Белого движения в борьбе за реставрацию «единой и неделимой» империи, послужили одной из главных причин его краха, поскольку большевики первоначально взяли на вооружение националистический лозунг права наций на самоопределение¹².

Проблемная ситуация смены духовных ориентиров и деморализации населения в постсоветских регионах конца XX в. осложнилась и тем, что в постсоветской России оказалась фрагментированной светская, гражданско-общественная мораль. Ярким примером является отсутствие верности в деловых и тем более в семейных отношениях, доминирование в межлических отношениях того положения, что надеяться можно только на себя. Религиозная культура многих россиян начала XXI в. находилась в столь запущенном состоянии, что если говорить о сегодняшнем сознании, то картина получается довольно размытая. Невозможно с четкостью утверждать, что отдельные группы людей религиозны, а другие — убежденные атеисты¹³. На самом деле есть множество людей, живущих среди мифов, слухов, предвзятых мнений, болезненных разочарований и установок. Все это во многом определяет духовную атмосферу сегодняшнего дня.

В современной России существует перечень наиболее распространенных организаций нетрадиционного толка: «Свидетели Иеговы», «Церковь Саентологии», «Мунизм» и др. Современная молодежь России по-разному выбирает нетрадиционные моральные и религиозные предпочтения¹⁴.

Несмотря на сложившуюся реальность, важно понять, что российская культура является в своей основе православной. Византийское духовное наследие дало формообразующее начало отечественной культуре, т. е. то единое социокультурное пространство, где развивались ее составляющие элементы, в том числе и сектантство. В этом плане следует отметить, что устойчивая сторона культуры — культурная традиция, благодаря которой происходит трансляция человеческого опыта в будущее, и каждое новое поколение может актуализировать

ировать опыт, опираясь в своей деятельности на созданное предшествующими поколениями. В данном случае для россиян наиболее ценен, на наш взгляд, уникальный духовный опыт византийской религиозно-нравственной традиции.

Каждый гражданин имеет право верить во что желает. Однако это не означает, что богатые должны скупать все в области культуры и заниматься прозелитизмом. Есть понятие государственного протекционизма, в том числе и в таких странах, где православие имеет важное присутствие в истории общества (Греция, Кипр, отчасти Финляндия). Он осуществляется не только в религиозной сфере общества, но и в экономике, политике. Особенно интересен в духовном плане опыт культурозидания в новой Греции, где православное население составляет 80 %. Речь идет не о навязывании какой-либо религиозной парадигмы и нравственно-психологическом индуцировании населения, а о многосторонней поддержке традиции, исторически олицетворяющей национальную культуру большинства народов России.

С одной стороны, православные церкви все активнее участвуют в экуменическом движении — проекте, ставившем задачу размывания всех вероучительных и моральных устоев христианских конфессий, слияние их в единый котел, с полным пренебрежением к различиям в вере и духовной жизни общественного строя. С другой стороны, *православие, сближаясь в рамках движения экуменизма с Западом, все более утрачивает внутреннее единство — различия между православными церквями, православная традиция рассматривается как часть «национальной культуры»*. Как итог на престоле вселенского патриархата в Константинополе оказывались разные лица, бывшие кем угодно — протестантами, мусульманами, католиками, но только не подлинно православными патриархами. Вопрос о судьбах российской духовной традиции и ее созидательной роли в Евразии может быть решен только в условиях восстановления авторитета православия. В этом восстановлении духовных традиций россиянам важно начинать с себя, с возрождения духовной притягательности конфессиональной культуры и религиозных структур в России, возвращения нравственных основ жизни общества и православных основ исторической государственности россиян. Тогда россияне смогут привнести эту истину и другим народам.

В связи с этим развитие межэтнических, межрегиональных отношений, культурного диалога на основе учета российских конфессиональных оснований созидания нового российского цивилизационного пространства остается особенно важным. Во многом результативность социально-гуманитарных исследований зависит не только от социально-экономических факторов, но и от того обстоятельства, насколько будут учтены исторические уроки и состояние духовно-нравственной атмосферы в зонах межконфессионального и межэтнического диалога Восточной Европы и России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bectford J.A. The Return of Public Religion? A Critical Assessment of a Popular Claim // *Nordic Journal of Religion and Society*. 2010. № 2. P. 128.

² Tsushiro H.A. Multi-dimensional Understanding of public Religion wait Special reference to the Yasukuni Shrine // *Politics and Religion*. 2010. Vol. IV. № 1. P. 58.

³ См.: Belfore E. Auditing Culture: the subsidized cultural sector in the New Public Management // *International Journal of cultural Policy*. 2004. Vol. 10. № 3. P. 281—299.

⁴ См.: Tomlinson J. The Culture of Speed. The Coming of Immediacy. Sage Publications Ltd., 2007. 192 p.

⁵ См.: Lebedev A., Dungworth M. Russian orthodox and protestant individualism as patterns of European thought. Kazan, 2003. 60 p.

⁶ Елдин М.А. Духовная традиция и модернизация российского общества: философский анализ // *Вестн. Чуваш. ун-та*. 2012. № 2. С. 137.

⁷ См.: Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2003. 318 с.

⁸ См.: Мочалов Е.В. Антропологические темы в философии всеединства России XIX—XX вв. Н. Новгород: ЦЕНТР «СЭИ», 2002. С. 29.

⁹ См.: Юрченков В.А. Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII — начала XX века // *Вопросы истории*. 2004. № 4. С. 26—37.

¹⁰ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. 816 с.

¹¹ См.: Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. 118 с.

¹² См.: Шукшина Л.В. Социальные иллюзии: генезис и технологии создания. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 128 с.

¹³ См.: Мизонова О.В. Нравственная культура современных россиян и русское духовное наследие. Гармонизация социальных отношений в полиэтничном регионе // *I Сухаревские чтения: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием*. Саранск, 23—24 дек. 2011 г.: в 2 т. Саранск, 2012. Т. 1. С. 88—92.

¹⁴ См.: Шукшина Л.В. Социальные иллюзии ...

Поступила 20.11.2013.

REFERENCES

¹ Bectford J.A. The Return of Public Religion? A Critical Assessment of a Popular Claim // *Nordic Journal of Religion and Society*. 2010. № 2. P. 128.

² Tsushiro H.A. Multi-dimensional Understanding of public Religion wait Special reference to the Yasukuni Shrine // *Politics and Religion*. 2010. Vol. IV. № 1. P. 58.

³ Sm.: Belfore E. Auditing Culture: the subsidized cultural sector in the New Public Management // *International Journal of cultural Policy*. 2004. Vol. 10. № 3. P. 281—299.

⁴ Sm.: Tomlinson J. The Culture of Speed. The Coming of Immediacy. Sage Publications Ltd., 2007. 192 p.

⁵ Sm.: Lebedev A., Dungworth M. Russian orthodox and protestant individualism as patterns of European thought. Kazan, 2003. 60 p.

⁶ Eldin M.A. Duhovnjaja tradicija i modernizacija rossijskogo obshhestva: filosofskij analiz // *Vestn. Chuvash. un-ta*. 2012. № 2. S. 137.

⁷ Sm.: Gumilev L.N. Ot Rusi k Rossii. M., 2003. 318 s.

⁸ Sm.: Mochalov E.V. Antropologicheskie temy v filosofii vseedinstva Rossii XIX—XX vv. N. Novgorod: CENTR «SJeI», 2002. S. 29.

⁹ Sm.: Jurchenkov V.A. Mordovskij jetnos v sisteme Rossijskoj imperii: XVIII — nachala XX veka // *Voprosy istorii*. 2004. № 4. S. 26—37.

¹⁰ Sm.: Danilevskij N.Ja. Rossija i Evropa. M., 2008. 816 s.

¹¹ Sm.: Leont'ev K.N. Izbrannoe. M., 1993. 118 s.

¹² Sm.: Shukshina L.V. Social'nye illjuzii: genезis i tehnologii sozdaniya. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2009. 128 s.

¹³ Sm.: Mizonova O.V. Nравstvennaja kul'tura sovremennyh rossijan i russkoe duhovnoe nasledie. Garmonizacija social'nyh otnoshenij v polijetnicheskom regione // *I Suharevskie chtenija: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Saransk. 23—24 dek. 2011 g.: v 2 t. Saransk, 2012. T. 1. S. 88—92.

¹⁴ Sm.: Shukshina L.V. Social'nye illjuzii ...

M. A. Eldin. Dialogue of Spiritual Traditions of the Eurasian Regions and Rus (Russia) as the Basis of Being of the Russian Society

The religious factor is one of the most significant in today's Russian society. Perhaps, no party or social movement is paid as much attention of the society as religion.

The spiritual foundations of development of the cultural tradition of the Russian civilization and similar socio-cultural phenomena were related to the attempt to formalize and harmonize, to organize the diversity of cultures in the ways of establishing a unified socio-cultural space in the Russian society aware of its identity being in the origins of traditions of spirituality of Russia and the multiethnic space of Russia. In recent times, one can find the assessment of the contemporary period as the one leading to fragmentation and leveling of the centuries-old system of religious and moral values dating

back to the distant medieval era of the Byzantine civilization that once gave impetus to the development of the Russian national spiritual thought. As a result of the blurring of the spiritual component of social relations, many Eurasian ethnic groups and regions experience the deepest multilevel crisis, escape from which, as the author of the paper thinks, only appears possible through objective resolution of the primary range of issues related to addressing the multiethnic origins of the history of Russian spirituality.

These aspects are more or less reflected in the examples of acculturation in the Volga Region (Mordovia). In general, it should be stated that there is no holistic study in the scientific literature addressing the unique culture of a particular region in the cultural and philosophical dimension.

The works by Russian researchers studying relations between Russians and Eastern Christian communities provide an opportunity for an in-depth analysis of prospects for the existence of traditions of Russian spirituality in the regional dimension, as the leading Russian concepts reflect the substantive essence of the studied phenomenon. This is the concept of conciliarism, unity, and synthesis of cultures.

Thus, the spiritual heritage of the Russian religious culture is an interdisciplinary unifying phenomenon, gaining universal ideological nature, making it one of the valuable evidences of the uniqueness of Russia's role in the history of world culture. Multifaceted, complex nature of the phenomenon of Russian religious and moral traditions is manifested on different sections: ethno-cultural, spiritual, historical, and philosophical ones, each time discovering new, previously unstudied aspects of the dialogue of cultures.

ELDIN Mikhail Aleksandrovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Н. В. РЯБОВ ЭТНОС И САМОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Ключевые слова: финно-угорский народ, этническое самосознание, самоидентичность, этноцентризм, язык, обряды, традиции

Key words: Finno-Ugric people, ethnic identity, self-identity, ethnocentrism, language, customs, traditions

В статье рассмотрены исторические предпосылки формирования самосознания в контексте народной культуры мордовского народа, а также становление этноса, развитие его структурных элементов, их изменение, адаптация к меняющимся условиям природной и социальной среды.

The paper considers the historical prerequisites for the formation of self-consciousness in the context of the folk culture of the Mordvinian people, as well as formation of the ethnos, development of its structural elements, their alteration, and adaptation to changing conditions of the natural and social environment.

За многие века народы вырабатывали и накапливали материальные и духовные ценности, определяемые как самобытная культура. Каждый этнос имеет исторический код, пространственную и временную протяженность, гено-тип, свои биологические и социальные связи, обусловленное место в ландшафтном пространстве. Финно-угорский народ своей уникальной культурой всегда привлекал внимание отечественных и зарубежных ученых, так как исследование этнической культуры народов, как неотъемлемой части духовной культуры современного человечества, а также вопросы формирования национального самосознания имеют исключительно важное научно-теоретическое значение.

Специфические особенности формирования и развития этнического самосознания невозможно раскрыть без изучения народной культуры и общих закономерностей ее развития, так как они являются одним из определяющих факторов национального самосознания. С одной стороны, общечеловеческие ценности активно воздействуют на формирование и изменение этнической культуры и национального само-

РЯБОВ Николай Владимирович, доцент кафедры традиционной мордовской культуры и современного искусства Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

сознания, которые происходят в непосредственной связи человека с природой и в условиях межнационального взаимопроникновения. С другой стороны, наблюдается сокращение влияния этносоциальных и этнокультурных предпосылок на развитие национального самосознания. Интерес к познанию культурного классического наследия в наше время происходит в условиях обновления общественной жизни, что влияет на динамику развития национального самосознания как важного явления в сфере духовной культуры. В сфере национального сознания особое место занимает мировоззрение, которое находится в непосредственной близости к выработанной веками ментальности и характеру народа, основанном на идее его национально-исторической жизни, отраженной в художественной культуре.

Под воздействием социально-экономических и природно-ландшафтных факторов складываются и формируются этнические общности. Становление любого этноса занимает длительный исторический период на определенной территории в определенных природно-климатических условиях. За многовековой период в местах расселения поволжских финнов создавались разные условия выживания и адаптации. Этот процесс во многом отражается в особенностях материальной и духовной культуры, включая религиозные представления. В результате этническое самосознание приобретает новые качества, по-иному функционирует под влиянием происходящих изменений во множестве культур, народов, религиозных миров, исторических традиций. Говоря о роли природных явлений на развитие этносов, Л. С. Берг отмечает: «Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя, все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. — все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или — вымереть»¹.

Л. Н. Гумилев также акцентировал внимание на значимость природных условий в жизнедеятельности этноса: «Это целиком относится к этническим коллективам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность. Этнос приспособляется к

определенному ландшафту в момент своего сложения, а, приспособившись, при переселении или расселении ищет себе область, соответствующую его привычкам. Финно-угры расселялись по лесам; тюрки и монголы — по степям; русские, осваивая Сибирь, заселяли лесостепную полосу и берега рек, англичане колонизовали земли с умеренным климатом, а арабы и испанцы с жарким»².

Для самосознания мордовского народа и своей идентичности как этноса, природные явления, ландшафт стали естественным осмыслением пространства. Изменение этнической среды (язык, достижения культуры), происходящее во взаимодействии с иными культурными традициями, является достаточным основанием для констатации ассимиляции коренных народов Поволжья, в связи с чем происходит нивелирование общекультурных ценностей. Феномен этнического самосознания связан с осознанием этноопределяющих элементов материальной, социальной и духовной культуры. Ключевым моментом этнического самосознания является идентификация индивидов с определенной этнической общностью, которая проявляется в самоназвании этноса, что отличает его от других национальностей многими факторами: язык, ментальность, тип лица, обряды, традиции и т. д.

Проблема самоназвания этноса и этимологии всегда стояла остро, по той простой причине, что есть внешнее название народа и самоназвание. В историческом контексте «мордва» в литературных источниках у Иордана и Константина VII Багрянородного звучит как «*Mordens*» и «*Mordiaξ*» соответственно, а этимология термина впервые была рассмотрена М. Кастреном. Он считал, что слово «мордва» означает «люди воды». Корень «морд-» он отождествлял с иранским «мужчина, человек», а частицу «ва» — с мордовским словом «вода»³.

В других западноевропейских источниках средневековья мордва называется также *Merdas*, *Merdinis*, *Merdium*, *Mordani*, *Mordua*, *Morduinos*. «Мордва» есть внешнее название народа и является свидетельством того, что были с давних пор объектом внимания других этнических сообществ. Самоназвание «эрзя», «мокша» из глубины веков остается неизменным в сознании этноса и служит идентификацией себя.

В процессе формирования этнического самосознания особую роль играет противопоставление «мы — они» и

служит основанием для образования идей этноцентризма и национализма во всех их проявлениях и формах. В образе «мы» концентрируется представление о своем народе, так называемые автостереотипы, представления о происхождении, историческом прошлом, языке, культуре, в том числе традициях, нормах поведения, обычаях, художественной культуре народа. Коллективное «мы» — выражение группового единства этнической общности. В образ «они» входят восприятия, оценки и представления о происхождении, а также в историческом прошлом, языке, культуре, традициях, нормах поведения, обычаях, художественной культуре представителей иноэтнических групп.

Этническое сознание (при всех его неизбежных внутренних трансформациях) — это непрерывная причастность этноса к своей непреходящей самости, сохранение и вольное или невольное наследование этноцентризма. Многообразие этноцентризма народов Поволжья выражено не в национальных претензиях, а в свойствах этнического стереотипа, желании сохранения и возрождения культуры. Значение понятия «этноцентризм» интерпретируется как «свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве всеобщего эталона и оптимума»⁴.

Этноцентризм заключается в том, что представители одного этноса считают свою культуру центральной, а остальные оценивают через призму своей. Отсюда следует, что ценности, нравственные установки, закрепленные в культуре данной этнической группы, направляют и ограничивают понимание действительности для каждого члена этой группы. Под влиянием укрепившихся стереотипов своей культуры, при необходимости перейти от слов к делу, человек спокойно отбрасывает свои же рассуждения, логически безупречные, и поступает иррационально, руководствуясь чувством. В. П. Фоминых считает, что «в одних случаях этноцентризм проявляется в своего рода эмоциональном захваливании культуры своей нации, без критики ценностей других народов. В других, наоборот, доминирует критика других народов и относительно позитивная оценка ценностей своей нации»⁵.

Привычные формы жизнедеятельности этноса, существующего в самоизоляции, его не с чем сравнить, они

кажутся самыми совершенными и цивилизованными. Так формируется консерватизм мышления и попытки сохранения архаических форм жизни и неприятия других культур. В этом заключается, на наш взгляд, корень этноцентризма, которому противостоит культурный релятивизм. Согласимся с утверждением Г. В. Косова, что культурный релятивизм есть, «точка зрения, согласно которой нельзя понять другую культуру, если анализировать ее в свете ценностей собственной культуры. Культурный релятивизм означает также признание возможности существования иной системы ценностей, свойственной другой культуре и уважительное отношение к ней. Самый эффективный путь развития культуры — сочетание этноцентризма и культурного релятивизма, что позволило бы осуществить гармоничное взаимодействие различных этносов, населяющих сегодня планету»⁶.

Историчность и этническая определенность мордовского народа отразились в литературных произведениях, где самосознание и идентификация отразились в форме героического эпоса. Большинство их персонажей называются эрзянами и мокшанами, а события происходят на эрзя-мокшанской земле. Это свидетельствует о том, что они складывались в эпоху формирования эрзя-мокшанской этнической общности, когда в мировоззрении народа формировалась идея этноцентризма. Возможно, поэтому сохраняется этничность в той форме человеческого единства, которая поддерживается благодаря внутренней связи ее членов, которая наиболее ярко проявляется в их самосознании. Самосознание в данном случае является критерием, который позволяет каждому индивиду идентифицировать себя с конкретной группой. П. А. Белков пишет: «Поскольку остальные признаки этноса подвергаются трансформации, и не всегда удается, опираясь только на них, выделить общность как некую целостность, то этническое самосознание остается практически единственным критерием, благодаря которому можно объединить людей в данную группу. Этническое самосознание, позволяющее существовать определенной общности на протяжении длительного периода, приобретает специфический характер»⁷.

Сложность состоит в том, что этническое самосознание получило противоречивое восприятие. С одной стороны, этническое самосознание есть наиболее существенный признак, позволяющий этносу существовать. С другой стороны,

широко распространено положение о вторичности этнического самосознания, его производности от объективных признаков этноса, считающихся основными. Становление этноса, возникновение его элементов, их изменение, адаптация под меняющиеся условия природной и социальной среды представляются в виде эволюционного процесса, протекающего постоянно и до сих пор не завершено.

Национальный характер любого народа генетически обусловлен длительным эволюционным процессом. Особенности психического склада, типы мышления определяются не только исторически сложившимися традициями, социальной средой и воспитанием, но и наследственностью. Формирование национальных особенностей, духовной культуры происходит на протяжении значительного исторического периода под влиянием социально-экономических, политических и других факторов. Следует учитывать и то, что национальность и культура не зависят от наследственности. Национальность, будучи одной из существенных характеристик духовного мира человека, его психологического склада, формируется в конкретной социально-этнической среде. Нация — это исторически сложившаяся форма общности людей, которая приходит на смену народности. Нации свойственна прежде всего общность материальных условий жизни, территории и экономики, общность языка, известных черт национального характера, проявившихся в национальном своеобразии ее культуры.

Национальное своеобразие, особенности восприятия мира находят яркое отражение в культуре этносов. Как полагает А. Г. Агаев, «культура представляет собой не только ценности, созданные народом, но и его творческую деятельность по их производству, распределению и освоению. Поэтому бытие культуры находится в разнообразии форм, темпов, масштабов, состояний и результатов этой деятельности... Национальная культура охватывает все предметное и духовное богатство, созданное народом и используемое им в своем национальном существовании»⁸. Особенности национального характера для мордовского этноса в культуре проявляются через язык, танец, яркие художественные элементы костюма, в скульптурах малой формы.

Национальная культура обладает способностью с наибольшей наглядностью отображать национальное: психо-

логию, специфическое в характере, особенности народа, его нравственное сознание и самосознание. Этнокультура и национальное самосознание тесно взаимосвязаны между собой. В связи с этим можно утверждать, что национальное мышление является связующим звеном, необходимым как специфическая сторона общественного сознания, которая отражает бытие человека, его материальную культуру. Национальное мышление в области духовной культуры — это не просто способность человека рассуждать, отражая объективную действительность в своих понятиях, представлениях, рассуждениях. Оно зарождается в недрах народа, аккумулируя в себе все, вплоть до природных условий, материальной культуры, традиций, обычаев и черт семейно-бытового уклада. И только тогда оно может отражать действительность окружающего мира в национально-своеобразном, национально-специфическом характере.

Духовную жизнь общества определяют национальные идеи этносоциальной жизни, идеалы общества. Свободный дух культуры выражается через мировоззрение художника и его творчество. Однако и отдельная личность должна иметь свои национальные ориентиры и стремление к их духовному проявлению. Поэтому с историей многонационального народа, проживающего в Поволжском регионе, следует обращаться бережно, не перечеркивать ее и не приукрашивать, а научиться на ее примерах формировать национальное самосознание, учитывая национальную психологию и особенности национального характера того или иного этноса.

В России необходимо глубокое социально-философское осмысление этнического наследия народов. К. Юнг писал: «Наш бессознательный ум, как наше тело, — хранилище следов и воспоминаний прошлого, что мы рождаемся не только с биологическим, но и психологическим наследством. И то и другое в какой-то степени определяет поведение и опыт. Как человеческое тело представляет собой целый музей органов, каждый со своей эволюционной историей, так — можем мы ожидать — и психика организована подобным образом. Она не может быть порождением истории, как и тело, в котором она существует»⁹.

Также К. Юнг подчеркивал, что человек наследует эти образы от своего родового прошлого, которое наряду с этим включает в себя поведенческие манеры предков. Необходимо

иметь в виду, что некоторые архетипы не просто имена или даже философские понятия, они являются маркером исторических видов. Это моменты самой жизни — образы целостного восприятия, связанные с живым индивидуумом, эмоциональными связями¹⁰. В связи с этим Л. Н. Гумилев отметил, что «в отличие от культурной традиции, традиция этническая — это не преемственность мертвых форм, созданных человеком, а единство поведения живых людей»¹¹. Этнические стереотипы и автостереотипы формируются в рамках массового сознания в образах и понятиях, функционирующих на данном уровне. При этом этнические стереотипы формируются на основе шкалы ценностей, принятых народом через призму традиций и культуры, сложившихся в процессе его жизнедеятельности. В традиционно-бытовом слое выделяют давние, архаические и новые, формирующиеся традиции, которые в совокупности влияют на формирование национального самосознания и национальной психологии человека.

Этническая специфика народов Поволжья из сферы материальной культуры в современных условиях как бы перемещается в сферу духовную. В ней нельзя не учитывать возникновение и влияние на сферы сознания людей новых традиций, в том числе в среде повседневной культуры, элементы которой возникают и проникают в жизнь народа, видоизменяясь и взаимообогащаясь. У современных исследователей есть сложившееся мнение относительно особенности эволюции этнокультурного процесса нерусских этносов в регионе. В. Н. Романов обращает внимание на то, что в культурном взаимодействии «народы Поволжья являются своеобразной буферной зоной между восточной и прозападной культурами»¹².

Этот факт и сегодня накладывает значительный, а порою и определяющий отпечаток на особенности эволюции этнокультурного процесса нерусских этносов в регионе. Основной причиной возникновения этнической традиции, безусловно, является самосознание и самоидентичность этноса. Повышенный интерес к национальной идентичности сопровождается стремлением к сохранению этнической культуры, национальных традиций, которые проявляются в виде осознания человеком себя, как части определенной этнической общности, в условиях сложной экспансии «запад-

ного», «американского» образа жизни, его стиля мышления, нравственных и культурных ценностей.

В условиях глобализации естественной реакцией сохранения материальной и духовной культуры становится самоидентичность, позволяющая той или иной группе отличать себя от других, и тем самым определять свое место и роль в системе социальных отношений. Н. И. Воронина пишет, что «для миллионов людей этническая идентичность — это само собою разумеющаяся данность, не подлежащая рефлексии, посредством которой они себя осознают и благодаря которой могут ответить сами себе (Кто я и с кем я?)»¹³. В условиях общности стремление не только отдельных людей, но и народов осознать свою этническую идентичность вполне естественно. В этом смысле идентичность всегда выступает социальным конструктом. Что касается национальной идентичности, то наряду с гражданской, культурной, религиозной, политической, региональной она является одной из разновидностей идентичности как таковой.

Важным элементом в системе механизмов национальной идентификации выступает мифология. Она является компонентом национального сознания как структурообразующего фактора этноса и национального самосознания, через которое происходит идентификация отдельных представителей этноса с единым, коллективным целым. Компонентами коллективной идентичности являются общее историческое прошлое, историческая память, пространственно-временные концепты, мифология, религиозные доктрины, общепринятые ритуалы, культурные ценности. В каждый из исторических периодов самоидентификация личности происходит по-своему с учетом характера ментальности, особенности ценностных структур, доминирования телесного, духовного или рационального начал в человеке¹⁴.

При рассмотрении процесса этнической идентификации можно заметить интересную закономерность: основным способом этнической идентификации является выработка и усвоение мифов. Именно миф может быть рассмотрен как основная форма упорядочивания сложной социальной реальности. Национальная картина мира как способ отношения человека к миру, окружающей его действительности представляется как упорядоченная система представлений и соотнесение их с определенными национальными ценно-

стями, которые выражаются через мифологию, философию, язык, идеологию, традицию, фольклор и т. п. При этом национальная картина мира не является неизменной. Она разная в различные периоды жизни народа и для различных групп внутри этноса. Это связано с различиями в культурно-ценностных доминантах. Неизменными оказываются лишь те мифы или архетипы, символические первообразы культуры, которые постоянно трансформируются с развитием самой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Берг Л.С. Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей. Пб.: Гос. изд-во, 1922. С. 180—181.
- ² Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт. Историческая география как народоведение // Изв. Всесоюз. геогр. общества. 1968. № 3. С. 195.
- ³ См.: Юрченков В.А. Взгляд со стороны: очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. С. 22—29.
- ⁴ См.: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 812.
- ⁵ Фоминых В.П. *Общественная психология сельских жителей Чувашии*. Чебоксары, 1990. С. 170.
- ⁶ Косов Г.В. *История народной художественной культуры: Курс лекций*. URL: http://www.sspi.ru/dir/_nau/fil/3.pdf (дата обращения: 15.09.2013).
- ⁷ Белков П.А. *О методе построения теории этноса // Этнос и этнические процессы*. М., 1993. С. 49.
- ⁸ Агаев А.Г. *Нациология: философия национальной экзистенции*. Махачкала: АГУ, 1992. С. 134—135.
- ⁹ См.: *Теория личности в западноевропейской и американской психологии*. Самара: Бахрах, 1996. С. 134.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Гумилев Л.Н. *От Руси к России*. М.: Экспресс, 1994. С. 296.
- ¹² Романов В.Н. *Взаимодействие культурных систем в этническом пространстве Среднего Поволжья*. Ульяновск: УлГУ, 2003. С. 38.
- ¹³ Воронина Н.И. *Города и люди: культурная идентичность*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. С. 12—13.
- ¹⁴ Черная Л.А. *Самоидентификация личности в культуре «внеличностного» типа // Культура сквозь призму идентичности*. М.: Индрек, 2006. С. 268.

Поступила 21.02.2014.

REFERENCES

- ¹ Berg L.S. *Nomogeneis, ili Jevoljucija na osnove zakonomernostej*. Pb.: Gos. izd-vo, 1922. S. 180—181.
- ² Gumilev L.N. *Jetnos i landshaft. Istoricheskaja geografija kak narodovedenie // Izv. Vsesojuz. geogr. obshhestva*. 1968. № 3. S. 195.

- ³ См.: Юрченков В.А. *Vzgljad so storony: ocherki*. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1995. S. 22—29.
- ⁴ См.: *Filosofskij jenciklopedicheski slovar'*. M., 1983. S. 812.
- ⁵ Fominyh V.P. *Obshhestvennaja psihologija sel'skih zhitelej Chuvashii*. Cheboksary, 1990. S. 170.
- ⁶ Kosov G.V. *Istorija narodnoj hudozhestvennoj kul'tury: Kurs lekcij*. URL: http://www.sspi.ru/dir/_nau/fil/3.pdf (data obrashhenija: 15.09.2013).
- ⁷ Belkov P.A. *O metode postroenija teorii jetnosa // Jetnosy i jetnicheskie processy*. M., 1993. S. 49.
- ⁸ Agaev A.G. *Naciologija: filosofija nacional'noj jekzistencii*. Mahachkala: AGU, 1992. S. 134—135.
- ⁹ См.: *Teorija lichnosti v zapadnoevropejskoj i amerikanskoj psihologii*. Samara: Bahrah, 1996. S. 134.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Gumilev L.N. *Ot Rusi k Rossii*. M.: Jekopros, 1994. S. 296.
- ¹² Romanov V.N. *Vzaimodejstvie kul'turnyh sistem v jetnicheskom prostranstve Srednego Povolzh'ja*. Ul'janovsk: UIGU, 2003. S. 38.
- ¹³ Voronina N.I. *Goroda i ljudi: kul'turnaja identichnost'*. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 2008. S. 12—13.
- ¹⁴ Chernaja L.A. *Samoidentifikacija lichnosti v kul'ture «vnelichnostnogo» tipa // Kul'tura skvoz' prizmu identichnosti*. M.: Indrek, 2006. S. 268.

N. V. Ryabov. Ethnicity and Self-Consciousness in the Context of the Ethnic Culture of the Mordvinian People

For the centuries-old history of existence and the process of evolution, peoples developed and accumulated material and spiritual values which are defined as unique culture. Each ethnic group has a historic code, spatial and temporal extent, its own genotype, biological and social ties, and its place in the landscape space. The Finno-Ugric people has always attracted attention of Russian and foreign scientists with its unique culture, as the study of ethnic cultures of peoples as an integral part of the spiritual culture of modern humanity as well as the issues of formation of ethnic self-consciousness are of great importance.

In the sphere of ethnic consciousness, the world outlook plays a special role which is in close proximity to the mentality of the people developed over centuries, based on the idea of ethno-historical life reflected in the artistic culture. For the self-consciousness of the Mordvinian people and its identity, natural phenomena and the landscape became a natural background for understanding of space. Changes in ethnic environment (language, cultural achievements) occurring in interaction with other cultural traditions are a sufficient ground for the assertion of assimilation of indigenous peoples of the Volga Region connected with the ongoing leveling of common cultural values.

The key point of the ethnic self-consciousness is the identification of individuals with a certain ethnic community, which is reflected in the self-

ethnonym of an ethnic group. The major differences of ethnic groups from other nationalities are: language, character, type of face, rites, and traditions. When considering the process of ethnic identification, quite interesting regularity can be noticed: the main way of ethnic identification is in making and learning myths. Only those myths or archetypes, symbolic primordial images of culture remain unchanged, that are constantly transformed with the development of the culture itself.

RYABOV Nikolai Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Traditional Mordvinian Culture and Modern Art, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

**А. А. БЕЛЯЦКАЯ, РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ
Ю. В. КУЗНЕЦОВА ЛИНГВОКУЛЬТУР
И ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Ключевые слова: лингвокультура, текст, лингвокультурное развитие, единое лингвокультурное пространство

Key words: linguistic culture, text, linguistic and cultural development, common linguistic and cultural space

В статье анализируется проблема формирования единого лингвокультурного пространства в аспекте соборного развития всех национальных культур. Выделены конкретные признаки культуuroобразования в национальных лингвокультурах. Акцентируется значение русского языка как фактора духовного и культурного объединения.

The paper analyzes the issue of forming a common linguistic and cultural space in terms of the general development of all national cultures. Specific features of culture creation in national linguistic cultures are identified. Importance of the Russian language as a factor of spiritual and cultural consolidation is emphasized.

Изучение языка и речи как средств формирования единого культурного пространства является одним из научных приоритетов в современном гуманитарном знании. Перспективной областью исследования здесь, безусловно, является текст, вбирающий в себя и транслирующий ценности различных культур, представляющий локусом происходящих в мировой культуре процессов. Потому он требует интегральной методологии изучения, совместных усилий философов, лингвистов, культурологов, психологов и нейрофизиологов. Наиболее актуальным сегодня представляется изучение механизмов культуuroобразования в тексте, в частности, имеются в виду процессы активизации культуuroобразующих концептов в сознании носителя лингвокультуры.

БЕЛЯЦКАЯ Анастасия Александровна, докторант кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

КУЗНЕЦОВА Юлия Викторовна, доцент кафедры культурологии, этнокультуры и театрального искусства Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

Выявление особенностей образования текстовых концептов выводит нас на понимание динамики современной культуры, тенденций ее развития. В общем виде это процесс культурообразования в языке. Изучение этого процесса необходимо для понимания лингвоментальных условий формирования мировой культуры, достижения высокого уровня деятельности человека в культуре — через единое лингвокультурное пространство.

Важность изучения феномена текстовой лингвокультуры увеличивается именно сегодня, когда язык современного *homo lingualis* стремительно теряет духовную свободу, замыкаясь на потребностном уровне бытия. Отсюда узость речемышления современного человека, поскольку язык потребления ограничен рамками индивидуалистического бытия. Отлученный от общественного бытия, современный индивидуалист лишает себя возможности участия в социальной коммуникации. По выражению М. К. Мамардашвили, «человек с одичавшим сознанием, с упрощенным представлением о социальной реальности и ее законах не может жить в XX в. Он становится опасным не только для себя, но и для всего мира»¹.

Индивидуальное языковое сознание приводит к нарушению естественных эволюционно заданных коммуникативных, т. е. культурно-познавательных возможностей человека, а в итоге — к утрате способности целостного мировосприятия. Язык просто становится обслуживающей сферой сделок и политических манипуляций. Этот тезис наводит на ряд культурозначимых вопросов. Какой «микрокосмос» возникает в сознании современного школьника, читающего тексты-блоги, тексты-фрагменты социальных сетей, тексты рекламы? Как «освободить» язык для культурного творчества, для «восходящей эволюции» человека? (концепция необратимого, «восходящего» характера эволюции человека возникла и разрабатывалась в философии русского космизма XIX—XX вв.)².

Становится ясно, что американская лингвокультура (экспансию которой русский язык ощущает на себе с каждым годом все острее), заявившая о себе как инструменте глобального объединения народов, потерпела фиаско в своем мессианстве. Ее индивидуалистическая направленность закрывает для нее возможности доминирования в восходящей социальной эволюции. В связи с этим закономерен вопрос:

какой язык направит человека к вершинам эволюции в третьем тысячелетии?

В философии культуры выделяются типы культур в зависимости от типа образного осмысления мира — метонимического, метафорического, синекдохического и др. Максимальной степени «открытости» миропонимания достигали русские мыслители. Идея соборности, всемирности, всечеловечности как уникальный архетип русскоязычной текстовой лингвокультуры преломляется в метафорическом мышлении. Фундаментальной основой русской гуманистической художественной соборности является православие, образы которого питали русскоязычную лингвокультуру и, в частности, ее письменное творчество, начиная с принятия христианства на Руси в X в.

Русскоязычная текстовая лингвокультура является максимально синтетической, интегральной формой мировосприятия. Ментальный строй русской текстовой лингвокультуры отличается метафорической способностью вознестись мыслью над всем простором Вселенной и охватить ее в единовременной творческой целостности Слова. Именно русская культура через религиозно-литературный текст показала миру возможность преодоления замкнутости человеческого сознания и открыла выход за пределы индивидуальности в единое соборное существование, к «мировому духу». Уникальность России как особого типа цивилизации заключается в выраженной духовности ее мессианства, его духовных накоплений, зафиксированных в словесном творчестве. Предметом особой заботы русской словесности с момента ее зарождения является, по мысли Д. С. Лихачева, государственное «устроение» России³. Потому Слово для русской культуры священно, оно было «Вначале» и стало «микрокосмом человеческого сознания»⁴.

Носителям русского языка и культуры проблема деформации лингвокультурного пространства, выражаемая в нарушении творческих оснований языковой способности человека, небезразлична. Еще в начале XX в. В. И. Иванов, веривший в священную природу русского слова, считал, что русский язык «оскопляют и укрощают», ломают его «природную осанку» «чужеземною муштрой». Русский язык понимался мыслителем как священный, сакральный, а русское слово, «эллинское по природе и крещенное церковно-

славянским духом, виделось как «путь к Богу»⁵. При этом он предвосхищал глобальные интеграционные процессы и считал возможным творческое обновление вселенского сознания парадоксальным, но вновь соборным, исконно русским, по сути, способом: воссоединением религиозного сознания культурно полярных стран — России и Англии. Таким образом, культурная «матрица» русской лингвокультуры содержит соборный код, формулу единого глобального духовного пространства, общего для всех народов мышления, веры, самосознания.

Одной из важнейших задач исследования языка и текста является актуализация их социально-эволюционной значимости, утверждение «нормативной» культуuroобразующей функции речи, текстопостроения и понимание восходящего направления развития человеческой культуры. Хронологическая дистанция между творческой активностью лингвокультуры отдельного человека (автора текстового шедевра) и достижением высших состояний речевой деятельности в культурной практике всего человечества огромна, и до сих пор непреодолима. А. С. Панарин считал этот цивилизационный разрыв серьезнейшей проблемой развития русской культуры и называл блаженными те народы, чья письменная традиция не уходит далеко вперед от устного творчества⁶. Действительно, синхронное развитие интеллектуального большинства и меньшинства обеспечивает культурную коммуникацию, корректную и своевременную передачу смыслов текстовой лингвокультуры, понимание новых текстов, принятие новых идей.

Поэтому приобретает особую актуальность «прочтение» смыслов текстовой художественной культуры огромного евразийского континента, шагнувшей далеко вперед в осознании своей цивилизаторской миссии. Однако по сей день многие достижения литературы, например, древнерусской, древнегерманской или древнегреческой, не являются культурной конвенцией сознания. В связи с этим возникает ряд вопросов. Чем обусловлено возникновение текстового шедевра? Как развивается лингвокультура отдельного человека, автора великого текста? Возможно ли всему человечеству достигнуть уровня аристотелевского мышления? Какие признаки отличают великие тексты всех национальных культур? Попробуем рассмотреть ряд важнейших, на наш взгляд,

параметров текста, которые присущи лучшим образцам национальных лингвокультур и которые направляют человечество по пути создания единого духовного пространства лингвокультуры.

Во-первых, *будущность целеполагания, вера в лучшее будущее, движение по восходящей, стремление к своему акме* (возможная текстуализация — яркая временная и лексическая модальность, выраженная интенциональность, жизнеутверждающие прогностические оценки в пропозиционных структурах, оценочная экспрессивная лексика, политизированность, идеологичность, жанр манифеста («программный» характер текста)).

Во-вторых, *целостность и слитность ценностных полей автора, текста и читателя*. Целостность мировоззрения автора, текста и общества, единоподчиненность идейных установок автора, текста и читающего сообщества («производителей» и «носителей» лингвокультуры), что обеспечивает «ускорение» развитию лингвокультуры.

В-третьих, *идейная новизна, нарушение привычных норм текстопостроения* (способы возможной текстуализации — создание нового образа, отождествление нетождественного, непредсказуемые сюжетной линии, рождение новых жанровых форм, очертания героя нового времени — иного образа мысли). Психолог В. Тэхке о новизне как о важнейшем критерии развития человеческого сознания пишет: «Непрерывное тестирование и модификация мира собственных представлений зависит от сохраняемой открытости для новых переживаний, связанных с внешними объектами. Когда это уже больше невозможно, сознание закрывается, теряет свою готовность к обновлению и становится способным только к повторению»⁷.

В-четвертых, *знание прошлого и уважение к нему*, что позволяет накапливать потенциал возможностей развития и использовать продуктивные, жизнеутверждающие модели коммуникативного поведения. По мнению Л. С. Драгунской, главная задача развития человека — это формирование своего прошлого, чтобы оно всякий раз не оказывалось настоящим. У зрелой личности, пишет она, «сформированное прошлое обязательно присутствует в настоящем, но уже именно как прошлое, а не как вневременной, а значит, и внепространственный континуум переживания (где перепу-

таны представления о себе, об окружающих людях, и т. д. вплоть до конкретных пространств). <...> Только идеально сложившаяся личность может полностью построить и оборудовать границу между прошлым и настоящим. <...> На самом деле люди часто путают прошлое и настоящее (границы не преодолены)»⁸.

В-пятых, *единство слова и дела* (правдивое отражение в языке принципа социального равенства, демифологизация социального неравенства, развенчание ложных мифов и представлений, глубокое проникновение текста в суть происходящих социальных событий и понимание их соответствия внешним законам бытия и реальности современного знания)⁹.

В-шестых, *гуманистичность*. Каждый создаваемый текст — выражение доброй воли. Это касается и характера написания художественного текста, и его читательской интерпретации.

В-седьмых, *антропокосмичность*. Системное восприятие собственного речевого произведения в целостной планетарной парадигме, развивающейся в поисках продуктивных моделей коммуникативного взаимодействия. Текст направлен не к одному человеку, а к народу, не к самому себе, а к другим, не к представителям одной, а нескольких или всех лингвокультур.

Однако единая мировая лингвокультура — это не сумма признаков отдельных лингвокультур, а динамическая, развивающаяся система, функционирующая в единстве вышеперечисленных признаков. В каждом синхронном срезе лингвокультура проявляет свои особые структурные свойства, просвечивая определенные системы связей между элементами. То, как лингвокультура качественно изменяется, демонстрирует ее системообразующие свойства, складывающиеся не из суммы структурных особенностей каждого синхронного среза языка, а из качественного перехода в иное, более развитое культурное состояние одного или нескольких элементов речевой системы, преобразующее всю смысловую организацию лингвокультуры.

Одним из значимых, культуuroобразующих и системообразующих элементов является текст с его смысловым, ценностно-телеологическим стержнем, его картиной мира — целостной или искаженной, гуманистической или индивидуалистической, антропокосмической или антропоцентрической.

Таким образом, лингвокультура представляет собой способ языковой познавательной деятельности, а текст создание нового чувственного мира. Понимание ответственности каждого человека-блогера или автора шедевра национальной литературы за результаты своей текстовой деятельности, является единственным путем формирования общего мирового духовного пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мамардашвили М.К. «Третье» состояние // М.К. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 168.

² Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.

³ См.: Лихачев Д.С. Литература «государственного устройства» (середина XVI в.) // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. / сост. Д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев. М., 1985. С. 5—16.

⁴ См.: Выготский Л.С. Мышление и речь // Л.С. Выготский. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 203—204.

⁵ См.: Иванов В.И. Наш язык. М., 1994. С. 396—400.

⁶ Гачев Г.Д., Пантин И.К., Панарин А.С. и др. Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 35.

⁷ Тэжхе В. Психика и ее лечение. М., 2001. С. 181.

⁸ Драгунская Л.С. Бытие во времени как методологический аспект глубинной психологии. Синхрония и диахрония // Логос. № 1. 2006. С. 265.

⁹ См.: Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. М., 1977. С. 19; Буданцев Ю.П. Очерки ноокоммуникологии (массовая коммуникация в ноосфере). М.: МНЭПУ, 1995. С. 23.

Поступила 14.01.2014.

REFERENCES

¹ Mamardashvili M.K. «Tret'e» sostojanie // M.K. Mamardashvili. Kak ja ponimaju filosofiju. M.: Progress, 1990. S. 168.

² Russkij kosmizm: Antologija filosofskoj mysli / sost. S.G. Semenova, A.G. Gacheva. M.: Pedagogika-Press, 1993. 368 s.

³ Sm.: Lihachev D.S. Literatura «gosudarstvennogo ustroenija» (seredina XVI v.) // Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. Seredina XVI v. / sost. D.S. Lihachev, L.A. Dmitriev. M., 1985. S. 5—16.

⁴ Sm.: Vygotskij L.S. Myshlenie i rech' // L.S. Vygotskij. Sobr. soch.: v 6 t. M.: Pedagogika, 1982. T. 2. S. 203—204.

⁵ Sm.: Ivanov V.I. Nash jazyk. M., 1994. S. 396—400.

⁶ Gachev G.D., Pantin I.K., Panarin A.S. i dr. Rossijskaja mental'nost' (materialy kruglogo stola) // Voprosy filosofii. 1994. № 1. S. 35.

⁷ Tjehke V. Psihika i ee lechenie. M., 2001. S. 181.

⁸ Dragunskaja L.S. Bytie vo vremeni kak metodologicheskij aspekt glubinoj psihologii. Sinhronija i diahronija // Logos. № 1. 2006. S. 265.

⁹ Sm.: Vernadskij V.I. Razmyshlenija naturalista. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie. Kn. 2. M., 1977. S. 19; Budancev Ju.P. Oчерki nookommunikologii (massovaja kommunikacija v noosfere). M.: MNJePU, 1995. C. 23.

A. A. Belyatskaya, Yu. V. Kuznetsova.

Development of National Linguistic Cultures and Formation of a Common Linguistic and Cultural Space

The paper discusses formation of a common linguistic and cultural space. Cross-cultural interaction is carried out in the space of each specific text transmitting the world consolidation or dissociation through text concepts. The author seeks to identify the text factors of consolidation of national linguistic cultures. The relevance of the study of the text as a factor of culture formation is due to the aggravation of national tensions and the need to select universal values in the space of global intercultural struggle. The paper considers a number of parameters of the text that characterize all the best samples of national linguistic cultures and guide the mankind towards creation of a single spiritual space of linguistic culture.

Special attention is paid to the role of the Russian linguistic culture as a matrix of cross-cultural consolidation. The paper analyzes the Russian idea of conciliar nature, of being worldwide and common to the mankind as a unique archetype of the Russian-language textual linguistic culture, which is called the most synthetic, integral form of perception of the world. The cultural «matrix» of the Russian linguistic culture contains the general code, the formula of a single global spiritual space, mentality, faith, and self-consciousness common to all peoples.

A necessary step towards linguistic and cultural integration is the understanding of a national vocal work as an example of the world linguistic culture being a part of the whole. A national text created with the aim of finding productive models of communicative interaction in the integral planetary paradigm becomes part of the collection of masterpieces of literature and is considered to be developing towards a common linguistic and cultural space.

BELYATSKAYA Anastasia Aleksandrovna, Doctoral Candidate, Department of the English Language for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

KUZNETSOVA Yuliya Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Ethnic Culture and Dramatic Art, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).



Т. В. БАБОЧКИНА

М. А. ЮДИН — КОМПОЗИТОР, ПЕДАГОГ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Ключевые слова: советский композитор, Ленинградская и Казанская консерватории, массовая песня, обработки народных песен, татарская опера, скрипичный концерт

Key words: Soviet composer, Leningrad and Kazan conservatories, popular song, folk songs arrangements, Tatar opera, violin concerto

В статье раскрываются актуальные вопросы жизни и творчества композитора М. А. Юдина, который является представителем ленинградской школы в Казани. Выявляются достоинства и отличительные черты композиторского искусства М. А. Юдина.

The paper reveals the important issues of life and creativity of composer Mikhail Yudin, a representative of the Leningrad school in Kazan. Advantages and distinctive features of M. Yudin's composer art are identified.

Творческое наследие Михаила Алексеевича Юдина (1893—1948), композитора, деятеля двух национальных музыкальных культур (русской и татарской), а также музыкального образования двух городов (Ленинграда и Казани), оказалось незаслуженно маловостребованным. Однако в первой половине XX в. личность М. А. Юдина была известной и почитаемой многими. Он был одним из ведущих советских композиторов 1930—1940-х гг., его обширная творческая, педагогическая, общественная деятельность затрагивает все стороны музыкальной жизни Ленинграда. Неоценим вклад М. А. Юдина в становление профессиональной музыкальной культуры Татарии, этому региону и, в частности, Казанской консерватории посвящен последний период жизни композитора.

Творческая деятельность Юдина продолжалась менее четверти века — с 1925 по 1948 г. Так случилось, что Великая Отечественная война разделила его судьбу на две части: ленинградский и казанский периоды жизни и творчества.

БАБОЧКИНА Татьяна Владимировна, преподаватель отделения теории музыки Альметьевского музыкального колледжа им. Ф. З. Яруллинаг.

Ленинградский период длился 17 лет, казанский — 6 лет. Это были годы интенсивного композиторского труда, учитывая значительные нагрузки Михаила Алексеевича как преподавателя разных музыкальных учебных заведений и общественного деятеля.

На протяжении творческого пути он создавал произведения в самых разных жанрах крупных и малых форм. Кажется, нет такой области музыкального творчества, к которой бы не обратился М. А. Юдин. Среди его сочинений оперы, симфонии, концерты для солирующих инструментов с оркестром, сонаты, хоровые произведения, инструментальные произведения, балетная и вокальная музыка, музыка к театральным постановкам, музыка для детей. Сам факт «пробы сил» в разных жанрах свидетельствует об увлеченности композитора творческой деятельностью, поисками соответствующих средств музыкальной выразительности, ответственности М. А. Юдина перед избранной профессией.

Связать судьбу раз и навсегда с музыкой М. А. Юдин решил не сразу. Окончив в 1911 г. Петербургскую гимназию императора Александра I, он поступил на естественный факультет Императорского Петербургского

университета, отделение естественных наук физико-математического факультета. Из нашего интервью с дочерью композитора Т. М. Юдиной от 5 ноября 2009 г.: «Учился он там блестяще. В 1918 г. Юдин был на последнем курсе университета и должен был писать диплом (о насекомых). Все свое детство и юность он очень увлекался различными насекомыми, делал их яркие, красочные зарисовки во всех деталях. У него даже была коллекция насекомых и бабочек. К сожалению, она не сохранилась...». В годы учебы в университете Михаил



Алексеевич не переставал интересоваться музыкой. Он знакомился с творчеством русских композиторов начала

XX в., слушал оперы классиков XIX в. и др. Сильнейшее воздействие на него произвело исполнение выдающимся русским оперным певцом Ф. И. Шаляпиным ведущих ролей в «Псковитянке» Н. А. Римского-Корсакова, в операх М. П. Мусоргского.

Любопытно, что после окончания гимназии с золотой медалью, М. А. Юдин завершает обучение в университете без написания дипломной работы. На эстетические взгляды композитора в этот период повлияла и его преподаватель по фортепиано — М. Юдина, которая прививала Михаилу Алексеевичу через музыку высокие христианские идеи, познакомила молодого музыканта с многими произведениями различных жанров, созданных русскими и зарубежными композиторами. Серьезное увлечение музыкой пересиливает другие интересы, и в 1918 г. М. А. Юдин поступает в Петроградскую консерваторию в класс профессора В. П. Калафати, а затем в 1923 г. в класс практического сочинения профессора А. М. Житомирского. Оба профессора были учениками Н. А. Римского-Корсакова, они передали М. А. Юдину традиции петербургской композиторской школы.

В период обучения в консерватории (1918—1925 гг.) М. А. Юдин создает произведения преимущественно для хора и фортепиано. К ним относятся две сонаты для фортепиано — e-moll и g-moll; Вариации для фортепиано e-moll; хоры a cappella «Утро» на слова А. Белого, «Скифы» на стихи А. А. Блока, цикл «Три причета» на народные тексты; романс «Ручей» на текст А. Белого.

Одновременно с поступлением в консерваторию М. А. Юдин начинает преподавать в музыкальных школах Петрограда, в музыкальном техникуме, а также выступает в качестве лектора и организатора концертов. Среди его учеников известные композиторы и музыковеды: Г. В. Свиридов, Г. Н. Носов, А. Г. Корсунская, Д. А. Прицкер, В. К. Сорокин, А. М. Лобковский, М. П. Ожигова. С 1925 г. М. А. Юдин работает в Ленинградской государственной академической капелле. С этого момента интерес и любовь к хору, проявившиеся еще в студенческих сочинениях, останутся у композитора на всю жизнь.

В 1926 г. Юдин, уже имея авторитет опытного педагога, был приглашен в Ленинградскую консерваторию в качестве преподавателя. Вначале он вел теоретические предметы:

сольфеджио, теорию, гармонию, полифонию, разработанный им курс мелодики; с 1932 г. — курс практического сочинения. В этом же году он получил звание доцента, в 1939 г. — профессора Ленинградской консерватории. Композитор находится в этот период в окружении выдающихся музыкантов своего времени.

К концу 20-х гг. XX в. относятся первые крупные сочинения М. А. Юдина: Токката для органа d-moll op.3, исполненная другим композитора, органистом И. А. Браудо, Соната для фортепиано e-moll op.4, симфоническая поэма «Земля» для хора и оркестра, романсы и песни. В этих произведениях постепенно формируется творческий облик Михаила Алексеевича, основанный на классических традициях русской композиторской школы не без влияния авангардных течений отечественной музыки начала XX в.

Значительное место в творчестве 30-х гг. занимает массовая песня. Этот жанр начинает активно развиваться в общественно-культурной жизни страны. В 30—40-е гг. М. А. Юдиным создано свыше тридцати массовых песен, в том числе и на военную тематику. За песни «Слева поле, справа поле» на слова А. Прокофьева (1933), «Декабрьской стужей» на слова Е. Рывиной (1934) и др., представленные в конкурсе к 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 5 ноября 1941 г., М. А. Юдин удостоился государственной премии.

В 1932 г. начинает функционировать Ленинградский союз композиторов, в котором М. А. Юдин принимает активное участие: он становится членом правления Союза, руководителем хоровой и детской секций. Много творческих и душевных сил было отдано М. А. Юдиным в работе с детскими хоровыми коллективами. В 30-е гг. композитор сотрудничал с хором Ленинградского Дворца пионеров, для которого были написаны произведения в различных жанрах. Среди них «Зеленый шум» для большого детского хора и детского симфонического оркестра (1936); «Песня про коня» для детского хора (1938); «Подшефник» для трехголосного детского хора и фортепиано (1934), «Приветственная кантата» (op. 10, 1934), «Русская сюита» (op. 26, 1940) и др.

Эти сочинения исполнялись в Ленинградском дворце пионеров и филармонии, звучали по радио. Композитор стремился обогатить детский хоровой репертуар, создать

произведения, которые могли бы заинтересовать детей, вовлечь их в музыкальную исполнительскую культуру. Приобщение молодого поколения к музыкальному творчеству он видел через хоровую деятельность, поэтому активно работал в этом направлении. Подтверждением вышесказанного могут послужить слова самого композитора: «Основное в творчестве для наших ребят — чистота, непосредственность, искренность и чуткость в раскрытии многообразной техники — в самых различных жанрах. Отсюда рождается и близость к детскому восприятию действительности, отсюда и естественная связь с классиками — Моцарт, Гайдн, Шуберт, Глинка»¹. Из статьи 1935 г. следует также, что М. А. Юдин планировал написать детскую ораторию и оперу, однако этим замыслом не суждено было осуществиться.

Особый интерес в ленинградский период композитор проявил к народной мелодике. Им написано большое количество обработок народных песен. М. А. Юдин — один из тех композиторов первой половины XX в., кто серьезно увлекался фольклором. Наряду с И. Стравинским, Б. Бартоком, С. Прокофьевым и рядом других композиторов М. А. Юдин по-новому отнесся к фольклору, создав ряд произведений в стилистике народно-певческих традиций.

Родившись в Петербурге, где прошла значительная часть его жизни, он воспринимал русскую песенность не только под влиянием городской культуры. Особое значение для М. А. Юдина имели старинные пласты песенного фольклора, почерпнутые им в деревнях Вятского края, где он проводил почти каждое лето. Там будущий композитор вслушивался в особенности народного многоголосия, проникал в глубину интонационного своеобразия русских песен. Все это отразилось на его творчестве: он создает мастерские обработки песен различных народов России (русских, якутов, коряков, чукчей и др.), используя записи, сделанные Е. Гиппиусом и З. Эвальд.

В традициях, сложившихся в русской музыке XIX в. в творчестве М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Лядова, М. А. Юдин дополнил народную песню фортепианным сопровождением. Однако именно в фортепианной партии обнаруживается иной подход М. А. Юдина к народному напеву. В своих обработках он стремился воссоздать тот тип многоголосия, который сложился в

народно-песенной культуре. Фортепианная партия часто выступает в роли дублирующего голоса, обнаруживается подголосочный тип фактуры, полимелодическое соотношение голосов. В своих хоровых произведениях на русские народные тексты Юдин проявил себя как знаток народной песни, тонко чувствующий все особенности народного интонирования, словесный и музыкальный ритм. М. А. Юдин активно общался с Б. А. Асафьевым, среди исследований которого есть статья «Русская народная песня и ее место в школьном музыкальном воспитании и образовании»². Из отзыва Б. Асафьева, посвященного творчеству М. А. Юдина и датированного 12 апреля 1939 г., следует, что «Юдин стремится обобщать в монументальных формах интонации, слышимые вокруг, складывая из них свою музыкальную речь, образную и эмоционально-гибкую. Подобно Мусоргскому, но, не подражая ему механически, Юдин передает в своих композициях звучание слова, музыку человеческой речи, напевность живого языка»³.

Умение понять и принять интонационную музыкальную культуру разных народов помогло ему органично войти в татарскую музыку. Анализ произведений казанского периода творчества дает возможность осознать, какими средствами было достигнуто понимание татарской интонационной стилистики. М. А. Юдин стал первым в татарской музыке автором кантаты, скрипичного концерта, программного фортепианного цикла. Поражает то, с какой быстротой композитор принялся за создание оперы на татарском языке. Эти произведения написаны на основе татарской мелодики. В Скрипичном концерте, в опере «Фарида» в качестве ладовой основы большинства тем М. А. Юдин избрал лады ангемитоники, в основе гармонии лежит логика тонального функционально-аккордового развития. Важно подчеркнуть, что М. А. Юдин сумел преодолеть определенную замкнутость оперных форм на основе ангемитонного мелоса, создать динамику, необходимую для оперного действия. В этом плане оперу «Фарида» М. А. Юдина можно сопоставить с первыми операми Н. Жиганова — «Качкын», «Алтынчеч».

М. А. Юдин стоял у истоков формирования Казанской государственной консерватории. Михаил Алексеевич возглавил теоретико-композиторский и дирижерско-хоровой факультеты, выступил инициатором в организации хоровой

капеллы. Имея большой педагогический опыт, знание и любовь к своей профессии, он стал ведущим профессором консерватории. У него учились татарские композиторы А. Бакиров, А. Валиуллин и Х. Валиуллин, В. Евстратов, в классе полифонии — музыковеды О. К. Егорова, Г. Я. Касаткина, Ч. Бахтиярова.

Произведения М. А. Юдина и сейчас звучат в концертных залах. На юбилейном концерте в 1995 г., посвященном 100-летию со дня рождения Юдина, было исполнено *Adagio* для альта и фортепиано, также прозвучали романсы композитора, прелюдии для органа, цикл прелюдий для фортепиано. 2 декабря 2010 г. Оперной студией Казанской консерватории поставлена музыкальная комедия «Милая Хафиза»; в январе 2010 г. исполнен цикл «Лесные пейзажи» (Т. Бабочкина). Хоровыми коллективами Казани и республики исполняются обработки татарских народных песен.

Таким образом, творческое наследие М. А. Юдина привлекательно не только как памятник определенного периода отечественной музыки XX в. Оно продолжает оставаться в отечественной музыкальной культуре нашего времени в силу своей художественной ценности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юдин М. Работа над музыкой для детей // Сов. музыка. 1935. № 2. С. 60.

² См.: Асафьев Б. Русская народная песня и ее место в школьном музыкальном воспитании и образовании // Асафьев Б. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. Л., 1965. С. 84—91.

³ Его же. Отзыв о М.А. Юдине // Архив семьи Юдиных. Рукопись.

Поступила 13.11.2013.

REFERENCES

¹ Judin M. Rabota nad muzykoj dlja detej // Sov. muzyka. 1935. № 2. S. 60.

² Sm.: Asaf'ev B. Russkaja narodnaja pesnja i ee mesto v shkol'nom muzykal'nom vospitanii i obrazovanii // Asaf'ev B. Izbrannye stat'i o muzykal'nom prosveshhenii i obrazovanii. L., 1965. S. 84—91.

³ Ego zhe. Otzyv o M.A. Judine // Arhiv sem'i Judinyh. Rukopis'.

T. V. Babochkina. M. A. Yudin — a Composer, Teacher and Public Figure

The creative heritage of Mikhail Alekseyevich Yudin (1893—1948) — a composer, professor, figure of two national music cultures (the Russian and Tatar cultures) and of music education in two cities (Leningrad and Kazan) is rarely called for nowadays. However, in the first half of the 20th century, M. A. Yudin was quite famous. He was one of the leading Soviet composers of the 1930's — 1940's, his vast artistic, pedagogical, and social activities touched on every aspect of the music life of Leningrad and Kazan.

The creative work of M. A. Yudin lasted for less than a quarter of a century, from 1925 to 1948. The Great Patriotic War divided his fate into two parts: the Leningrad (17 years) and Kazan (6 years) periods of life and work. From 1918 to 1925, M. A. Yudin was a student of the Leningrad Conservatory in the composition class of V. P. Kalafati, later of A. M. Zhitomirsky. Before entering the Conservatory he studied piano with a famous pianist M. V. Yudina. The creative alliance united the composer with an organist I. A. Braudo and a conductor E. A. Mravinsky. With the opening of the Leningrad Union of Composers, Yudin became a member of its board, the head of the choir and children's sections. During his career, he created works in different genres of large and small forms. Among his works are operas, symphonies, concertos for various solo instruments and orchestra, sonatas, ballet music, choral works, instrumental music, vocal music, music for theatrical productions, music for children.

Invaluable is the contribution of M. A. Yudin to the development of professional music culture of Tatarstan. Yudin was one of the founders of the Kazan State Conservatory, he led the theory and composition, and conductor-choral faculties, he was the initiator of the establishment of the choir. Yudin was the first Tatar author of a cantata, a violin concerto, a program piano cycle; he created an opera in the Tatar language on the basis of Tatar melodies.

The creative heritage of Mikhail Yudin is attractive not only as a memorial of a certain period of Russian music of the 20th century; it remains a part of the Russian music culture due to its artistic value.

BABOCHKINA Tatiana Vladimirovna, Lecturer, Division of Music Theory, F.Z. Yarullin Almet'yevsk College of Music (Almet'yevsk, Russian Federation).

Е. В. БАРСУКОВА КУЛЬТУРОСОЗИДАЮЩАЯ РОЛЬ ВЛАДЕНИЙ ГРАФОВ ВОРОНЦОВЫХ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: культура, дворянство, храмы, театр, дома и усадьбы, имения, земельные владения

Key words: culture, nobility, temples, theatre, houses and estates, manors, land domain

В статье рассматривается роль земельных владений и имений нескольких поколений родов Воронцовых и Воронцовых-Дашковых, в которых имелись часовни, церкви, господские дома, огромные библиотеки, театры, портретные галереи, оранжереи, сады.

The paper considers the role of lands and estates of several generations of the Vorontsov and Vorontsov-Dashkov family, where they had chapels, churches, manor houses, large libraries, theatres, portrait galleries, greenhouses and gardens.

Исследование культуuroобразующей роли владений и усадеб диктуется ситуацией в духовной сфере общества и отдельного человека. Поскольку к культуре относятся лишь образцы, на основе которых организуется деятельность в обществе и накапливается передаваемый от поколения к поколению опыт, то представляется актуальным рассмотреть культуuroобразующую роль владений на примере вотчинных хозяйств древнего рода Воронцовых. Нами были использованы работы биографического характера, касающиеся жизни и деятельности отдельных представителей рода Воронцовых и мемуары¹. Самым главным источником изучения стали материалы «Архива князя Воронцова»², которые имеют историко-культурное значение и представляют ценность для исследования социальной и культурно-бытовой истории XVIII — начала XIX в.

В ряду деятелей эпохи Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I семейная группа Воронцовых отмечена родовой чертой преемственности дарований и заслуг перед Россией. Ее представители

БАРСУКОВА Елена Викторовна, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат культурологии.

занимали в XVIII—XIX вв. высокие государственные посты и были крупными помещиками. Результатом их деятельности стало собрание «несметного количества рукописей, оставшихся от государственной деятельности, которая продолжалась в течение 1,5 столетия»³. Этот род дал России президента Российской Академии княгиню Екатерину Романовну Дашкову (Воронцову), дипломата Семена Романовича, президента Коммерц-коллегии Александра Романовича, военного деятеля Михаила Семеновича и коннозаводчика Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова.

В XVIII — начале XX в. роду графов и князей Воронцовых и Воронцовых-Дашковых принадлежали огромные земельные владения, расположенные в 16 губерниях России: Московской, Тверской, Калужской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Петербургской, Новгородской, Саратовской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, в Карелии, на Ставрополье, Малороссии, в Крыму и Финляндии. Эти владения состояли из родовых вотчин, купленных или пожалованных государями земель, а также из владений, доставшихся в качестве приданого женам.

Так, Михаилу Ларионовичу, который стал первым графом в роду Воронцовых, принадлежал огромный дворец в Петербурге на Садовой, построенный в 1749—1757 гг. В. В. Растрелли. Огромное П-образное здание с парадным двором, двухэтажными флигелями и великолепной центральной трехэтажной частью до сих пор является прекрасным памятником петербургского барокко. Сразу за дворцом начинался регулярный сад с бассейнами и фонтанами. В этом доме воспитывалась племянница графа, будущая княгиня Е. Р. Дашкова, а также бывало много известных людей, включая иностранцев.

Его брат Роман Ларионович владел в Москве на Знаменке большой усадьбой, расположенной недалеко от Крестовоздвиженского монастыря, места захоронения его родителей. Двухэтажный господский дом на Знаменке имел парадную анфиладу второго этажа и богатый декор. Воронцовский дом считался одним из привлекательнейших московских домов своего времени. Кроме своей архитектуры, здание вошло в историю тем, что здесь располагался знаменитый «Знаменский театр» Воронцова.

Наследственные владения графа Ивана Ларионовича Воронцова достались ему от отца, воеводы Ростова Великого Лариона Гавриловича. Господский дом с парком, прудами и островками на них, оранжереями, великолепными березовыми аллеями вдоль подъездных дорог и другими атрибутами усадьбы того времени находился в с. Богородском. За год до своей смерти, в 1749 г., Ларион Гаврилович проживал в этом населенном пункте. Таким образом, Богородское оказывается древнейшей из всех вотчин Воронцовых. Своему названию «Богородское» село было обязано церкви, главный престол которой был освящен в честь Владимирской иконы Богородицы. В соседнем с. Каликине Иван Ларионович построил двухэтажный каменный храм. В письме к архиерею он сообщал: «А во оном селе по желанию моему и данному от вашего Преосвященства Указу каменная церковь о двух этажах строится, нижняя — престол Святителя Дмитрия Ростовского Чудотворца, а верхняя — Илии пророка, которые через год совсем и покончены могут»⁴. Святитель Дмитрий Ростовский считался покровителем рода Воронцовых, его иконы хранились в их усадьбах.

От отца Иваном Ларионовичем унаследовано с. Воронцовка Тамбовской губернии. В усадьбе имелся двухэтажный каменный дом с великолепной портретной галереей, прекрасный парк с каскадом прудов, спускавшихся к р. Цне, флигели, оранжереи, церковь в честь Казанской иконы Богородицы. В настоящее время от усадьбы сохранился только парк. Часть знаменитого воронцовского собрания портретов хранится в Тамбовской областной картинной галерее. В Воронцовке действует небольшой музей истории села.

Усадьба графа И. Л. Воронцова Вороново с конца XVI в. принадлежала роду Волынских. В начале XVIII в. Вороново унаследовал А. П. Волынский, после смерти которого усадьба как приданое дочери перешла к И. Л. Воронцову.

При И. Л. Воронцове в Воронове по проекту архитектора К. И. Бланка были возведены каменная церковь в честь образа Спаса Нерукотворного и знаменитый памятник позднего барокко — голландский домик. Главный усадебный дом в Воронове был построен по проекту архитектора Н. А. Львова. Его же стараниями была создана прекрасная композиция усадьбы, включающая в себя обширный парк с аллеями и террасами, спускающимися к большому пруду.

В усадьбе Батыево Костромской губернии (ныне Ивановская область) в 1766 г. на средства графа И. Л. Воронцова была построена одна из двух каменных церквей в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. В 1768—1769 гг. в Киёве (г. Лобня) на замену прежней церкви в честь образа Спаса Нерукотворного был построен новый двухэтажный каменный храм с тем же посвящением. Автором проекта здания является архитектор К. И. Бланк, а само здание церкви сходно с уже упоминавшимся храмом в с. Каликине. В наибольшей степени жизнь Александра Романовича и многих других Воронцовых была тесно связана с их самой известной родовой вотчиной — усадьбой Андреевское, которое представляло собой пример мира русской дворянской усадьбы XVIII в. Андреевское, став однажды воронцовским, оставалось во владении рода до самой национализации, т. е. в течение 1,5 столетия.

Своему появлению название «Андреевское» было обязано древнему вотчиннику окрестных земель, стольнику А. Ф. Нарышкину. В числе принадлежавших ему деревень Матренинской волости была деревушка Бузино. В начале XVIII в. А. Ф. Нарышкин возвел в ней церковь в честь своего небесного покровителя апостола Андрея Первозванного. Разрешение на строительство было подтверждено грамотой патриаршего местоблюстителя митрополита С. Яворского. Освящение храма состоялось в 1703 г.

Спустя полвека эти земли в качестве приданого супруги перешли в собственность Романа Ларионовича. Рядом с Бузином он возвел небольшой двухэтажный каменный дом и стал устраивать вокруг него свою усадьбу. При усадьбе он возвел в 1772 г. каменный храм. Новый пятикупольный храм с колокольной оказался одним из первых каменных храмов в губернской провинции. Его освятили в 1799 г., добавив к главному престолу дополнительный — в честь Святых благоверных князей Бориса и Глеба. Храм был построен симметрично господскому дому и стал одной из главных частей усадебного комплекса.

Уйдя в отставку в 1793 г., Александр Романович уединился в усадьбе Матренино — соседнем с Андреевском селе. Здесь А. Р. Воронцов по проекту архитектора Н. А. Львова заложил двухэтажный каменный храм в честь Воскресения Христова. За годы жизни в Андреевском граф преобразил

внутренние помещения господского дома, который получил при нем представительность дворцовой резиденции. По словам современника, «прекрасный, обширный, убранный по древнему вкусу замок его напоминал владения германских владетельных принцев на Рейне. Тут было все: сады, рощи, парки, портретная галерея великих мужей России, театр, библиотека и проч.»⁵.

Как и в большинстве крупных дворянских усадеб, в Андреевском имелись свои достопримечательности. Во время проживания здесь графа ими были театр, портретная галерея, библиотека, оранжерея и парк.

Театр в Андреевском возник почти одновременно с появлением в России первых частных театров. Этому процессу способствовали поездки дворян за границу, которые пересаживали европейскую культуру на русскую почву. В 1780—1790-е гг. в Москве существовало около полусотни крепостных театров. Наиболее знаменитыми среди них были театры С. С. Апраксина и князя Белосельского-Белозерского на Знаменке, Г. И. Бибилова на Пречистенке, И. Я. Блудова на Покровской. Под театр Локателли сдавал свой дом отец Александра Романовича граф Роман Ларионович.

«Изыюминкой» Андреевского была его портретная зала. Собираем картин А. Р. Воронцов увлекся еще при своей первой поездке по Европе в 1760-х гг. Всего в Андреевском находилось около 400 портретов, изображавших преимущественно лиц XVIII в. Часть портретов была «копийной» работой крепостных мастеров, а часть холстов имела большую художественную ценность. К таковым относились фамильные портреты Воронцовых, написанные кистью Д. Г. Левицкого, А. Антропова или учеников его школы. Многие из портретов Андреевского в настоящее время находятся в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника или выставлены в экспозиции того же музея во Владимире.

Выйдя в отставку, Александр Романович перевез в Андреевское свои многочисленные книги, которые он собирал всю жизнь. В чтении он был влюблен с юности, о чем свидетельствует «Архив»: «Мой отец выписал для нас из Голландии хорошо составленную библиотеку, в которой находились лучшие французские авторы и поэты, а также книги исторического содержания, так что, когда мне было 12 лет, я уже был хорошо знаком с произведениями

Вольтера, Расина, Корнеля, Буало и других французских писателей»⁶. Для библиотеки и архива в Андреевском было отведено особое крыло здания. Здесь хранилось несколько тысяч книг, рукописей и писем. Обилие и разнообразие книг говорят о широте духовных интересов их обладателей. Преобразующая роль книги в культуре России XVIII—XIX вв. была неоспоримой. С книгой осваивались науки, с ней открывались для себя другие языки.

Великолепная оранжерея («парники») графа А. Р. Воронцова в Андреевском была хорошо известна во Владимире и в Москве, куда отправлялись излишки овощей и фруктов. Для Е. Р. Дашковой после ее любимого Троицкого родовое Андреевское было самым желанным уголком. Судя по переписке, между Андреевским и Троицким шел постоянный обмен растениями для парков и садов. Княгиня Дашкова, считавшая себя «садовником» (по склонности) и «фермером» (по необходимости), разбиралась в искусстве создания парков. Ее сад в Троицком был замечательным провинциальным парком с романтическим оттенком. Княгиня занималась посадкой деревьев.

Дом в Троицком был очень большим. По воспоминаниям К. Уильмот, «если подъехать к дому сзади, взгляду открывается несколько зданий, окружающих площадь, в центре которой высится церковь. Они создают единый ансамбль с домом княгини, и можно решить, что это маленький городок. Тут и театр, и школа верховой езды, больница, конюшня, дом для гостей, дома для слуг, стойло и пр.»⁷. После смерти княгини Троицкое быстро пришло в упадок.

В настоящее время в Троицком сохранились остатки фундаментов господского дома и усадебного парка с обелиском, восстановлена усадебная церковь в честь Святой Животворящей Троицы, построенная усилиями Е. Р. Дашковой в 1767 г. В соседнем с Троицким — г. Кременки Калужской области — существует школьный музей, посвященный Троицкому и его устроительнице, а сама школа носит имя Е. Р. Дашковой.

В 1766 г. Е. Р. Дашкова приобрела в Москве на Никитской улице участок земли. Автором проекта дома был В. И. Баженов. С 1871 г. в этом доме расположилась Московская консерватория, находящаяся здесь и теперь.

Будучи одаренной устроительницей усадебного быта, княгиня Дашкова занималась благосостоянием своих крестьян. За 40 лет ее правления население Троицкого возросло с 840 до 1 550 душ. Будущая княгиня получила сравнительно небольшое приданое. Почти все, что она имела впоследствии, было нажито ее собственными трудами. Ее владения складывались из вотчины князей Дашковых; имения сестер мужа и свекрови; имения, купленные ей самой; имения, подаренные ей Императрицей Екатериной II.

Граф, впоследствии светлейший князь генерал-фельдмаршал Михаил Семенович Воронцов, четверть века провел в войнах, другую четверть отдал гражданской службе. С 1823 г. М. С. Воронцов был новороссийским генерал-губернатором и наместником Бессарабии. В его подчинении оказались Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии и Бессарабия, а местом пребывания была выбрана Одесса, которая к его приезду представляла собой большой интернациональный город, где проживали русские, поляки, евреи, греки, итальянцы, румыны. С 1810 г. в Одессе существовал оперный театр. Итальянская опера была на пике своего развития во времена генерал-губернаторства графа. В 1829 г. М. С. Воронцов получил высочайшее разрешение на открытие Одесской публичной библиотеки, а в 1844 г. подарил ей 368 томов редких сочинений.

В особую заслугу Михаилу Семеновичу следует поставить развитие образования и культуры южных губерний России и веротерпимость. Граф Воронцов принял непосредственное участие в открытии в Одессе новых учебных заведений: Училища восточных языков (1828 г.), училища для глухонемых (1848 г.). При его покровительстве в Керчи и Одессе были созданы музеи древности.

Именно при графе Воронцове на юге России началось строительство жизненно важных путей сообщений и широкое развитие виноградарства и овцеводства. Им была начата застройка мола в Ялте, а к 1837 г. был построен и порт. Ялта стала портовым городом⁸. С постройкой ялтинского порта открывался водный путь в Одессу. Он один из первых завел винодельческое хозяйство в Крыму — в Массандре, Алушке и Ай-Даниле. Массандра и Ай-Даниль уже к концу 40-х гг. стала центром всего южнобережного виноделия. По словам Ф. Ф. Вигеля, «отрасль сию насадил, возрастил и

довел до возможного совершенства Воронцов... До него не слыхивали о крымском вине, ныне во всех губерниях до самой Москвы оно вошло во всеобщее употребление»⁹. Виноградное хозяйство давало Воронцову доход 50 тыс. руб.¹⁰ На крымских землях М. С. Воронцов организовал садовое хозяйство и рыбные ловли. Крым «ожил».

Несмотря на то что в Одессе для Воронцова был построен великолепный губернаторский дворец, он выбрал себе место летнего пребывания на Южном побережье Крыма в 16 верстах к западу от Ялты — маленькую татарскую деревушку, расположенную среди разбросанных по всей территории обломков скал, Алупку, ставшую одним из красивейших и привлекательнейших мест Крыма.

В течение двадцати лет (с 1825 по 1844 г.) Михаилу Семеновичу удалось скупить около 130 дес. земли в самой Алупке и ее окрестностях. На этой земле был возведен скромный временный дом, в котором в 1825 г. останавливался Император Александр I. Этот дом сгорел в декабре 1941 г.

Впоследствии граф Воронцов создал в Алупке великолепную крымскую усадьбу. Ее центром стал красивый дворец из диабазы, построенный по проекту английского архитектора Э. Блора. Дворец был воплощением художественной полноты, благородства и оригинальности стиля. Для огромного собрания книг был выстроен специальный библиотечный корпус. Михаил Семенович с почтением относился к сохранению памяти о своих предках. В его библиотеке хранился богатейший семейный архив, который останется «вечным памятником государственной мысли и не показного, а действительного усердия к здоровому Русскому просвещению»¹¹.

По декрету В. И. Ленина относительно использования Крыма для лечения трудящихся в 1920 г. воронцовское имение в Алупке было национализировано и перешло в ведение Всероссийского объединения курортов.

Последний российский граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков был наследником почти всех воронцовских владений и личным другом Императора Александра III, за 60 лет своей служебной карьеры он занимал много важнейших военных и гражданских должностей. Благодаря своему увлечению разведением лошадей он был президентом и вице-президентом Императорских рысистого и скакового обществ, известным деятелем и управляющим Государственным конно-

заводством. В 1859 г. он основал в своем тамбовском имении Ново-Томниково конный завод для разведения рысистых орловских лошадей. С 1890 г. на заводе Воронцова-Дашкова появились чистокровные верховые жеребцы и американские рысаки. Орловско-американские лошади, полученные от них, стали родоначальниками выведения русской рысистой породы. Питомцы завода отмечались золотыми медалями Всероссийской сельскохозяйственной выставки. Завод с его постройками сохранился до наших дней.

Ново-Томниково, расположенное в Шацком уезде на р. Цне (Тамбовская область), перешло к Иллариону Ивановичу от отца. Здесь располагались два больших двухэтажных господских дома, огромный великолепный парк, кухня, дом для прислуги, службы, конюшни и другие постройки конезавода, ипподром. Стараниями графа в усадьбе появились признаки «цивилизации»: водяное отопление, электричество, канализация, лифт. Его трудами при усадьбе по проекту архитектора Н. В. Султанова был выстроен шатровый храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В этой же церкви хранится памятное напрестольное Евангелие.

В настоящее время в Ново-Томниково сохранились почти все атрибуты усадьбы. Господские дома служат помещением и школой для детского санатория. Продолжает действовать Ново-Томниковский конезавод.

Представители рода Воронцовых были выдающимися просветителями, культурными хозяевами, умели работать и каждый на своем месте и в своем имении внес значительный вклад в развитие провинциальной культуры. Прежде всего это относится к возведению храмов. При каждой усадьбе возводилась церковь в честь икон Богородицы, Спаса Нерукотворного, апостолов, святителей. Ни одна вотчина не оставалась заброшенной. Значение же храмов на Руси XVIII—XIX вв. трудно переоценить. Со дня основания владения Воронцовых сразу становились культурными центрами целой округи. Любовь к театру, увлечение историей, античной и новейшей литературой Воронцовы сочетали с непрерывной просветительской деятельностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рябинин Д.Д. Граф Семен Романович Воронцов // Русский Архив. 1879. Т. 1—4; Дашкова Е.Р. Записки. М.: Изд-во МГУ, 1987. 496 с.;

Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2002. 477 с.

² См.: Архив князя Воронцова. М., 1870—1895. Т. 1—40.

³ Архив князя Воронцова. Т. 24 (предисл.).

⁴ Цит. по: Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 71.

⁵ ОДРА. Ф. Воронцовых. Оп. 36. Док. 988. Л. 19. Описание с. Андреевского, сделанное А. Кондаковым.

⁶ Архив князя Воронцова. Т. 5. С. 12.

⁷ Дашкова Е.Р. Записки. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 341.

⁸ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 99.

⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1865. Т. 7. С. 222.

¹⁰ Архив князя Воронцова. Т. 38. С. 334.

¹¹ Архив князя Воронцова. Т. 26 (предисл.).

Поступила 10.12.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Rjabinin D.D. Graf Semen Romanovich Voroncov // Russkij Arhiv. 1879. Т. 1—4; Dashkova E.R. Zapiski. М.: Izd-vo MGU, 1987. 496 s.; Alekseev V.N. Grafy Voroncovy i Voroncovy-Dashkovy v istorii Rossii. М.: ЗАО Centrpoligraf, 2002. 477 s.

² Sm.: Arhiv knjazja Voroncova. М., 1870—1895. Т. 1—40.

³ Arhiv knjazja Voroncova. Т. 24 (predisl.).

⁴ Cit. po: Alekseev V.N. Grafy Voroncovy i Voroncovy-Dashkovy v istorii Rossii. S. 71.

⁵ OДRA. F. Voroncovyh. Op. 36. Dok. 988. L. 19. Opisanie s. Andreevskogo, sdelanoe A. Kondakovym.

⁶ Arhiv knjazja Voroncova. Т. 5. S. 12.

⁷ Dashkova E.R. Zapiski. М.: Izd-vo MGU, 1987. S. 341.

⁸ Arhiv knjazja Voroncova. Т. 37. S. 99.

⁹ Vigel' F.F. Zapiski. М., 1865. Т. 7. S. 222.

¹⁰ Arhiv knjazja Voroncova. Т. 38. S. 334.

¹¹ Arhiv knjazja Voroncova. Т. 26 (predisl.).

E. V. Barsukova. Culture-Creating Role of the Counts Vorontsovs' Estates in the Context of Regional Culture

The Vorontsov and Vorontsov-Dashkov family of counts and princes gave Russia the President of the Russian Academy Princess Ekaterina Romanovna Dashkova (Vorontsova), diplomat Semyon Romanovich, President of the Collegium of Commerce Alexander Romanovich, military leader Mikhail Semyonovich and an owner of a stud farm Illarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov. In the 18th — early 20th century they owned extensive estates located in many regions of Russia: in Moscow, Tver, Kaluga, Vladimir,

Saratov, Simbirsk, Penza, Stavropol, Ukraine, Crimea, etc. These estates consisted of ancestral domains, lands donated by the sovereigns, and also of the lands inherited as wives' dowries. Combining bright personalities, moral and psychological unity within the family manorial estates, carrying out huge administrative and organizational work in different spheres of public life, care of their ancestral lands was characteristic of the Vorontsovs, they protected them as historical memorials, and they tried to retain the estates in the possession of their family. As a consequence, the estates eventually gained manor houses, churches, family portrait galleries, greenhouses and parks, gardens, cemeteries, theatres, collections of documents, huge libraries, archives and other zests of the manorial estates.

Concern for preservation of the ancestral domains as a single indivisible whole was seen from generation to generation of the Vorontsov family. To the credit of the heirs, they neither sold, nor mortgaged any of the ancestral domains.

Since the foundation, the estates of the Vorontsovs immediately became the cultural centers of the neighboring regions. Each representative of the family as a cultural master in his place and in his estate made a significant contribution to the development of provincial culture. First of all, this applies to the construction of temples: no ancestral domain remained "lonely", and also to the construction of library buildings and theatres.

BARSUKOVA Elena Viktorovna, Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of the English Language for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

Журнал распространяется по подписке.

Технический редактор *Л. В. Митякина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод на английский язык *А. В. Пузакова*

Транслитерация примечаний выполнена посредством обращения к интернет-ресурсу <http://www.translit.ru>

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 57331 от 17 марта 2014 г. Подписано в печать 20.06.2014. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 12,14. Тираж 1 000 экз. I завод — 300 экз. Заказ № 825.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве Мордовского университета.
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.